

Annotation

Я был успешным юристом. Деньги, девочки, гулянки! Жизнь удалась! По крайней мере, так мне казалось. А зря...

Судьба решила, я должен сделать что-то достойное и вот!

1938 год...Я – детдомовец в секретной школе НКВД. Товарищи меня ненавидят. Рядом вьётся мутный чекист. Впереди – нелегальная работа. На кону – мое будущее. Если выживу, конечно...

- - *

Позывной «Курсант»

Глава 1

Глава 2

Глава 3

Глава 4

Глава 5

Глава 6

Глава 7

Глава 8

Глава 9

Глава 10

Глава 11

Глава 12

Глава 13

Глава 14

Глава 15

Глава 16

Глава 17

Глава 18

Глава 19

Глава 20

Глава 21

Глава 22

Глава 23

- - *

Позывной «Курсант»

Глава 1

О странных снах и не менее странных пробуждениях

— Алеша... Где же ты спрятался? Ох, и негодник. Заставляет маму искать его по всем углам... Где же mein Lieblingssohn?

Я сижу в комодке. Я ужасно доволен. Хорошее место выбрал.

Старый комод похож на какое-то волшебное существо из сказок. Он — огромный. Его нижняя часть — будто здоровенная пасть великана. Открыл дверцы, пока мама считала до двадцати, забрался внутрь и все. Нет меня. Я исчез.

— М-м-м-м... Wo hat er sich versteckt?

Я тихо смеюсь, прижав ко рту ладонь. Куда же он спрятался? — вот что говорит мама. Она все время разбавляет русский язык немецкими фразами. Забавная привычка. Уверяет, будто так тренирует мой ум и память. Хотя что их тренировать? Папа, между прочим, считает, что я очень смыслённый и буду умнее его, когда вырасту. А уж немецкий язык мне вообще как родной.

Я осторожно, стараясь сделать это неслышно, прижимаюсь щекой к дверце комодка и пытаюсь одним глазом рассмотреть, что происходит в комнате, через замочную скважину, но потом вспоминаю, ключ ведь на месте. Большой, металлический ключ. Ничего не увижу. Но зато есть длинная трещина. Комод очень старый, он весь покрыт такими трещинами. А вот одна, совсем глубокая. Ей можно воспользоваться.

Хочу увидеть в щелочку, как мама ходит по комнате с озадаченным лицом. Но получается

рассмотреть только большой, круглый стол. На нем — ваза с конфетами. Огромный торт. Чашки, в которые разлит давно остывший чай... Эти чашки вынули из упакованных вещей в первую очередь. Мама говорит, они достались ей от бабушки. Мы пьем из них чай только по праздникам. Сегодня — праздник. Мой день рождения. Мне исполнилось целых шесть лет.

Правда, едва мы сели за стол, как за отцом приехала машина. Его забрали на службу. Ну-у, это он мне так сказал. Папа же не будет обманывать! Обнял меня, а потом произнёс непривычно странным, напряженным голосом.

— Алеша, я скоро вернусь. Твой день рождения — очень важное событие. Непременно вернусь...

Мой отец — серьёзный человек. Дипломат. Он никогда не обманывает. Особенно меня.

— Алеша... Где же ты?

Зажимаю ладошкой рот, чтобы не засмеяться. Как хорошо я спрятался!

— Алеша, ты...

Мама не успевает договорить, потому что в дверь звонят. Настойчиво, не отрывая пальца от кнопки звонка. Громкий и какой-то тревожный звук. А потом, практически сразу, без малейшей паузы, неизвестные гости несколько раз бьют по входной двери. Мне кажется, это точно не папа. Он не стал бы так делать. Папа — тихий, спокойный. Всегда. А тут, будто ногами лупят изо всех сил.

Вдруг это разбойники? Как в одной из волшебных историй, которые папа читал перед сном в Берлине.

Просто всё в Московской квартире напоминает мне сказку. Комод, в котором я спрятался; мебель, старая и потертая; печь в углу комнаты... В Берлине мы жили иначе. Там совсем не было ничего сказочного.

— Гражданка Витцке, одевайтесь, Вам надо проехать с нами.

Чужой мужской голос кажется мне страшным. В нем нет злости, однако я точно чувствую, этот человек — плохой. И еще, он прошёл в комнату в грязных сапогах. А это совсем уж из ряда вон. Странно, что мама не сказала ни слова. Она ненавидит грязь. Я вижу в щелку, как эти сапоги остановились возле стола. Снег тает и стекает с них на пол. Чуть дальше — еще одни сапоги. Но вторые пока молчат.

Неужели и правда разбойники?

Пытаюсь устроиться поудобнее, чтоб лучше рассмотреть все происходящее. Делать это надо очень тихо, дабы не выдать свое присутствие и чтоб меня не заметили.

Если незваные гости действительно разбойники, то я дождусь подходящего момента и

выпрыгну на них из комода. Возле печи стоит кочерга. Мне нужно только добежать и схватит ее. Нам тогда ничего не будет угрожать. А потом вернется папа и все станет очень хорошо.

— Позвольте, но куда? Сергей на службе. Мне надо дождаться его...

Мамин голос меняется. Он немного дрожит. Совсем чуть-чуть. Я слышу, как в нем нарастает паника. Она точно так же разговаривала в прошлом году, когда меня лихорадило из-за высокой температуры. А потом вдруг мамыны легкие шаги приближаются к комоду, она поворачивается спиной, опирается о него одной рукой и... и другой рукой, незаметно для гостей, поворачивает ключ в замке.

Я догадываюсь, что мама хочет скрыть свой поступок от разбойников. Потому как она, ко всему прочему, тихо вытаскивает этот ключ и, не разжимая ладонь, сует руку в карман платья. Я ничего не понимаю. Зачем мама заперла меня? Это ведь не случайность. Не может быть случайностью. Выходит, она знает, что в комод сию я, но прячет от разбойников?

— Сергей ждёт Вас. Не переживайте. Как раз к нему на службу и отправимся...

Я очень хочу крикнуть маме, чтоб она не верила этому голосу. Он врет. Я Чувствую это. Точно врет. Но не могу произнести ни слова. Мне становится жутко. Ладони потеют. Я хочу вытереть их о брюки, однако в итоге просто сжимаю ткань пальцами и не двигаюсь.

— Вы...как же странно...— Мама отрывается от комода и подходит к столу. — Ничего не понимаю...Ну, хорошо...Что именно нужно взять с собой?

Я смотрю в щелочку, но отчего-то даже та часть комнаты, которую могу разглядеть, плывет и смазывается. Я моргаю несколько раз, а потом пальцами тру один глаз. Тот самый, которым наблюдаю за происходящим. Он мокрый. Это — слезы. Но я вроде бы не плакал...

— Ничего. Просто оденьтесь и поедem. Товарищ Разинков, помоги Марине Леонидовне.

— Не надо! Помогать не надо... — Мама идет в сторону шкафа.

Я больше не вижу ее. Шкаф стоит в дальнем углу. Вторые сапоги топают следом за ней. Устрашающе топают.

— Я же сказала, не надо помогать! — Мама говорит все громче. Она сильно нервничает.

— Дык малость придержу вещички...—Второй голос мне тоже не нравится. Он...хриплый, неприятный и какой-то лающий. Словно злой пес гавкает.

— Не надо ничего держать! Уберите руки! — Мама уже не просто нервничает, она выкрикивает слова, будто вот-вот заплачет.

Мне становится по-настоящему страшно. Никогда не слышал, чтоб мама так разговаривала. Вообще никогда. Ни разу.

Меня охватывает оцепенение! Наверное, я и правда в сказке. Поэтому не могу пошевелить даже пальцами!

Я слышу звук какой-то возни, потом что-то падает на пол. Но негромко. Я бы мог подумать, будто уронили ворох вещей. Стука или грохота нет. Есть только шелест ткани.

— Это... часы Сережи. Откуда они у Вас? У Вас, вот — на руке!

— Дык... ну... Не надо, гражданочка! Не надо хватать власть при исполнении за руки. И часы... Что часы? Похожие просто... — Хриплый голос неуверенно оправдывается.

— Нет похожих... — Мамины шаги теперь двигаются к выходу из комнаты. Медленно. Я понимаю это по тому, как они отдаляются от шкафа. — Нет похожих часов. Он приобрел их в Берлине... Потому и приобрёл. Единственный экземпляр.

— Разинков, держи! — Кричит вдруг первый голос.

Я пытаюсь понять, кого? Кого надо держать! Не видно ничего через щелочку. Только все тот же, накрытый в честь дня рождения, стол. Снова раздается грохот, на этот раз гораздо сильнее. Будто упал стул или сразу два стула.

— Вот сука! — Ругается хриплый голос. Он злой, но немного удивленный. — Укусила! Укусила, тварь! Вот тебе — интеллигенты хреновы. Ах, ты...

Мне становится совсем страшно. Потому что я слышу шлепок. Громкий. Словно кого-то ударили по лицу.

И мама больше не говорит, она мычит. Такое чувство, будто ей заклеили рот.

— Да что ж ты... дрянь! — Продолжает ругаться Хриплый.

Еще один звук удара. Глухой. И одновременно с ним — короткий мамин крик.

— Ты... етишкин корень! Разинков! Ты зачем ее об угол... — Первый голос злится. На маму, на вторые сапоги. На всех. — Твою ж дивизию... Смотри, дышит? Дышит, спрашиваю!

— Товарищ Ляпин, ну, ты видел же? Она побегла к выходу. На улицу хотела, точно говорю. И гляди, дрянь, укусила...

— Ты на кой ляд часы его напялил, Разинков? Не терпится?

— Дык ему-то они уже не понадобятся... Зачем часы на том свете?

— Не понадобятся... — Первый голос повторяет за Хриплым с ехидной интонацией. Передразнивает. — Тебе тоже не понадобятся теперь. Отправишься за их бывшим владельцем, если узнают о причине сорвавшейся операции. Баба нам нужна была живой. Кретин... Поднимай её! Надеюсь, не сдохла контра...

Замерев, слушаю, как говорят между собой эти двое. Мне настолько страшно, что я не чувствую рук и ног. Все тело сковало, будто от сильного мороза. И еще начинают стучать зубы. Сжимаю их изо всех сил. Я хочу выскочить, а потом схватить кочергу и броситься на злых людей. Бить их так больно, чтоб они больше никогда не приходили. Но не могу. Просто не могу. Я даже вздохнуть боюсь. Боюсь, что они услышат мое дыхание. А еще, ключ... Он лежит в кармане маминого платья.

— За ноги бери! За ноги! Разинков... Не под юбкой, за щиколотки. Вооот... Я за руки ухвачу. Давай... — Первый голос дает команды Хриплому.

Их шаги становятся тяжёлыми. Они медленно удаляются, а потом и вовсе уходят из комнаты. Я все равно не двигаюсь. Даже когда слышу звук захлопнувшейся двери, сижу, сжав зубы и вцепившись пальцами в ткань брюк.

Комод кажется теперь самым настоящим чудовищем. Он вдруг начинает уменьшаться. Его стенки будто наезжают друг на друга, сдавливают меня. Открываю рот, но не могу набрать воздуха... Задыхаюсь и...

— Сука! — Глухо крикнул я в подушку, которой кто-то невидимый давил на мое лицо.

Впрочем, «крикнул» — это слишком громко сказано. Прохрипел, простонал, промычал. Вот так будет точнее.

Грязная ткань сразу же оказалось у меня во рту, ибо не хрен открывать его в самые неподходящие для этого моменты. Воздуха не хватало катастрофически. Я реально понял, сейчас очень велик шанс лишиться даже той странной жизни, которая теперь имеется. А ведь только смирился с ней. Не привык, не в восторге и до сих пор, честно говоря, пребываю в тихом офигевании. Но смирился. Просто осознал как раз за эти долбаные семь дней, все вокруг мне не снится, я не шизофреник.

И тут — ни хрена б себе, такое бодрящее пробуждение! А все этот чертов сон. Каждый раз, когда его вижу, словно в бездонную яму проваливаюсь. Ни на что не реагирую. Причем, он повторяется почти каждую ночь. Снится комод, пацан, мать пацана и какие-то люди. Но самое интересное, точно знаю, пацан — это я. Вернее не так... Черт... Как же странно даже думать о подобном. Даже предполагать...

Ясное дело, быть пацаном из сна не могу чисто физически. Не родился еще в то время. Вся обстановка в комнате слишком древняя. Но при этом, сон — четкое, явное воспоминание. Воспоминание того человека, чье место я занял неделю назад, оказавшись в довоенном детском доме. Господи... Как же дебильно звучит...

И это, между прочим, лишний раз подтверждает, психика у меня — железобетонная. В любом другом случае, любой другой человек реально чокнулся бы или... не знаю... вздернулся. Да и спокойно спать кто-то другой вряд ли смог бы в такой ситуации.

Я тоже не сплю, если честно. Как все произошло, так и не сплю. Вздрагиваю от малейшего

шороха.

Но сто́ит присниться этой ерунде про пацана, который прячется в комод, и все. Мандец. Убивать будут, не замечу. Вот, собственно говоря, тот самый момент сейчас и происходит. Меня душат, а я все интересное пропустил. Хорошо, хоть под самый конец очухался. А то так бы и загнулся в этом про́клятом, адском месте.

Резко брыкнулся ногами. Руками шевелить не мог, их, похоже, держали прижатыми к кровати. Значит, точно не один старается. Как минимум — трое.

Эти уроды между собой не разговаривали, делали все молча. Крысеныши сраные... Я со всей силы, еще раз ударил ногой. Под пяткой оказалось что-то мягкое. Судя по ощущениям, живот.

— Млять! — Громким шепотом матернулся один из нападавших.

Отлично! Попал! Надо повторить. В голове нарастал шум. Если сейчас не отобьюсь, они реально меня угандошат. Твари малолетние...

Я ударил ногой в то же место. Опять попал. Еще раз ударил. Невидимый враг глухо взвыл и одна моя рука оказалась свободной. Видимо, этого хорошо отоварил.

— Уходим... — Говорил тот же, что и матерился.

К сожалению, узнать его не смог. Во-первых, он специально понизил голос, во-вторых, подушка приглушал все звуки. А в третьих, я был готов уже вырубиться и плохо соображал. Отсутствие воздуха никого не делает бодрее.

Зато сразу исчезла тяжесть со второй руки. Потом раздались быстрые шаги и скрип кроватей. Три. Да, точно три. Вот уроды. На одного — втроем. Крысы и есть.

Скинул с себя эту долбанную подушку, а потом жадно несколько раз хапнул ртом спёртого воздуха.

— Суки... — Произнёс громко и отчётливо. — Ссыкло.

Поднялся на локтях, покрутил головой.

В просторной комнате, рассчитанной на двадцать человек, нас находилось гораздо больше. Кровати стояли едва ли не впритык. Большинство из них были сколочены из грубых досок. Для детдомовцев и такое сойдет.

В спальне стояла абсолютная тишина. Все пацаны лежали, не двигаясь. Некоторые даже сопели и похрапывали.

Ты посмотри, какая милая картина... Будто сейчас вообще никто не пытался вонючей подушкой меня придушить.

— Я все равно узнаю, кто это был. А когда узнаю, сломаю руки.— Сказал тихо, но так, чтоб каждая тварь услышала. Те, кто не спят, конечно. К спящим вопросов не имеется.

Это уже вторая попытка. Вторая! За неделю. В первый раз меня спасло внезапное появление воспитателя. Хотя именно тогда у малолетних уродов все могло получиться.

Я был в шоке и не мог до конца принять мысль, что очнулся в прошлом. Еще и в таком прошлом, где моим «бонусом» оказался семнадцатилетний ботан, которого ненавидит бóльшая часть воспитанников детского дома. Эти детали выяснились, конечно, несразу. Насчет ботана, прошлого и детского дома. Сначала просто было состояние офигевания.

И что получается? Детишки поставили цель убить меня? На обыкновенный способ проучить — мало похоже. Видимо, наша первая стычка, которая вылилась в коллективную драку, сыграла слишком большую роль. Впрочем, как и мое поведение в следующие дни. Но тут имеется некое оправдание, если уж на то пошло. Даже в стрессе, я не мог смириться с тем фактом, что какая-то малолетняя шпана пыталась учить меня жизни.

Как? Как вообще я оказался в этой дебильной, ненормальной, фантастической истории? Если пытаюсь думать, искать ответы на подобные вопросы, возникает четкое ощущение, что схожу с ума. Потому что по всем законам природы не могут адекватные, обычные люди внезапно просыпаться в прошлом. Это невозможно. Мы ведь не в сказке живём!

Ровно неделю назад, я, вполне здравомыслящий, взрослый человек, отправился в клуб, чтоб обмыть с товарищами удачно завершённое дело. Конечно, насчет дела — это повод. В реальности просто была пятница, а по пятницам мы отдыхаем в определённом месте. И пил-то, не сказать, чтоб много. Как обычно. Вискарь, кола, немного химии для остроты ощущений.

В какой момент началась та заварушка, не понял. Мне лично было весело. Кто из моих пацанов закусился с соседним столиком, понятия не имею. Поэтому и просрал момент, когда по башке прилетело пузырем виски. Вырубился в одну секунду. Просто в голове звонко ухнуло, а затем вместо мельтешащих цветных огней клуба и громкой музыки меня резко накрыло вязкой темнотой.

Когда очнулся, подумал, в больничку, похоже, забрали. Этот момент удивления не вызвал. Сначала. Просто бывало уже такое. Человек я горячий, по мнению бóльшинства — охреневший. Даже от друзей частенько слышу, мол, бабло и папины связи испортили меня окончательно. Поэтому иногда происходят ситуации, в которых я не считаю нужным держать мнение при себе.

Соответственно, бывало такое, что после какой-нибудь особо грандиозной попойки просыпался в клинике. Но это всегда определённая клиника. В которой сутки пребывания стоят как месячная зарплата среднестатистического гражданина.

А вот сейчас ситуация выглядела совсем иначе. Я реально подумал, что в драке вырубился и меня забрали в обычную больничку. В очень убогую больничку для бомжей. Правда,

непонятно, с хрена ли. Документы при себе. Да и товарищи мои не дали бы такому произойти. Даже если администрация клуба вызвала ментов. Особенно, если вызвали ментов.

Те просто уже не связываются с нашей компанией, зная ее состав поименно, ибо неоднократно бывали последствия после их вмешательства. Последствия, естественного, не для нас. А для доблестных сотрудников внутренних органов. Соответственно, друзья отправили бы меня в клинику, а никак не в руки бесплатной медицины. Только если прикола ради. Типа, поглумились.

Почему я решил, что нахожусь в какой-то жопе? Да потому что открыл глаза и увидел серый потолок в разводах. Будто кто-то долго и часто на него ссал. Честное слово. Вот прямо очень похоже.

В палате было темно, ни хрена не видно. Я попытался сесть и в тот же момент понял, больничка не просто для бомжей. Она для самых поганых бомжей. Под задницей были жесткие доски, на которые бросили какое-то подобие матраса. Тонкое, со сбившейся комками ватой. Воняло это подобие так, что меня едва не вывернуло.

Второй момент, который, скажем прямо, сильно удивил, — это количество живых душ на один квадратный метр помещения. Впрочем, как и само помещение. Оно тоже вызвало недоумение своими старыми окнами, дощатым полом, лампочкой, висевшей на длинном проводе. Эту «красоту» я смог оценить даже в темноте.

Кроме того, большая комната была натурально набита кроватями. Просто, одна к одной. В полумраке я насчитал штук тридцать пять, не меньше. По идее, настолько плохой больнички даже в самой провинциальной глубинке, даже в самой жопе мира быть не может. В дополнение ко всему, в комнате стоял хреновенький запах, то ли несвежего белья, то ли потных ног, то ли грязных тел.

В следующую секунду меня буквально подкинуло на месте. Я отчётливо понял, в постели, где лежу, имеется своя, самостоятельная жизнь. Судя по всему, клопы или блохи. Ибо грызли они мое родное, любимое тело, нещадно.

— Это что за ерунда... — Сказал вслух, но сразу же заткнулся. Просто...

Голос был не мой. Нет, я, конечно, никогда не пытался оценить свой тембр со стороны и не особо этим вообще заморачивался. Если ты не вокалист, то по хрену, что там с голосом. Однако фраза, которая теоретически прозвучала от взрослого тридцатипятилетнего мужика, была сказана кем-то более молодым. Значительно «более».

— Су-ка...сука...су-ка... — Снова высказался вслух, медленно, по слогам. Пытался оценить, как звучит голос. А потом нервно хохотнул. Ибо он реально был не мой! Не мой, блин! Это как? Ну, или у меня с башкой что-то не в порядке.

— Слышь, придурок. — С одной из кроватей приподнялась голова.

Тело там, само собой, тоже имелось но оно лежало. А вот голова оторвалась от подушки и уставилась прямо на меня.

В комнате было темно. Единственный источник света — за окном, где-то совсем не близко, был уличный фонарь. Поэтому рассмотреть хорошо данного товарища я не мог, но при этом понял без малейших сомнений, со мной говорит подросток. Лет шестнадцать где-то. Башка у него была лысая, круглая, как мяч, и ушастая. Голос — раздраженный.

— Спи, козел, млять. Задрал! То мычишь по ночам, то на немецком орешь, как психованный. Теперь новый, что ли, репертуар. Спи! Алеша, епте...

— Ты совсем охренел? — Задал я пацану вполне логичный вопрос.

Логичный, потому что при всех этих странностях точно был уверен в двух вещах. Первое — с какого перепугу мне хамит малолетка? Сейчас уши ему эти оторву, да и все. Второе — я не Алеша. Зовут меня вообще по-другому.

Наивный человек... В тот момент я еще не знал всей глубины задницы, в которой оказался. Даже предположить не мог. Потому что правда оказалась настолько фантастической, что поверить в нее почти невозможно.

Глава 2

В которой я соображаю, как выбраться из ситуации, но ничего не соображается

— Реутов, ты что здесь делаешь? Сейчас — время работы в мастерской. Опять сбежал? Что с тобой, Алексей? Я не понимаю. Ты же один из лучших воспитанников. Откуда этот непонятный бунт? Тебя просто как подменили!

Я мысленно выругался, тяжело вздохнул и поднял взгляд на директора детского дома, который замер прямо напротив меня.

— Алексей... — Он с осуждением покачал головой.

Вообще, на фразу про «подменили» хотелось искренне ответить — да! Да, блин! Подменили! И теперь приходится думать, как вернуть все обратно. Чтоб этот сраный Реутов стал самим собой, а я снова оказался дома. В своем времени, в своем теле, в своей жизни. Но ведь не скажешь подобное вслух. Договорить не успею, как меня отправят в психушку. Хотя... Нет. Сначала в гораздо более опасное место. А вот оттуда — в психушку.

Поэтому пытаюсь уже неделю придумать, как исправить приключившуюся со мной задницу. Черт... Неделя прошла. А подвижек никаких. Я-то, если честно, искренне надеялся, что уже следующим утром очнусь дома. Мало ли... Сбой в работе вселенной. Затянувшееся на целый день помешательство. Белочка, на крайний случай. Ибо не хрен мешать алкоголь с веселым порошком. Ну, или, к примеру, сон. Вот такой хреновый, но очень реальный сон.

Хотя, нет... Врать не буду. Версию со сном отмел сразу же. Подобное не может присниться.

Слишком натурально. В общем, семь долбанных дней я ложился на деревянный топчан, заменявший кровать, и вставал утром с мыслью — да ну на хрен! Причем, когда проваливался в вязкую пустоту после тщетных попыток найти решение проблемы, видел один и тот же сон. Чертов комод, в котором я прячусь, мать и голоса посторонних. Вернее, этот Реутов прячется, чтоб ему обосраться, честное слово.

Судя по всему, его родителей арестовали. Мать, чисто теоретически, случайно грохнули. А у пацана осталось воспоминание о том дне. Это объясняет его присутствие в детском доме, но ни хрена не объясняет мое присутствие в нем.

В общем, подумать есть над чем, но, как назло, здесь нет возможности остаться одному. Вообще никакой. Коллективизм, чтоб его! Приходится хитрить.

И ведь так хорошо спрятался. Надеялся, что об одном, единственном воспитаннике не вспомнят. Их тут, этих воспитанников, все равно до чертиков. Мало разве остальных? В общей сложности — человек двести, если не больше. Не пересчитывал поголовно, но думаю, цифра приблизительно верная.

Соскакивать с работы, между прочим, проблематично. Детдомовцы для ежедневной «трудотерапии» поделены на небольшие группы и каждая группа занимается определённым делом. Кто-то табуретки мастерит, кто-то землю копает. Более рукастым даже паяльник доверяют... Что угодно, лишь бы воспитанники не сидели без дела. Как говорится, дабы голова не думала о плохом, надо занять руки чем-нибудь хорошим! Раньше эта фраза казалась мне чьей-то глупой шуткой, но выяснилось, здесь ее считают аксиомой.

С «трудотерапии» начинается утро, и ей же заканчивается вечер. Всё чётко, по линейке

Однако я все равно попробовал. Вероятность, что мое отсутствие останется незамеченным, очень даже имела. К сожалению, не повезло. Заметили, похоже.

Но вот то, что Владимир Константинович разыскал меня в этом засраном углу, говорит лишь об одном. Поиски велись целенаправленно. И я вообще данному факту не рад. Сейчас бы посидеть, покумекать, сообразить, как быть дальше. Может, есть какой-то вменяемый выход из сложившейся ситуации? Настроения беседовать не имеется никакого, пусть даже и с целым директором детского дома. Потому как ситуация, конечно, — самый натуральный трындец.

Я только-только начал соображать нормально, без панических атак и параноидального психоза в голове, как было в первые два дня. К тому же время идёт, а воз и ныне там. Я по-прежнему просыпаюсь в детском доме Реутовым Алешей. Больше тянуть нельзя. Надо срочно искать выход из этой задницы. Просто спокойно прикинуть одно к другому и все.

А вообще, конечно... В первые минуты, когда проснулся то ли среди беспризорников, то ли среди малолетних уголовников, чуть крышей не потёк. Честное слово! Особенно после того, как понял, ни хрена я не в больнице и ни хрена это не сон. Воняло слишком натурально для сна.

Правда, не сразу сообразил, где нахожусь. Оказалось — детский дом. А как сообразишь, если подобная версия даже в голову поначалу не приходила. Мне, на минуточку, тридцать пять! Я — взрослый человек, состоявшаяся личность и успешный юрист.

Ладно... не всё в своей жизни добыл честным трудом. Образование дали папины деньги. Место в приличной фирме дали папины связи. И само собой, многие считают меня, типа, мажором. Говорю «типа», так как сам считаю иначе. Но сейчас разговор даже не об этом.

В любом случае, в детский дом в реальной жизни я никак попасть не мог, хотя бы по причине возраста, положения и абсурдности ситуации. Тем более, не мог слышать чужой голос вместо своего.

А тогда, в первые минуты после пробуждения, просто не понимал, что за декорации вокруг и в каком безумном спектакле я участвую.

После закономерной претензии ушастому, высказанной мной, не охренел ли он, сразу «проснулись» еще человек пять. Вопрос, кто же в итоге охренел, встал ребром. Настолько ребром, что через десять минут в комнате появился взрослый мужик, который врубил свет и кинулся нас разнимать. Нас — это меня и всех несогласных с моим мнением, что охренел точно не я.

Матерные крики, видимо, были слишком громкими. Ребятишки своими выражениями могли бы вогнать в краску любого уголовника.

— Реутов! Реутов, прекрати! — Орал мужик, пытаюсь оторвать меня от одного из пацанов. Вот так я узнал свою новую фамилию.

Вернее, орали, конечно, все. Особенно — тот, в чью щеку я вцепился зубами. Не то, чтоб мне не давала покоя слава Майка Тайсона, да и щека, это не ухо. Но как еще отбиваться, если на меня одного напали кучей. Вот что мог, то и делал. Хотя, на хрена мне далась именно щека, затрудняюсь ответить. Шок, наверное. Словно переклинило. И, между прочим, считаю, вообще небезосновательно переклинило. Любого на моем месте коротнуло бы. Идешь такой, весь из себя молодец, бухать с друзьями. Получаешь по башке. Просыпаешься среди беспризорной голытьбы в мало знакомом месте. Это как вообще возможно?

— Реутов, что с тобой такое! — Мужик ухитрился все же раскидать кучу-малу из матерящихся подростков и теперь смотрел на меня суровым взглядом.

Я вытер чужую кровь с губ и в наглуую уставился на нежданного спасителя. Драться раньше, естественно, приходилось. В школе — от не хрена делать. Самоутверждался. Так можно сказать. Хотел доказать, что отцовские бабки не при чем и я сам из себя весь такой красавец. Пацан!

В универе — так же. Ну, и в основном по пьяни. В последние годы... Да черт его знает, почему. Вроде доказывать уже никому ничего не надо, а все равно, стóит выпить, какая-то злость внутри просыпается. Но та драка, которая произошла сейчас, она сильно отличалась

от всего, что было в моей жизни раньше.

Во-первых, Реутова этого, судя по всему, сильно не любили. Потому что своим поведением я словно дал повод этим пацанам оторваться по полной программе. Они будто ждали возможности накинуться на него скопом.

А во-вторых, не было никаких правил или страха, что кто-то кого-то покалечит. То есть, детдомовские крысятя накинулись на меня как раз именно с таким желанием — покалечить. И я сейчас не мужское эго отстаивал. Я реально дрался со свою жизнь.

А теперь еще этот дебильный вопрос. Что со мной такое! Нормально? Навалились, уроды, толпой на одного, а спрашивают, только с меня.

Не знаю, почему в тот момент я промолчал и не послал мужика, оказавшегося воспитателем, к чертовой матери. Почему не сказал правду. Что я в душе не гребу, кто такой Реутов, но он не имеет ко мне отношения от слова «совсем». Впрочем, непонятный Алеша — тоже. Хотя, пожалуй, хорошо, что промолчал. Поехал бы в психушку той же ночью.

Я просто сидел на полу, стирал ладонью с лица кровь и смотрел на все, что меня окружает, с одной единственной мыслью — какого хрена происходит ■

На сон все это походило мало. Во сне ты никак не способен почувствовать боль. Даже если в твою физиономию прилетает кулак, а потом сверху еще получаешь удар по башке. Во сне ты, блин, — герой!

А я сейчас всё достаточно хорошо чувствовал. И боль чувствовал, и вкус крови во рту, и как меня пару раз пнули по ребрам. Еще, хоть убей, раздражала непривычная смесь запахов: дерево, пот и табак.

Однако, не это самое главное. Когда наша ругань с пацанами перешла в драку, выяснились гораздо более удивительные вещи.

Я вскочил с кровати и бросился на того, кто очевидно собирался броситься на меня. Закон любой мужской разборки — если драка неизбежна, бей первым. А не надо быть семи пядей во лбу, чтоб понять, драка точно неизбежна. Пацан явно не водички встал попить. Он, перепрыгивая с кровати на кровать, мчался прямо в мою сторону. И рожа у него в этот момент выглядела зверски. В темноте сложно, конечно, зрительно оценить степень агрессии, однако я смог. Видимо, тоже благодаря шоку.

Потому что именно в этот момент стало понятно, голос — херня. Мелочи. Тело не мое! Вот это — просто офигеть, какой номер! Я не видел себя со стороны, но точно понимал, ни черта не тридцать пять. Ни черта не взрослый мужик.

Судя по всему, в данный момент я недалеко ушел от этих пацанов, которые подбираются ко мне со всех сторон.

Ну, и само собой, предположение подтвердилось, когда мы схлестнулись. Будь я тем, кем

являюсь в реальности, троих точно оприходовал бы в первые минуты. Потому как за плечами, между прочим, и спортивная секция по борьбе, и тренажерный зал, и любительские занятия боксом. Помимо разницы в возрасте. Это даже не обсуждается.

А по факту выходило, я, лично я, знаю, как бить, но тело ни черта не знает. И оно вообще не готово драться. Оно худое, не особо сильное, мало тренированное.

— Млять! — Успел я сказать перед тем, как первый добежавший ударил меня в лицо.

А потом — все. Потом было не до разговоров. Хотя при этом, в процессе драки я все равно продолжал все глубже впадать в психоз. Какого черта! Какого, сука, черта! Вот так хотелось заорать во весь голос. И мне кажется, именно это я орал.

— Реутов, не понимаю, почему именно ты? — Воспитатель буквально одним рывком поднял меня на ноги. — Что за приступы внезапной драчливости? Думал, после того, прошлого раза, который у тебя приключился девять лет назад, все наладилось. Сейчас что случилось? Ты можешь как-то объяснить происходящее?

Мужик замолчал и снова уставился на меня осуждающим взглядом.

— А я что? — Вопрос мой, кстати, в данном случае был гораздо более обширным, чем могло бы показаться.

Вот именно... Что я? Кто я? Где я? Сука...

— А ты снова ввязался в драку. Алексей, ты ведь хороший парень... — Мужик вздохнул, затем очень неожиданно гаркнул. — А ну, спать быстро!

Переход был настолько резким, что я не сразу понял, чего это он про хорошего парня говорил спокойно, и вдруг заорал, велел спать. Однако, по тому, как нехотя мои противники расплзлись по местам, похоже, последняя фраза предназначалась им.

— Ты тоже ложись. И... Малинин... Что со щекой? Идём, спиртом обработаю. — Мужик в третий раз посмотрел на меня очень внимательным, странным взглядом.

Этот взгляд... Будто хомячок выпрыгнул из банки и погрыз ротвейлера. Вот, что было в глазах воспитателя.

— Иван Пахомыч, а Реутов во сне разговаривал раньше, теперь вскакивать начал. Может, он этот... как его... — Один из моих противников, тот самый, который первым кинулся драться, затупил, подбирая слово.

— Скаженный! — Подсказал ему кто-то из товарищей и бóльшая часть подростков громко заржала.

Подростков... В комнате реально находились подростки. От десяти до семнадцати или шестнадцати. Сложно оценить. Ну, как, блин! Как!

Я снова вытер лицо, подтянул трусы, заодно оценив их невероятно устаревший вид, уже и семейники такие не шьют, а потом дотопал до своей постели, если это можно вообще назвать подобным словом. Молча улегся, вылупив глаза в потолок.

За короткий промежуток времени, пока горел свет, успел оценить обстановку в полной мере и так же в полной мере охренеть окончательно.

Убого. Очень, очень убого. Даже то, что я изначально принял за кровати, на самом деле было чем-то навроде топчанов, застеленных тряпьем. Иначе не могу назвать. Большие деревянные окна, облезлые стены, пол из грубых, некрашенных досок.

И тело... Долбаное тело подростка.

До утра меня больше никто не трогал. Я так и лежал, пялясь в темноту. Пытался понять, как подобная история могла произойти. Ни черта не понял. Не было ни одной более-менее удобоваримой версии. Я, блин, взрослый мужик. По крайней мере, должен им быть. Где? Где мои тридцать пять лет? Где моя квартира? Где моя жизнь?

После подъема, который грянул в 5:30, начал осторожно выяснять подробности.

На самом деле, варианта у меня было всего два.

Я мог продолжать биться в истерике. Бегать, к примеру, по спальне с криками и требовать, чтоб меня вернули обратно. Или доказывать всем присутствующим, будто их не существует, а я ни черта не Реутов. Но это — бред. Уже понятно, комната — реальна. Подростки — реальны. И я реален, хоть совсем не похож на себя.

Второй вариант — попытаться выяснить, где нахожусь. Хотя бы это. А дальше — уже соображать по ситуации.

— Эй, пацан... пшшш... — Позвал я тихо одного из соседей, пока мы заправляли свои постели.

Выбрал самого скромного, спокойного на вид. Хотя, это было вообще не просто. Контингент, конечно, в спальне собрался... Несмотря на юный возраст, некоторым клейма негде ставить. Глаза у всех злые, хитрые. Ощущение, будто так и смотрят, что бы скомуниздить да кому люлей навешать.

Пацан, на которого я сделал ставку, покосился в мою сторону с сомнением. Видимо, ночные события оставили неизгладимый след в его душе.

— Поди сюда... — Я поманил бедолагу пальцем.

Он оглянулся испуганно на остальных, но решил, наверное, не перечить психу. Ибо сложно назвать нормальным человека, который несколько часов назад пытался отгрызть половину щеки врагу.

В общем, от этого тихони я узнал, что находимся мы... В 1938 году!

— Извини...можно ещё раз?

— Сейчас 1938, октябрь. — Повторил Степан свою нелепую фразу. Оказывается, так его звали. Стёпа.

И я бы даже посмеялся. Только ни черта не смешно. Пацан говорил уверенно. Я прекрасно видел по его поведению, он не шутит. Это не прикол такой. Он верит в информацию, которую сейчас доносит мне.

— Ну, да...— Я уставился в одну точку, переваривая услышанное.

Можно предположить, что меня каким-то образом поместили в психушку, а этот Степа — обычный сумасшедший. Поэтому несет полный бред. Мало ли, в жизни бывает всякое. Но... Тело. Тело всю ситуацию ставит с ног на голову. Конкретно тот факт, что оно не мое.

— А это...— Я мотнул головой, намекая на окружающую действительность. На комнату, подростков и все остальное.

— Что это? — Не понял моего вопроса пацан.

— Ну, находимся мы где вообще?

Лицо Степана вытянулось еще сильнее. Он явно начал переживать за свою сохранность, а точнее за целостность щек. Решил, наверное, у меня приближается очередной приступ неадекватности, раз я не соображаю, где нахожусь.

— Так детский дом это...Ты чего, Алеша? Живешь тут последние девять лет. И я тоже. Нас в один год привезли. Только тебя, по-моему, из колонии этого... Макаренко! Да. А я сразу сюда попал.

— Кто? Я? Ааа...ну, да...— Сначала хотел возмутиться, мол, какие, блин, девять лет. Но потом вспомнил, речь не совсем обо мне.

— Ладно...пойду...А то скоро жрать позовут...— Степан бочком попятился от меня в сторону своей постели.

Видимо, мысль о внезапном сумасшествии товарища не оставляла его в покое.

Я молча заправил «кровать», а потом, под шумок, пока пацаны начали бурно спорить и на меня внимания не обращали, выскользнул из комнаты.

Мне нужно было зеркало. Любое. Хоть самое маленькое. Имелось огромное желание рассмотреть себя. Непосредственно — физиономию. Дабы наверняка убедиться, что-то пошло в моей жизни не так. Это, конечно, уже несомненно, но я должен все-таки увидеть своими глазами.

Оказалось, далеко ходить не надо.

Зеркало, конечно, не обнаружилось, но зато в широком коридоре, ведущем к другой комнате, стоял здоровый монстрообразный шкаф. Что-то подобное я когда-то видел в областной библиотеке. Внизу — три ящика, выше ящиков — полки за стеклянными дверцами. Помнится, в библиотеке в такой же мебели стояли журналы с разными учеными и писателями на обложках.

Здесь же — ни писателей, ни журналов. Этот деревянный пенсионер должен был давно оказаться на мусорке. Одна ножка отсутствовала, вторая обмотана тряпкой. Шкаф продолжал держать равновесие только за счет здорового камня, подложенного под угол.

Если внутри когда-то и хранилось что-то полезное, то это явно было давно и неправда. Все мало-мальски ценные вещи уже нашли новые места и теперь на полках наблюдались только пыль и трупки мух, разбивших свои головы о чудом сохранившееся стекло.

Я подошел ближе и уставился на свое мутное отражение.

Среднего роста нескладный, чересчур худой. С первого взгляда — хрен поймешь, сколько лет. Точно не старше семнадцати, иначе меня бы в детском доме никто не держал. А так... Вид изнеможенный. Хотя, если каждый день в 5:30 вставать и спать на зассанных тряпках, ничего удивительного.

Ребра выпирают. Невооруженным взглядом видно.

Но помимо всего этого, имелся один странный факт... Отчего-то незнакомое лицо в отражении казалось мне смутно знакомым. Вот такой каламбур получается. И по смыслу, и по форме.

— Кто ж ты такой... — Пробормотал я себе под нос, вглядываясь в подростка, которого показывало мутное, грязное стекло.

Очень любопытное ощущение. Будто сто раз видел его, но при этом, хоть убейся, не могу сообразить, где и когда.

— Хрень какая-то... — Сделал я вывод, а потом направился обратно в спальню. Стоять посреди коридора в одних трусах — радости мало.

Это был мой первый день в детском доме. Первый день удивительного перемещения в 1938 год. С того момента до «сейчас», когда директор сиротского приюта разыскал мое укрытие, прошла неделя. Каждую минуту я думал только об одном — как отсюда выбраться. Не в плане места. Вот это — точно лишнее. Здесь, в детдоме, я хотя бы тупо имею возможность худо-бедно пожрать и поспать. Да и куда идти, так-то? Нет. Выбраться из 1938 года обратно в свой 2023.

Уже не парюсь даже, возможно ли такое или не возможно. Хрен с ним. В любом случае я — здесь, значит, точно возможно. Как? Не хочу ломать голову. А должен быть совсем в другом месте. Совсем в другом времени.

— Реутов, ты не первый раз за последнюю неделю сбегаешь с работы. Сначала прятался в комнатах, теперь, значит, решил воспользоваться хозяйственной территорией. — Директор с осуждением прищелкнул губами и покачал головой.

Я молча смотрел в другую сторону. Говорить не было желания. У него ночью чуть воспитанника не угандошили, а он за работу переживает. Какие странные приоритеты.

Кстати, подсознательно ждал нападения. Интуиция подсказывала, драку, произошедшую в первую ночь, мои «товарищи» не забудут. Вернее, даже не драку. Сам факт того, что я взбрыкнул. Воспитатель, который нас растащил, упомянул давнишний факт схожей ситуации. Я потом у того же Степана уточнил, о чем шла речь.

— Ты очень странный... — Ответил Стёпа после почти двух минут молчания. Смотрел он на меня с его бóльшим опасением.

— Слушай, просто скажи. Что случилось девять лет назад? — Я и без того был на взводе, а пацан бесил меня своей бестолковостью.

— Ну... Ты тогда отказался следовать правилам поведения. У нас главный был среди парней. Васька Косой. Он потребовал, чтоб ты, как все, воровал у деревенских жратву и приносил. А ты вдруг на дыбы встал. Сказал, мол, воровать не будешь. Это противоречит твоим принципам. Хотя Ваську все боялись. Он хотел тебя проучить. И вышла тоже драка. Но ты... В общем... Гвоздём ему руку проткнул. Хрен его знает, откуда он у тебя взялся. Здоровый такой, ржавый. И пообещал в следующий раз ему глаз выколоть этим гвоздём. Хотя сам еле жив остался. Тебя метелили четверо. В общем, Васька отступился со своими правилами. Решил, что ты этот... Сумасшедший. Так тебя и звали все. Юродивый. А потом в учебе попёр.

— Кто? Васька? — Уточнил я, немного теряя логическую нить рассказа Степана. При чем тут учеба?

— Да какой Васька! Ты! Директор сельской школы с тебя кипятком ссытсся. Говорит, как такое может быть? Беспризорник, шпана, а соображаешь похлеще этого... — Стёпа пожевал губами, вспоминая имя. — Менделеева! Вот. Да, он так и говорил. Ну и все... Тебя так-то не особо за своего принимали, а тут вообще. Кто ж из нормальных людей будет на уроках жопу рвать? Западло это. Да еще и ходишь сам по себе. Все время один. В башке что-то там гоняешь. Принципы эти дурацкие... Не врешь, не воруешь, весь такой правильный...

Вот так я узнал о дополнительном бонусе. То есть, не только 1938 год, не только детский дом, но еще и репутация задрота, которого не любят все остальные. И вдруг этот задрот в ночи обложил матом своих более крутых «товарищей», а потом еще в драку кинулся. Один против всех. Ясное дело, мне такое с рук не спустят. Поэтому, конечно, ждал. Если бы не дурацкий сон, был бы готов. Хрен бы у них вышло с подушкой.

— Ясно... очередной внезапный бунт... — Протянул директор и снова покачал головой. — Ладно, идём. Я искал тебя целенаправленно. С тобой хотят побеседовать.

Он поманил меня рукой, а затем, развернувшись, направился к жилому зданию детдома.

Я бы с огромным удовольствием послал его на хрен. Но тон, которым было сказано, что со мной хотят поговорить...Голос директора звучал очень напряжённо. Даже, пожалуй, в нем присутствовал страх. Поэтому пришлось подняться с бревна, на котором я сидел, и топтать следом.

Глава 3

В которой я сильно напрягаюсь, но от этого не становится лучше

— Реутов Алексей Иванович...Год рождения — 1921-й... Место рождения неизвестно... Та-а-ак... Это неважно, это потом... Нареканий по дисциплине не имеется. Отличные успехи в учебе. М-м-м-м...Прямо таки отличные... Интересно, конечно... Характер замкнутый, скрытный. Родители отсутствуют по причине...

Мужик в строгом костюме осекся, прервав свой затянувшийся монолог, затем уставился на меня задумчивым взглядом. До этого момента он вообще рассматривал что-то за окном, хотя там точно ни хрена интересного не имелось. Серая, унылая картина детдомовского двора. А я в течение некоторого времени наблюдал его спину. Теперь же он соизволил повернуться лицом.

От всего происходящего, на мой взгляд, сильно пахивало МХАТом. Хотя, конечно, если учесть, что это рассчитано на семнадцатилетнего парня, может, и не так уж глупо смотрится подобное поведение. Пацан мог бы повестись.

Я в ответ тоже уставился на мужика и тоже задумчиво, исключительно для поддержания общей атмосферы, царившей в кабинете директора. Типа, выдерживаем театральную паузу.

Хотя при этом, лицо старался «делать» соответствующее возрасту, месту, да и всей ситуации в целом. А ситуация явно не из рядовых. Я сейчас даже не о своем существовании в 1938 году. Тут все ясно. Куда уж страннее...

Я конкретно об этом человеке, который на протяжении последних десяти минут по памяти зачитывал вслух биографию Реутова Алексея Ивановича. Причём делал это с интонационными многоточиями и выразительными акцентами. То есть, подготовился мужик основательно, изучил личное дело. Так выходит. На хрена?

Как оказалось, в кабинете директора меня действительно ждали. Конечно, не совсем меня, а этого пацана, коим я на данный момент являюсь. Однако, непроизвольно в моей голове все происходящее уже воспринималось реальным. Я начал полностью ассоциировать себя с Алешей, в чьём теле проснулся семь дней назад. Алеша... Даже имя какое-то дебильное.

— В общем, нет родителей... — Продолжил незнакомец.

Представляться он, кстати, не торопился. А я не торопился лезть с расспросами. Глядишь, сейчас быстренько закончим этот цирк, мужик скажет, в чем дело, и разойдёмся миром.

— Где они, что с ними случилось и кем являлись неизвестно. Если верить сведениям из твоих документов, воспоминания отсутствуют. То бишь, будучи ребенком, ты рассказать ничего не смог. Прискорбно, но факт... — Туманно закончил свою мысль незнакомец и с очень неуместным сожалением покачал головой.

Да ну конечно! Руку могу дать на отсечение, ни черта ему не жаль. Разыгрывает передо мной какой-то дурацкий спектакль. Правда, пока что я абсолютно не могу понять смысл этого спектакля. Цель! Ибо у каждого нормального человека любой поступок, любое действие, ведет к чему-то. Если этот человек, конечно, не шизофреник. Однако с мужиком, который расхаживал передо мной по кабинету туда-сюда, заложив руки за спину, ситуация пока оставалась непонятной. Представить не могу, на кой черт ему понадобился пацан из детдома.

Тем более, мужик этот... Совсем непростой, вот так скажу. Его тёмно-серый костюм и шляпа такого же цвета, туфли, начищенные до блеска, гладко выбритое лицо и запах одеколона, вообще ни разу не ввели меня в заблуждение. Товарищ связан либо с органами, либо с военными, хоть одет «по гражданке». Это, наверное, у них с годами вырабатывается. Специфическое поведение и особая манера говорить.

Учитывая, какой на дворе год, ни первый, ни второй вариант совсем не вдохновляют. В некотором роде, я даже счастлив, что по документам этот Реутов оказался сиротой. Так оно спокойнее. Совершенно не хочется еще каких-нибудь сюрпризов. Типа папы — расстрелянного в качестве врага народа или мамы — дочери священника. А что? Я вообще не удивлюсь подобному повороту сюжета. Мне, похоже, сверху, из небесной канцелярии, если таковая, конечно, существует, решили по полной навалить подарков в руки.

Может, мой диплом юрфака был не совсем заслуженным, как и череда «отлично» в этом дипломе, но насчет 1938 года всё-таки немного в курсе. Представление имею, насколько все тогда было сложно. И вот точно могу сказать, мужик явился не просто так.

Когда бледный и нервно оглядывающийся по сторонам директор впихнул меня в свой кабинет, а сам остался за дверью, уже было понятно, ситуация несколько нестандартная. Тем более, в комнате я увидел постороннего человека. Гражданину на вид было около сорока лет. Может, сорок пять, не больше. Его строгий костюм и шляпа смотрелись, если честно, в стенах детского дома немного диковато. К примеру, директор с воспитателями одеваются значительно проще. Про сироток вообще молчу.

Судя по той информации, которую удалось добыть за несколько дней своей новой жизни, в основном благодаря Степану, детский дом находится где-то на Урале, рядом с городом, имеющим трудно произносимое название. Я его даже не запомнил. Впрочем, может, это и не город вовсе. Может, село. Единственное, что понял наверняка, рядом — Свердловск. То есть, будущий Екатеринбург. В любом случае, не в столице живём. Тут все настолько просто, бедно и скромно, что даже запах одеколона незнакомца будто существует в другой вселенной. В мире детдомовских реалий, его просто не может быть, этого запаха.

— Так вот, Алексей Иванович...

Мужик перестал, наконец, мельтешить перед глазами, подошел к столу и уселся прямо на столешницу, одной ногой опираясь о пол, а вторую согнув в колене.

— Вопрос у меня к тебе имеется, Алексей. Понимаешь ли ты, сколько много тебе дала наша советская власть? Живешь, можно сказать, на полном обеспечении. Имеешь теплую постель, кусок хлеба. Образование получаешь. Тебя же с улицы подобрали, спасли, можно сказать. Мог бы уже давным-давно загнуться.

Мужик немного наклонил голову, уставившись на меня исподлобья. Взгляд у него был... Холодный, колючий, препарирующий. Не нравятся мне такие взгляды. Видáли, знаем...

По идее, после столь конкретного намека, будто я обязан испытывать чувство огромной благодарности к советской власти, а уж тем более, после такого взгляда, должно последовать предложение, от которого невозможно отказаться.

Хотя, конечно, насчет теплой постели и куска хлеба дядя явно преувеличивает. Я бы с ними поспорил. Постель здесь, по моему мнению, похожа на бомжацкое тряпье. А ради куска хлеба приходится вгребывать, причем от рассвета до заката. Это хорошо ещё, что из-за осенней слякотной погоды мы всю неделю не ходили в школу, которая находится на расстоянии хреновой тучи километров от детского дома, в поселке. Что-то мне подсказывает, с учебой тоже не было бы легко. Именно мне. Судя по рассказу Степана, Реутов — типа детдомовского гения. Я, конечно, тоже не кретин, но все-таки восемьдесят с лишним лет — приличная разница. За это время система образования сильно изменилась и не факт, что в лучшую сторону. В любом случае, успеваемость пацана меня сейчас интересует в самую последнюю очередь.

Тем более, как я выяснил, детдомовских сильно недолюбливают сельские жители. Типа, только отвернешься, уже что-то скомуниздили. И между прочим, глядя на рожи своих «товарищей» точно могу сказать, деревенские их весьма недооценивают. Здесь на каждом можно уголовный кодекс отрабатывать.

— Многие, Алексей Иванович, тебе бы позавидовали, — продолжал тем временем мужик. Ласковый елейный тон выходил у него крайне плохо, но он старался. И вот это старание напрягало меня всё сильнее и сильнее. — Жить под крылом у советской власти — хорошее дело...

Я продолжал бестолково таращиться на мужика, ничего не говоря в ответ. Естественно, молчал вовсе не от природной скромности. Имелось несколько важных моментов, которые совсем не укладывались в ту картину, которую успел себе нарисовать. Капитально не укладывались.

Во-первых, незнакомец упорно величал меня Ивановичем. А я из сна, который за неделю приснился раз пять, сделал вывод, что отца Алеши звали Сергеем. Может, данный вопрос встал бы раньше, но ко мне тут до этого мгновения по отчеству никто не обращался. Однако,

в любом случае факт весьма странный.

Во-вторых, у пацана явно были и отец, и мать. То, что сейчас меня объявили сиротой, который родителей, не имел вообще — тоже удивительно. Так, если что, не бывает. Версию про аиста, капусту или «под забором нашли» не рассматриваю.

Кто-то ведь произвёл на свет пацана. Тем более, уверен на сто процентов, сон, который снится — это не выдумка, не фантазия. Это — именно воспоминание. И там, на минуточку, у Алеши была полноценная семья. Он об этом знал, помнил. Иначе я бы не увидел сюжет с комодом. А мужик вон, утверждает, будто родители отсутствуют, как явление. Сам Алеша якобы, попав в детдом, или куда там его загребли, утверждал, будто не помнит своё происхождение. И как это понимать? Не срастается ни хрена...

В-третьих... Да к черту «в-третьих»! Первых двух пунктов более, чем достаточно, чтоб напрячься. Я молчу про то, что через три года настанут совсем тяжёлые времена. Молчу, кстати, потому как искренне верю, этот очень удивительный период в моей жизни закончится, я вернусь обратно. В себя родного и любимого. Невозможно представить, что останусь здесь навсегда. Даже думать о таком не хочу.

В любом случае, уточняющие вопросы задавать сейчас попросту глупо. Даже, наверное, опасно, если учитывать, каким взглядом на меня смотрит мужик. Есть ощущение, не оценят здесь мою любознательность. Однако, к сожалению, отмолчаться тоже вряд ли получится... Может, закосить под глухо-немого? Типа, в драке мне повредили жизненно важные органы... Да, нет. Бред полный. Не поверит никто.

— Ну! Что молчишь, Алексей? Или не согласен со мной? Хочешь что-то добавить?

Настойчивое желание мужика добиться от меня ответа, откровенно нервировало. Понимаю, говорить что-то нужно, в конце концов, я — сирота, а не идиот с диагнозом. О чем-то придётся разговаривать, иначе моё поведение станет выглядеть совсем уж подозрительным. Но о чем? Если я не знаю ни черта, кроме обрывочных сведений, полученных от Стёпы. Да и взгляд, которым товарищ меня натурально сканирует, напрягает очень сильно. Такое чувство, ляпну слегка не то и не к тому, жизнь моя станет совсем грустной.

— А что говорить? — Я громко втянул носом воздух, затем от души, во весь голос, рявкнул.

— Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!

Про себя подумал, не знаю, как Сталину, а вот отечественному кинематографу, который в последнее время выпускал много фильмов про военные и довоенные годы, реально спасибо. Не думал, что они мне когда-нибудь пригодятся...

— Молодца-а-а... — Мужик соскочил со стола, в два шага оказался рядом со мной, а потом дружески хлопнул по плечу. — Все верно, Алексей. Все верно говоришь... Детство у тебя было. Это уже, знаешь, ой, как здорово. Я вот в детские годы батраком работал. До сих пор на спине следы от плетей кулацких найти можно. Да... Ну, ладно. Не об этом разговор. Не обо мне. В общем, посмотрел я твои документы, успеваемость, характеристики...

Мужик опять вернулся к столу, взял с него какие-то бумажки и уставился на них с умным видом.

Спектакль, похоже, продолжается. Сам же сказал, «посмотрел», сейчас-то на хрена опять пялится? Чтоб я снова проникся моментом? Что тебе надо, товарищ в шляпе... Очевидно ведь, точно что-то надо...

— У тебя просто удивительные способности к математике, к решению задач, в частности. И еще... Ты один из лучших... Впрочем, нет... Ты лучший ученик с точки зрения учителя немецкого языка... Он утверждает, что столь правильного произношения не слышал почти никогда. Говорит, один раз лишь такое приключилось. И то, во время беседы с человеком, который в Германии родился, вырос и жил...

— Чудеса... — Я развёл руками, мол, ну, надо же, как неожиданно.

Просто мужик все время пялился мне в глаза. Постоянно. Говорил и пялился. Смотрел в бумаги, а потом снова пялился. Будто ждал какой-то реакции. Ну, и, честно говоря, насчет чудес — точнее не скажешь. Исключительно с той точки зрения, что в своей обычной, нормальной жизни я, вот ведь совпадение, тоже идеально знаю немецкий. Бóльшая часть отцовского бизнеса находилась до недавнего времени в Германии. Причем, лет двадцать уже. Мы часто мотались в Берлин. Вторая жена у родителя тоже была немкой. Или третья... Не важно, в общем. У него этих жен... Пальцев на руках не хватит, чтоб сосчитать.

— Мда... Бывает же такое... Нет, конечно, знай мы хоть что-то о твоей семье... Ты ведь помнишь? Сын за отца не в ответе... Ну, это просто, к слову. Если, к примеру, у тебя имелись бы родители и были бы они... допустим, с гнилыми, дворянскими корнями... Жаль, что ты ничего не знаешь о своём раннем детстве... Кстати, можешь называть меня Николай Николаевич... Думаю, часто будем теперь видеться. — Улыбнулся мужик, снова оторвав взгляд от бумаг, которые по-прежнему держал в руке.

А вот у меня из-за его последней фразы окончательно испортилось настроение. Его и раньше не было, конечно. Поводов для радости никаких! Но сейчас оно вообще упало ниже нулевого уровня.

Зато уверенность, что происходит какая-то хрень, возросла многократно. Ко всему прочему, крепло ощущение, мужик знает больше, чем говорит. Это очень, очень плохо. Потому что я, в отличие от него, не знаю ни черта.

Кроме дебильного сна и путанных рассказов Степана, который от меня теперь прячется, всячески избегая общения, информации в голове никакой.

Туман. Белый шум. Словно и правда пацан о себе ничего не помнил. Только не про детство, а вообще про все. Ничего нет в башке. Даже про недавнее время. События начинаются с момента, когда я открыл глаза в долбанной спальне детского дома.

И сон этот... Просто кусок определенного события. Что все-таки стало с матерью в итоге?

Умерла, не умерла? Или откачали ее потом? Что с отцом? Так как последние годы Алеша находился в детском доме, вполне очевидно, ничего хорошего. Это я понимаю, само собой. Однако, подробности все же не помешали бы.

— Таааак... — Николай Николаевич снова уставился в бумажки. — Значит... С товарищами близких, дружеских отношений не завел. Одиночка. Крайне недоверчив... Хм...

Я переступил с ноги на ногу. Долго, интересно, все это будет продолжаться? Так-то конечности у меня не казенные. Я бы и присесть уже не против. Николай Николаевич с самого начала мог предложить стул. Их в кабинете целых три. Однако ни черта подобного он не сделал. Специально, так понимаю. Типа, психологической фишки. Я стою истуканом, а он может себе позволить все — ходить, сидеть, даже прыгать, если блажь такая приключится.

— И вот, Алексей, что интересно... Конфликтов с товарищами у тебя почти не случилось. Даже странно... За девять лет, всего два раза. Правда оба — запоминающиеся. В первый год, когда прибыл в этот детский дом... В записке воспитателя указано... Так... Секундочку... — Николай Николаевич принялся перебирать бумажки в поисках определенной. — Ага! Вот она... Значит, по прибытию произошел конфликт между Реутовым Алексеем и его товарищами, которые не приняли новичка. Однако, в дальнейшем ситуация разрешилась...

Мужик замолчал, уставившись в одну точку. Но уже через секунду тряхнул головой, словно отгоняя ненужные мысли, а затем продолжил.

— И вроде ночью сегодня драка у вас произошла... Тааак... А сначала ты у нас год провел в трудовой колонии... Это я в курсе... Кстати, в прошлом месте твоего проживания совсем другое говорят. Так вышло, один из воспитателей там до сих пор работает. Помнит тебя. По его мнению, Реутов Алексей отличался высоким уровнем агрессии... Впрочем, мог же ты измениться, попав в хорошие руки. Да? Всяко детский дом лучше будет. Забыл, наверное, ты, наверное, трудовую колонию имени Феликса Эдмундовича? Было тебе тогда, выходит, семь лет. Уже взрослый парень. Год там провёл. Подобрали на улице, как и большинство беспризорников. Воровал, ночевал, где придется... Не помнишь?

Я упорно таращился на Николая Николаевича, если это вообще его настоящее имя, и попутно пытался сообразить, что ответить. Чем дольше продолжается наш крайне непонятный разговор, тем крепче становится моя уверенность — товарищ, который пытается выглядеть моим «другом» и хорошим человеком, из чекистов будет. А главное — он точно мне не друг. Тут могу не сомневаться ни капли. Всё его поведение говорит об одном — Реутова он заведомо не любит, хотя очень старается показать хорошее отношение.

А вот за некоторые подробности — спасибо, конечно. Выходит, пацан на улице жил. Его там нашли. Значит, с родителями точно ни черта хорошего...

Странная штука — интуиция. Не особо принимал ее всегда на веру. Все-таки логическое обоснование посильнее будет, с моей точки зрения.

Однако сейчас во мне говорила именно она. Причем — моя интуиция, основанная на некотором опыте взрослой жизни. Пацан тут точно ни при чем. Я чувствовал каждой клеточкой своего тела, что-то либо уже происходит, либо скоро произойдет. Появление Николая Николаевича принесет перемены.

Но при этом, имелся еще внутренний голос. И он был уже не мой. Вот в чем прикол. Просто раздвоение личности какое-то. Впрочем, наверное, так и есть, если смотреть на всю ситуацию в целом.

Я по работе много разных людей видел. Однако с этой категорией товарищей, которых именуют в народе чекистами, несмотря на то, что организация давно называется иначе, встречаться не приходилось. Бог миловал. Учитывая, кем является мой отец, чаще, конечно, с другими, более приятными людьми общался.

А вот сейчас смотрю на мужика в шляпе и в башке словно красным мигает сигнал опасности. Не верь! Не верь! Не верь! Честно говоря, настолько он меня настораживает, что я бы не против свалить уже из кабинета. И желательно, больше встреч с ним не иметь.

— Ну... да ладно... — Николай Николаевич снова положил бумаги на стол. — Поговорим об этом позже. На месте поговорим, когда прибудем. Или не поговорим... Тут уж, как выйдет. Сейчас ты, Алексей, иди в комнату, собирай вещи, все, что есть. Жду тебя на улице у нас...

Он поднял руку и посмотрел на часы, украшавшие его запястье. Я тоже посмотрел. Хорошие часы, однако. Мог бы назвать их раритетом, но пока они таковыми еще не являются. Даже для этого времени часики весьма не дешевые. Я в дорогих вещах разбираюсь больше, чем в остальном. Ошибаться не могу. Круто, мне кажется, для обычного чекиста иметь подобную вещь.

Мысленно усмехнулся, стараясь не выдать эмоцию на лицо. Интересно, но я для себя уже решил однозначно — Николай Николаевич является сотрудником... Напряг память, соображая, какая сейчас контора занимает место будущего ФСБ. Комитета Государственной Безопасности еще не существует, вроде бы. Выходит, НКВД...

— У нас, Алексей, поезд через несколько часов. — Продолжил мой собеседник. — А нам нужно добраться до станции. Дорогу развезло сильно. Так что, поторопись. Меня сюда местный кузнец на телеге привёз. С ним и поедем. Так что, давай! Иди! Директор в курсе. Он уже подготовил все документы.

— Поезд? — Переспросил я, чувствуя себя совсем глупо.

Все-таки он реально смог меня удивить, этот загадочный Николай Николаевич. Я, честно говоря, к концу беседы начал подозревать, что у Алеши с родственниками какая-нибудь муть вышла, а теперь этот факт всплыл. Да и сон, опять же...

Учитывая, какой сейчас год, ситуация вполне реальная. Например, явился чекист, дабы выяснить... Хрен его знает, что выяснить... Может, семейные драгоценности ищет. Может, у

Реутова и правда папаша какой-нибудь дворянин был. Вот потому родителей грохнули. Хотя, во сне он назвал отца дипломатом...

Хрень какая-то. Не срастается ни черта. Неспроста пацан с семи лет то по трудовым колониям, то по детским домам. В любом случае, это была моя единственная версия. А теперь — поезд. Что-то тут нечисто... За рядовым воспитанником сотрудник НКВД не поедет. Эти товарищи никогда и ничего просто так не делали.

То есть меня повезут в неизвестность. Единственное, что успокаивает, для радикальных мер неважно, какая имеется «стенка» и где она находится. Хоть на Урале, хоть у черта на куличиках. Да и смысла нет, тратиться на билет, если кончить решили. Соответственно, будь ситуация совсем хреновой, меня бы и тут по-тихому оприходовали. Зачем вести куда-то. Но...

Какое удивительное совпадение выходит. Ровно за неделю до появления Николая Николаевича на месте Реутова оказался я. Верил бы в чудеса, решил бы, пацан специально это намутил, дабы избежать опасной встречи. Только я в чудеса не верю. А значит, смысл в происходящем должен быть.

Глава 4

В которой я путешествую, но совсем этому не рад

— Ну, что... Вот и добрались... — Высказался довольный Николай Николаевич.

Он одернул пиджак, сдвинул шляпу на лоб, покрутил головой по сторонам, будто опасался встретить кого-то знакомого, а потом махнул мне рукой. Этот жест, судя по всему, означал — нужно следовать за ним.

Чекист, перепрыгивая через рельсы, шустро рванул в сторону станции. Просто вылезли мы на каких-то запасных путях, на самых задворках железнодорожной цивилизации. Хотя вдалеке я заметил здание, весьма приблизительно напоминавшее Ярославский вокзал. Правда, до конца не уверен. Слишком большое расстояние, могу ошибаться.

— Добрались... точнее не скажешь. — Пробормотал я тихо себе под нос, чтоб Николай Николаевич не услышал, ибо доверия к этому товарищу не прибавилось ни на грамм, а затем двинулся следом.

Просто за время нашего путешествия, продлившегося без малого четыре дня, мы ни разу не стали близкими друзьями. Даже при том, что он очень старался. Особенно поначалу. Постоянно о чем-то говорил, что-то рассказывал, пытался балагурить, но больше всего выпрашивал. Делал вид, будто ему до задницы интересно, как я жил все эти годы. Видимо, в его представлении Алёша должен был расчувствоваться, что наконец хоть кому-то есть дело до его беспризорной души, заплакать, упасть на грудь новому другу и сразу же начать каяться во всем. Даже если каяться не в чем.

А я наоборот — отмалчивался, изображая из себя чрезвычайно замкнутого, скромного парня, который пребывает в шоке от столь внезапных перемен в своей жизни. Решил, это самая лучшая тактика. Тем более, думаю, такое поведение вполне правдоподобно.

Причина моего молчания достаточно проста. Боялся ляпнуть не то. И сейчас, в компании Николая Николаевича — это именно страх. Потому что все так же оставалась неизвестной конечная цель — зачем меня забрали из детского дома? А если копнуть глубже, то вопрос становится совсем интересным. Зачем сотрудник НКВД тащит нафиг никому не нужного сироту за херову тучу километров? Выходит, пацан имеет какую-то ценность. А ценность для НКВД — очень сомнительный момент. Опасный даже, я бы сказал.

Тем более, мой сопровождающий делиться данной информацией не спешил. Тоже интересный тип. Главное сам не говорит ни черта, а я должен ему душу наизнанку вывернуть. Нашел идиота!

Николай Николаевич упорно все свои разговоры неизменно сводил к воспоминаниям. К моим, естественно. Начинал с какой-нибудь истории из своей жизни, но в итоге эта история отчего-то вытекала совсем в другое.

— Алексей, ну, честное слово, исключительно любопытства ради... На самом деле ничего нет в башке? Ни капельки? Детские годы, колыбельная, мамыны руки... Ну, как там обычно бывает... Нет? В детском доме, ясное дело, ничего особого интересного не происходило. Да? Ты же вон какой молодец. Кто-то баклуши бил, а кто-то делом занимался. Ага... Но вот про детство? Ты пойми правильно. Мне то все равно. Пытаюсь вникнуть в твою жизнь, потому что нам предстоит часто видеться и я, в некотором роде, буду старшим товарищем для тебя...

Повторил он в сотый раз с выражением фальшивой вселенской любви в холодных, змеиных глазах.

— Николай Николаевич, не могу никак сообразить, откуда все это? — Я в ответ обвел взглядом старый деревянный вагон, в котором мы тряслись уже приличное количество времени. — Вот Вы говорите, будем часто видеться... Почему? Куда мы едем? У меня неожиданно нашлись родственники?

Насчёт родственников, конечно, ерунду сказал. Просто, чтоб выглядело достоверно.

— Алексей, есть четкие указания. Должен доставить тебя по месту назначения. Служба, сам понимаешь... — Чекист покачал головой и с сожалением причмокнул губами. Мол, он бы исключительно не против поделиться сведениями, но положение обязывает держать язык за зубами.

— Жаль...

Я изобразил на физиономии еще большее сожаление, чем демонстрировал мой собеседник. Хочет выяснить, кто из нас тупее? Не вопрос. У меня нет ни малейшего желания

претендовать на это звание. Так что, хрен тебе, товарищ чекист, а не откровенные беседы.

— Жаль, что не помню... Хотел бы помнить. Но... — Я развел руками, — Всё, как и указано в личном деле. Вы ведь сами так сказали. Место рождения неизвестно. Родители неизвестны. Нашли на улице, воспоминания отсутствуют.

— Ну, ничего... Это неважно. — Чекист натянуто улыбнулся. — Просто планировал узнать тебя получше.

Возможно, с настоящим Реутовым это прокатило бы. И возможно, настоящий Алеша поверил бы, что мужик, от взгляда которого хочется спрятаться, способен испытывать хоть какие-то добрые, искренние эмоции. Со мной — хренушки. Я, как человек, живущий во времена глобального эгоизма и личной выгоды, привык не доверять никому. Если кто-то что-то хочет получить, даже обычную на первый взгляд информацию, значит в этом есть интерес. И вообще не факт, что для меня такой интерес будет безопасен. Особенно учитывая, с кем сейчас нахожусь рядом.

Из-за его подозрительной настойчивости я все больше убеждался, Николай Николаевич пытается что-то вызнать. Что-то связанное с далеким прошлым Реутова. Ему эта информация нужна для личных целей. Потому что в случае профессионального интереса, никто меня ни о чем спрашивать не стал бы. Тем более, вот так по-хитрожопому. Слишком сложно. Взяли бы за шиворот, тряхнули, как надо, и все. Я бы вспомнил даже то, чего никогда не было. Нет... Николай Николаевич мутит что-то свое.

При этом он явно считает себя очень умным товарищем, а Реутова, прямо скажем, не особо продуманным. Этаким простачком, который в силу возраста не заметит подвоха. Хотя, может, тупо рассчитывал на то, что пацан, которого постоянно доставали в детском доме, расчувствуется и начнет ему доверять.

А вообще, конечно, странно... Что такого особенного могло быть в юном возрасте Реутова? Даже этот сон, который я вижу. В нем ничего удивительного не произошло. Имею в виду, конечно, для этого времени. Подобных историй, уверен, случалось до хрена. Да и потом, пацан вообще сидел в комодке. Ни черта не видел. А больше мне, за неимением сведений, и предположить нечего.

В любом случае, при всем желании, даже если бы оно появилось, я ни черта сказать не могу. У меня не то, чтоб с прошлым Реутова, у меня с его настоящим проблемы. По-прежнему отсутствует информация, что происходило с пацаном до той самой «прекрасной» ночи, когда я проснулся в вонючем тряпье.

На второй день Николай Николаевич, видимо, решил, что его подопечный либо слишком стеснительный, либо слишком тупой. Бывает такое. В учёбе — гений, а в жизни — идиот. Он плюнул на свои попытки наладить контакт и просто дрых всю дорогу, вызывая у меня приступ острой зависти. Потому что лично я, как не пытался, заснуть не мог. Только периодически проваливался в состояние полудрёма. И то, исключительно потому, что организм, видимо, успел охренеть от столь «замечательного» путешествия. Холодно, сыро, в

маленькое окошко без стекла летит какая-то срань. Постоянно хотелось сожрать что-нибудь. Еще сильнее хотелось, чтоб весь этот бесконечный сюрреализм уже закончился. Просто какое-то долбанное кино получается. Сериал, твою мать... Про современного человека, переместившегося в прошлое. Только в главной роли по непонятной причине оказался я.

Мысли крутившиеся в голове, становились все мрачнее и мрачнее.

Если поначалу, находясь в детском доме, я искренне верил, вот, сейчас лягу в постель, закрою глаза, утром проснусь — здравствуй родная жизнь! И все. Забуду этот непонятный выверт моего сознания, который вылился перемещением в прошлое. Выкину навсегда из головы странный фокус вселенского разума. Или насмешку злодейки-судьбы. Оценивать можно по-разному. Забуду Реутова, детский дом. С особым удовольствием забуду теперь еще и путешествие в древнем, как остатки жизнедеятельности мамонта, вагоне.

Но с каждым прошедшим днем мой оптимизм насчет столь долгожданного развития событий неуклонно шел на убыль. Вполне понятно, почему. Реальность вокруг меня не менялась, я все так же находился в 1938 году. Более того, начал понимать, похоже, не все так просто. Похоже, не торопится Реутов обратно на свое законное место. И где он вообще? Где настоящий пацан? Где его сознание, душа или как там называется все это. Короче, вопросов было все больше, а надежды все меньше.

На момент прибытия в конечную точку я мог с уверенностью говорить лишь о двух вещах.

Первая — мы действительно, как выразился Николай Николаевич, добрались. Не доехали, а именно добрались. И это еще самое приличное слово, которое возможно применить к нашему путешествию.

Когда в детдоме Николай Николаевич сказал, что нас ждёт поезд, я так себе это и представлял. Поезд, значит, поезд. То есть приехали, сели, колеса тук-тук, чай в подстаканниках и какое-никакое удобство. Даже учитывая время, в котором нахожусь. Наивный дурачок... Хрен там плавал!

Мы, вот именно, что — добирались. На каком-то сраном товарняке. В каком-то сраном деревянном вагоне. Судя по внешнему виду и запаху, в этом вагоне прежде возили что угодно, но только не людей.

На полу валялись кучки соломы, старые тряпки и еще какое-то дерьмо. Вот в этой соломе и в этом дерьме мы ехали несколько дней.

От кого или от чего мы прячемся? Что за шпионские игры? Меня, как будто, украли. Почему нельзя было поехать в пассажирском вагоне? Среди людей, сидя на скамейке, а не в куче говна и соломы.

Как говорится, всё познаётся в сравнении. Если поначалу я думал, что детский дом — весьма убогое место для существования, то за время нашего путешествия понял, как сильно ошибался. Хороший детский дом! Теплый! Чистый! Жрать давали...

Сколько раз я вспоминал его с тоской за время нашего путешествия...

Получить кипяток удавалось только на немногочисленных станциях, где поезд тормозил на несколько часов. Про чай разговора вообще не шло. Я спросил Николая Николаевича один раз, нет ли возможности попить чайку, он посмотрел на меня, как на психа, и все. Больше подобных вопросов с моей стороны не поступало.

С едой — то же самое. Единственное, в некоторых местах, когда делали остановку, Николай Николаевич ухитрялся, как фокусник, который вытаскивает кролика из шляпы, притараканить откуда-то пирожки или бутерброды. Он просто исчезал минут на тридцать, а потом возвращался с едой. Но ее, конечно, было слишком мало. Чекист делил порцию по-братски на двоих, хлебал кипятка из железной кружки, а потом снова заваливался на солому и дрых. Позавидуешь человеку. У меня вот так быстро отрубиться не выходило.

Первый раз, когда мой сопровождающий ушел и его не было почти тридцать минут, я, если честно, немного напрягся. Грешным делом подумал, что он меня попросту бросил. Ну, мало ли. Может, ему реально нужно было что-то узнать, а раз я ни черта не рассказываю, он решил, иди ты на хрен, Алёша.

Вообще, конечно, гадкое ощущение... Как у ребенка, которого мама оставила в очереди возле кассы и побежала за творогом. Касса всё ближе, а мамы всё нет...

Особенно гадко, что я, взрослый человек, хотя таковым сейчас и не выгляжу, испытываю нечто подобное.

Просто... Как бы не был мне неприятен чекист, но сейчас он — моя единственная соломинка. Одному, где-то в глуши, в грязном вагоне, выжить получится вряд ли. Да и без вагона тоже ерунда выйдет. Мало того, время сложное, так еще о Реутове ничего не знаю.

Это, наверное, только в фильмах герои все круто решают. На ходу из поезда выпрыгнул, чекисту средний палец показал и помчался на личную встречу со Сталиным, чтоб предотвратить, к примеру, войну.

А потом стать первым человеком в стране. Вернее, вторым. Первый жив, здоров и нескоро данный факт изменится. В реальности — попробуй я выкинуть что-то подобное, очень быстро окажусь в обществе коллег Николая Николаевича. Только настрой у них будет совсем другой.

Поэтому, когда чекист нарисовался с пирожками, я испытал чувство некоторого облегчения.

— Так... Пожрать раздобыл... — Он положил передо мной мою долю, сам уселся напротив и принялся сосредоточенно жевать, о чем-то размышляя.

Спали мы прямо на деревянных досках, которыми застелен вагон. Было офигеть как холодно, между прочим. Выручала та самая солома и те самые тряпки. Из них удалось соорудить некое подобие лежбища.

Я в этом путешествии до конца понял, что означает выражение «добирались по медвежьему говну». Только мы по нему не просто добирались, мы в нем ехали.

Сам поезд тоже значительно отличался от тех, которые привычны мне. Хотя бы потому, что это был настоящий паровоз. Он пыхтел, гудел, трясся и издавал такое огромное количество посторонних звуков, что я первые сутки вообще испытывал сильное волнение. Казалось, еще немного, и мы просто пойдём на взлет. Или нас от такой тряски скинет к чертям собачьим с рельс.

И бессонница эта проклятая... Реально сложно заснуть, когда под задницей — деревяшки, под головой — скромный узелок с вещами, вместо одеяла — солома и тряпки неизвестного происхождения, а рядом храпит человек из НКВД, имеющий насчёт моей персоны очень туманные цели.

Вещей, кстати, оказалось очень мало. Пара штанов, ботинки печального вида, рубаха. Одна. Одна рубаха. И это при том, что директор, провожая нас из детского дома, утверждал, мол, теперь я их своим видом не опозорю. То есть, по мнению директора, собрали меня на зависть всем. Еще имелась скромная курточка. Ее я нацепил сразу. На улице так-то октябрь месяц. Хотя греть она ни черта не грела, но немного теплее, чем просто в рубашке.

В общем, когда на четвертый день довольный Николай Николаевич объявил — скоро Москва, я реально испытал прилив огромного, просто крупнейшего счастья. Кто бы мог подумать, что столь обычные слова могут принести человеку радость. И кстати, да... Конечной точкой нашего загадочного путешествия оказалась столица. Мне, правда, было уже пофигу, лишь бы, наконец, оказаться в нормальном месте, где тепло, можно искупаться и пожрать.

Я с самого начала, едва только загрузились в вагон, пытался выяснить, куда мы вообще едем. Не в плане места, про Москву Николай Николаевич объявил сразу, а в плане цели. На кой черт мне нужно в столицу? Но мой провожатый с умным видом сказал:

— Всему свое время, Алексей. Вот окажемся там, где должны, тогда и поговорим. Сейчас набирайся сил.

После это фразы он расправил пиджак, который постелил прямо на солому, повернулся ко мне спиной и в одну секунду захрапел. Видимо, это была ответочка за моё нежелание откровенничать.

— Класс...— Я попытался глубже зарыться в тряпки, мысленно проклиная всё и всех.

Особенно Реутова. Вот пацан казался мне особенно виноватым в случившемся. И еще не давала покоя мысль. Если я тут, в нем, то... Он вполне может быть там, во мне...

Сука! То есть пока я тут корячусь в холодном вагоне, опасаясь подставы от чекиста, Алеша может прекрасно спать в моей постели, жить в моей квартире и...

На этом фантазия заканчивалась, ибо двух первых пунктов достаточно. Конечно, если рассудить здраво, такой вариант маловероятен. Я способен в 1938 году закосить под Реутова, а вот он под меня точно не сможет. Я, к счастью, достаточно взрослый, чтоб у малолетки прокатило сыграть мою роль. Но тем не менее, жаба давила сильно. Стóило подумать, вдруг мы с ним поменялись местами, аж с души воротило.

Хотя, в большей мере волновало, конечно, другое. Вопросы имелись к Николаю Николаевичу в первую очередь. Даже немало вопросов. Самый главный — на кой черт он меня забрал? Вернее, на кой черт ему понадобился этот долбаный Реутов. Однако, за недолгое время нашего знакомства понял, если чекист, в чьей компании я оказался, не хочет говорить правду, то смысла спрашивать нет. А спектакль, который он передо мной разыгрывает, изображая хорошего дядю, — мудё по воде.

И кстати, мои догадки насчет Николая Николаевича оказались верны. Это — второй факт, который больше сомнения не вызывал. Николай Николаевич — чекист. Самый настоящий. Данный нюанс подтвердился практически сразу, еще как только мы прибыли в Свердловск, из которого уже, в свою очередь, отправились в Москву.

Он прямой наводкой отправился к вокзалу, разыскал там мужика, который был кем-то типа дежурного по станции, и сунул ему под нос документ. Этот документ я рассмотреть не успел, а вот лицо мужика — вполне. Оно сильно вытянулось и побледнело.

— Товарищ старший лейтенант государственной безопасности... Мы... Я... Чем могу, все в Вашем распоряжении. — Начал, заикаясь, бедолага.

— Нам нужно до Москвы. — Коротко бросил Николай Николаевич. А потом уточнил. — Срочно. Прямо сейчас. Подойдёт любой вариант.

— Конечно! Сделаем в лучшем виде. — Мужик суетливо кивал и заглядывал моему спутнику в глаза с выражением глубочайшего почтения.

«Лучший вид», правда, оказался сильно не лучшим, но это в моем понимании. Чекиста наоборот все устраивало и ни капли не смущало.

По прибытию в столицу, Николай Николаевич тоже вел себя достаточно уверенно. Когда я догнал его возле вокзала, он уже разыскал грузовик, внешний вид которого радовал меня ничуть не больше недавно покинутого вагона. Снова в голове мелькнула мысль — просто, блин, кино и немцы... По-другому не скажешь. Хотя, насчёт немцев... Тьфу-тьфу-тьфу... Точно не собираюсь ошиваться тут еще три года. Нужно что-то придумать. Непременно. Не бывает безвыходных ситуаций. Если меня сюда занесло каким-то чудом, то и обратно вернуться должен быть способ.

— В Мытищи едем. — Заявил мой сопровождающий водителю.

Тот не успел открыть рта, как ему был продемонстрирован соответствующий документ. В общем-то, на этом все возражения закончились. Даже если в планы водилы Мытищи не

входили, сейчас он сильно захотел туда попасть.

Мы залезли в кузов, уселись возле стенки кабины и продолжили свой путь в неизвестность. Звучит красиво, по факту — хрень полная. Потому что неизвестностью все происходящее было только для меня. Николай Николаевич точно знал, куда и зачем мы едем.

Глава 5

В которой я начинаю познавать «прелести» новой жизни

— Это вокзал? — Я кивнул в сторону старого здания, мелькнувшего вдалеке.

Проскочили мы его быстро, но чисто по внешнему виду и по тому факту, что я отчетливо расслышал знакомые паровозные гудки, от которых аж сердце остановилось, и вовсе не в хорошем смысле, думаю, вопрос — риторический.

Просто, если честно, мне и в современных Мытищах бывать ни разу не приходилось. А уж про довоенные — вообще молчу. История данного района меня тоже никогда не интересовала. Наоборот, я всегда искренне надеялся, что моя жизнь никогда не даст трещину и я никогда не окажусь в этом «чудесном» краю Подмосковья. Потому что Мытищи у меня всегда упорно ассоциировались с бедностью и алкоголизмом. Наверное, это явилось итогом отцовских нравоучений, который после каждой тройки, полученной в лицее, швырял дневник на стол, а потом трагичным голосом говорил:

— Будешь так учиться, закончишь девять классов и пойдешь в «чушок». Женишься на какой-нибудь полемойке, уедешь жить к ней в Мытищи.

После столь страшной угрозы следовал тяжёлый вздох, затем отец демонстративно уходил из комнаты, хлопнув дверью. Правда, ненадолго и недалеко. Буквально через час он уже забывал о причине своего расстройства.

Я, если честно, сильно насчет его слов не парился. Был уверен, он просто не позволит единственному сыну скатиться в бедность. Для кого, как не для меня, зарабатывались все его миллионы? А вот поди ж ты... Накаркал батя... Появились таки в моей жизни эти чертовы Мытищи. Не в том, конечно, варианте, как он говорил, но все же.

Естественно, я не знал наверняка, что тут есть, а чего нет. На кой черт мне нужна была данная информация в прошлой жизни? Но вот наличие вокзала, если честно, сильно разозлило. Он издевается, что ли? Мой сопровождающий. У него чувство юмора такое или имеется неумная тяга к авантюризму?

— Ну? Вокзал, да. — Николай Николаевич с удивлением посмотрел на меня.

Он явно не понял намека, который был не скрытым, а очень даже очевидным. Практически — в лоб ему рубанул.

Какого черта мы тряслись на этой колымаге, если здесь имеется вполне удобный способ

перемещения из Москвы■

Вот, что я хотел сказать своей короткой, но крайне содержательной, фразой. Там, где вокзал, по-любому есть пассажирские перевозки. Ладно, из Свердловска мы бежали, вылупив глаза, будто за нами кто-то гонится. Могу даже предположить, что с поездами дальнего следования сейчас еще пока напряг. Может, ходят раз в неделю. Черт его знает. Но тут-то! От Москвы — пол локтя по карте. Должен ведь быть железнодорожный транспорт.

— Здесь. Есть. Вокзал. — Повторил я снова, как попугай, интонационно выделяя каждое слово.

Он дурак, интересно мне, или притворяется? Или просто кайфует от того, что мы изображаем из себя Паспарту и Фогга. Те, правда, вокруг света за восемьдесят дней объехали, но им просто не пришлось по России-матушке путешествовать. Прозрели бы точно.

— Есть, конечно, вокзал. Чай не село. Город уже. — Согласился Николай Николаевич с абсолютно безмятежным выражением лица, которое бесило еще сильнее, а затем несколько раз постучал по крыше кабины.

Видимо, это был знак, что пора остановиться. Моей злости он не замечал или не хотел замечать. А может, реально не допускал мысли, будто пацан, который всю дорогу был тише воды, ниже травы, теперь решил показать характер. Впрочем, я уже немного успокоился. Даже, наверное, сам себя успокоил. Так будет точнее.

В конце концов, нельзя забывать, где нахожусь и с кем. Если буду позволять своим эмоциям проявиться, спалюсь по полной программе. Потому как настоящий Реутов должен быть всем доволен. Ему же сравнить не с чем. Уверен, Алёше вообще было бы за радость, что он в Москву приехал с ветерком, а не пешком топал, как Ломоносов из Архангельска.

— Хорошая машина. — Чекист прищелкнул языком и погладил борт кузова. — Надежная.

Я тактично промолчал. По мне, до хороших машин еще далеко. Лет так восемьдесят. Ну, ладно, может, чуть меньше. Однако этот довоенный раритет, который Николай Николаевич, пока ехали, несколько раз назвал «полугоркой», точно к категории «комфортного транспорта» не относится. В нём не людей, а в лучшем случае — картошку возить.

Нас на каждом повороте болтало — мама не горюй! И если привычный Николай Николаевич умудрялся как-то растопыривать ноги, чтобы более-менее оставаться на одном месте, то я был вынужден цепляться за всё что угодно, дабы не вылететь нахрен на дорогу. В том числе, за самого Николая Николаевича, от чего он, ясное дело, восторга не испытывал и несколько раз даже цыкнул на меня.

— Ты барышня, что ли, не пойму. Сядь нормально. Держись за борт.

В ответ хотел ему сказать, что за борт держаться ни черта не получается, но в этот момент

машину особо сильно подкинуло на кочке и я, громко щелкнув челюстью, едва не прикусил язык зубами. Поэтому решил оставить разговоры на потом. И конечно, был безмерно счастлив, когда наша автомобильная прогулка подошла к концу.

Вообще, честно говоря, немного иначе мне виделась жизнь чекиста в довоенное время. Вернее, она мне никак не виделась. О подобных вещах даже и не думал никогда. Но сейчас, оказавшись во всех этих странных обстоятельствах, я все равно был изрядно удивлён.

Он же, черт подери, чекист! Всемогущее НКВД! Ну, должны быть хоть какие-то бонусы. Тачка нормальная. Относительно, конечно, нормальная... Где эти пресловутые «черные воронки»? У меня госбезопасность данного времени ассоциируется в первую очередь с ними. Где кожаный плащ до пола? Где оружие, в конце концов? «Маузер», наверное... В кино что-то такое видел.

Водила тормознул возле обочины и мы, наконец, спрыгнули на твёрдую землю. Сначала — мой провожатый, за ним следом — я. Говорю — «наконец», потому что появилась надежда, все-таки мы уже приедем хоть куда-нибудь.

А значит, есть шанс нормально пообедать, отдохнуть, тупо согреться и расслабиться. Впрочем, насчет расслабиться я, конечно, зря. С этим пока не особо выходит. Хоть пожрать и то хорошо.

На улице не сказать, чтоб было сильно холодно, но всё-таки осень есть осень. Из-за сырости, которая пробирала до костей, меня немного подтрясывало. Нет-нет даже зубы постукивали.

Я, конечно, пытался вида не показывать, чисто из принципа. Потому что сам чекист, например, выглядел до тошноты бодрим, свежим и довольным. Либо у нас разное восприятие температурного режима, либо Николай Николаевич к таким «полевым» условиям привычный.

Мне же, зачем скрывать, никогда не приходилось испытывать ничего подобного. Хотя, и это несомненный факт, в данном случае Реутову можно сказать спасибо. Судя по тому, что я еще не загнул где-то между Нижним Тагилом и Пермью, пацан достаточно закалённый. Из носа немного подтекает, а так — больше никаких признаков простуды не имеется.

Но тем не менее, если честно, терпение было на исходе. Все понимаю, и насчёт конспирации, которую надо соблюдать именно мне, чтоб никто не догадался кто я, откуда; и насчёт Реутова, поведению которого приходится соответствовать. Но боюсь, скоро я просто встану посреди дороги, задеру голову вверх и заору матом прямо в небо, пугая местных птиц.

Или, что более вероятно, все-таки сдохну от пневмонии, несмотря на удивительную крепость нового тела.

Это уже молча, без криков. Могу ошибаться, но мне кажется, в 30-х годах, даже антибиотики не изобрели. Или изобрели, но не те...

Короче, по фигу. Важно другое. Я вынужден терпеть все вот это — холод, голод, отбитую в кузове задницу — из-за тараканов какого-то чекиста, который везет меня, будто на самом деле выкрал. С-с-сука! Холодно как!

Да еще ужасно раздражал тот факт, что ехать из Москвы до Мытищ (Господи, как же я ненавижу это слово) пришлось, собирая собственной физиономией летящую навстречу морось. Такое положение вещей совершенно не добавляло позитива. Кузов-то у машины открытый. Скорость, конечно, не сказать, чтоб огромная, а все равно. Брызги грязи, дождь и еще какая-то фигня попадали прямо на нас с чекистом.

Причем, Николай Николаевич почему-то даже при таких условиях выглядел нормально. Ну, промок немного. И все. Пиджак, которым он, между прочим, все полы в вагоне обтер, смотрелся так, словно его недавно сняли с вешалки. Лицо чекиста было достаточно свежим. Даже обувь не особо грязная.

А вот насчёт себя я уверен в обратном. Судя по тому, что на глаза мне постоянно что-то стекало, а слякоть отметилась не только на ботинках, но и на всей одежде в целом, я в данный момент реально выглядел, как настоящий беспризорник.

— Так...идём...— Николай Николаевич, не дожидаясь меня, рванул через дорогу на противоположную сторону.

Хотя, мог бы спокойно перейти проезжую часть прогулочным шагом, даже не глядя по сторонам. Движения транспорта, что вполне ожидаемо, здесь практически не было. Мимо проехал ещё один грузовик, навроде того, в котором мы прибыли, да еще грустная лошадь уныло тянула телегу. Лошадь, блин...А мы ведь почти в Москве...

Я покрутил головой, оценивая местность. Судя по всему, не самая окраина, но и не центр города, где мною было замечено здание вокзала. Оно, кстати, осталось позади, как и мой невысказанный вопрос: от кого мы скрываемся, раз пёрлись на машине, когда вполне могли хотя бы эту часть дороги проделать цивилизованно? Зачем вообще надо было заезжать в Москву? Я, конечно, не великий знаток логистики, но уверен, вполне возможно сразу попасть в Мытищи.

Абсолютно нелогичное поведение Николая Николаевича, по крайней мере таковым оно виделось со стороны, вызывало у меня зубовой скрежет. А приходилось сдерживаться.

Я вздохнул и отправился следом за чекистом, который уже топал по улице.

Окружающая действительность выглядела более, чем скромно. В основном это были деревянные частные дома. Достаточно чистенькие, аккуратненькие, но по моим меркам, убогие до невозможности.

— Мы точно на месте? — Крикнул я в спину своему спутнику.

Просто... Именно сейчас в голову пришёл один немаловажный факт. Постройки

одноэтажные, частные, значит, удобства — на улице. Класс! Дополнительный минус в копилку всех «прелестей».

— Ты не трынди, а ногами шустрее передвигай! — Николай Николаевич, не оборачиваясь, махнул рукой, намекая, чтоб я поторопился.

— На месте, значит...

Я окинул грустным взглядом дома, выстроившиеся вдоль улицы, а потом ускорился, чтоб догнать чекиста. Кстати, неподалёку заметил все-таки многоэтажное здание. Ну, как многоэтажное... Не высотка, само собой. Этажей пять, наверное, навскидку. Настроение, впрочем, один черт не улучшилось.

— Николай Николаевич, долго нам еще? — Догнал чекиста и попытался подстроиться под его шаг.

Ноги затекли, руки замёрзли, уши сильно хотели в тепло. Да что там уши. Я весь, целиком, хотел в тепло.

— Нет. Уже, считай, на месте. Сейчас заскочим, вещей чистых возьмем и в баню. — Бросил он через плечо.

Дорожка была не сильно широкая, поэтому я волей неволей топал немного сзади. К тому же, шаг — влево, шаг — вправо, и велика вероятность провалиться в грязь.

— В баню? — Уточнил я.

Переспросил не потому что плохо расслышал, а потому что не верил своему счастью. Хоть что-то приятное за эти одиннадцать дней адской жизни.

В детском доме тоже, кстати, ходили слухи, будто воспитанникам полагается баня, но на уровне слухов эта информация так и осталась. Потом — путешествие в грязном, вонючем вагоне. Естественно, я испытывал огромное желание тупо помыться. А баня — это настоящий кайф.

— Да. Вон, видишь, машиностроительный институт. — Чекист махнул рукой в сторону той самой многоэтажки, пожалуй, единственной на этой улице. — Рядом с ним — баня. А нам... вот... Сюда.

Он резко свернул к одному из домов. Так резко, что я едва не проскочил мимо.

— Вот блин... — Ругнулся себе под нос, развернулся и потопал вслед за чекистом.

Мне нравится, конечно, насколько мужик уверен в силе своего авторитета. Даже не заморачивается, а не отстал ли я, не сбежал ли. Так-то бывший беспризорник вполне мог двадцать раз уже сделать ноги. Вопрос, конечно, в том, что лично мне их «делать» некуда. Но чекист же не в курсе.

— Заходи, не стесняйся. — Николай Николаевич легко взбежал по ступеням, остановился, потянулся вверх и принялся что-то щупать пальцами в небольшой дыре, которая имелаась справа от входа. — Жилплощадь, так сказать, служебная, но вполне себе ничего. Отличная жилплощадь. Я ее частенько пользую, если где-то поблизости нахожусь.

Через секунду он уже открывал навесной замок на двери большим ключом, который, как оказалось, и являлся предметом поисков.

В доме было не намного теплее, чем на улице. Хотя выглядел он вполне добротным. Старый, бревенчатый, с окнами, украшенными ставнями, с резными наличниками. Чисто деревенский формат, конечно. Но все равно достаточно солидно.

Еще я успел заметить несколько хозяйственных построек, в одной из которых под навесом лежали аккуратной стопкой дрова.

— Класс... — Задержался на пороге, осматривая территорию. В частности — эти самые дрова. — Похоже, насчет центрального отопления тут еще не в курсе...

Само собой, говорил тихо и точно не с хозяином дома. Просто я максимально далёк от всей этой сельско-бытовой романтики прошлого. Хотелось бы уже нормального комфорта хотя бы в рамках данного времени. Ясное дело, на гостиничные апартаменты с джакузи никто не рассчитывает, но блин... Сотрудник НКВД мог бы жить попримичнее, а не в избушке. Неужели им не положены... Не знаю... Квартыры, например. Хорошие, теплые, с мебелью и кухаркой. Тем более, служебные.

— Ты идёшь? — Крикнул из глубин дома Николай Николаевич. — Где застрял, Алексей?

— Застрял... Точнее не скажешь. По самые помидоры застрял... — Раздраженно буркнул я, затем переступил порог и вошёл внутрь.

Дом выглядел просторным. Сходу заметил три комнаты. Одна выполняла роль кухни. Там виднелись стол, табуретки и, судя по всему, примус. Самое интересное, я точно знаю, что это — примус.

Причина столь обширных познаний — известная фраза из классики, сказанная котом Бегемотом, который этот самый примус «починял». Помню, в школе мне незнакомое слово настолько засело в башку, что я интереса ради нашёл картинку, дабы оценить, как оно выглядело. Честно говоря, был разочарован. По сути — прародитель электрической плитки. А мне казалось, Бегемот говорил о чем-то мистическом, таинственном. Вот и пригодилось это знание... Кто бы мог подумать...

Примус стоял прямо на столе, а чуть дальше виднелась плита, но не совсем обычная. Рядом с большой дверцей, которая, наверное, выполняла роль духовки, имелись еще две поменьше. Верхняя часть выглядела абсолютно ровной. Конфорок, как таковых, я не увидел. В общем, странная конструкция.

Остальные две комнаты были жилыми. Там стояли кровати, шкафы для одежды. Одна из спален — значительно больше. Наверное, типа зала или гостиной. Именно в этой комнате я краем глаза заметил печь.

— Да что ты, как чужой. — Усмехнулся Николай Николаевич, приняв мое поведение за очередной приступ смущения.

А я просто не хотел выглядеть дураком, который, открыв рот, бродит по дому. Поэтому скромно встал в уголок небольшого коридорчика наблюдая за чекистом.

— Так... Сейчас быстро натопим... Свежо... Ну-к, ты давай пока, осмотришь. Твоя комната та, что поменьше. Правда, пригодится она тебе ненадолго. Вещи чистые возьмем с собой. Посмотри, там в шкафу лежат и штаны, и рубашка, и тужурка теплая. Размер, вроде бы, подходящий быть должен. А свои постираем в бане. Кипяточком. Я ради такого случая даже мыло яичное достану.

Яичное? Из яиц, что ли? Придумают же... В детдоме мыла не было в принципе, в гигиенических целях воспитанники использовали какую-то непонятную массу, состав которой не смогу рассказать под страхом смертной казни. Ибо не знаю и знать не хочу из чего эта масса сделана. А тут «яичное» было произнесено таким тоном, словно оно сусальным золотом покрыто.

Я молча кивнул, непонятно, правда, кому. Чекист даже не смотрел в мою сторону. Он уже суетился возле печи. Настоящей печи. Честно говоря, видел впервые эту конструкцию. Деревни у меня не имелось. Дедушек, бабушек и всякой прочей родни тоже. Кроме города с его комфортными условиями ничего не видел.

— Эй, Алексей, принеси-ка, в сенях там сухие дрова. Под тряпкой лежат, прикрытые. Топить буду. Чтоб вернулись, а тут — тепло, хорошо и мухи не кусают. К тому же, гости у нас скоро приедут. Серьезные. Вернее один гость. Но такой, что десятерых стóит.

Я почти уже дошел до выхода, где действительно видел какую-то непонятную кучу, укрытую тряпьем. Но слова чекиста меня остановили. Я замер, соображая, что еще за фигня ожидается. Гости? Причем настолько важные, что ради этих гостей Николай Николаевич хочет подсуетиться и дом протопить? Интуиция подсказывает, мы ждем гостей, которые явятся по мою душу...

— Да твою ж мать... — Я тяжело вздохнул, а потом все-таки отправился за дровами, продолжая бормотать себе под нос. — Гости... Херости! Какие, блин, гости?

И это я еще не знал, насколько весело, задорно и с огоньком пройдут мои следующие несколько часов в чертовых Мытищах... Накаркал батя... Ой, как накаркал...

Глава 6

В которой «прелестей» становится все больше...

Ну, что сказать... Слов, конечно, много. Однако, все они нецензурные... Мысли о неведомом госте, как и ожидание встречи с ним, были вытеснены из моей головы крайне увлекательным мероприятием. Даже представить не мог, что поход в баню превратится в то, чем он стал по итогу. Просто какой аттракцион невиданного риска.

Хотя, нет... Не с этого надо начинать...

В моем представлении у любого нормального человека при слове «баня» складывается определенная картинка. Парная, расслабон, караоке, пиво и девочки. Последний пункт, само собой, я вычеркнул из списка сразу, не идиот все же. И время не то, и место общественное. С караоке, ясное дело, тоже пока не задалось. Но уж на расслабон планы имелись, скрывать не буду. Предвкушал этот момент с нетерпением.

Кстати, в подобных заведениях мне прежде бывать никогда не приходилось. Как-то не возникало нужды. Хотя, отец частенько вспоминал нечто подобное из своего детства. Особенно, когда мы в мужской компании с его друзьями устраивали себе банные развлечения.

— Эх... и пиво не то, и ожидания не те... — Вздыхал он обычно, после нескольких порций пенного, грустно рассматривая кожаные диваны и камчатских крабов на столе.

Просто баня у нас имелась своя, личная. На территории дома. И русская парная, и хамам, и финская. На любой вкус. Огромный бассейн, бильярдный стол, куда без него, джакузи. Естественно, все было на высшем уровне. Но отцу не хватало настроения. Настроения, блин! Нормально? Он так и говорил.

— Херня, а не баня... Вот раньше... Пойдешь в общественную, а там мужики бату уже ждут. И все... На несколько часов из жизни выпали. Он с друзьями неторопливые разговоры под пивко ведет, а я сижу, щегол неоперившийся, слушаю их...

— Так в чем дело, Виктор! — Смеялся кто-то из его гостей. — Дуй вон, в Сандуны.

— Ой, идите на хрен! Сандуны... Не то это. Не то...

Лично я отцовскую ностальжи при всем желании разделить не мог, по причине абсолютного непонимания, что может быть классного, если в душевой твою голую задницу посторонние люди наблюдают. И дело даже не в скромности. Просто... Ну, что за на хер...

Да и с точки зрения гигиены, как-то совсем не айс. Мало ли, где эти посторонние шкуру трут. Нет. Не по мне такая банная романтика. Другой вопрос — именно сейчас я тупо хотел помыться. Даже не искупаться, а отодрать с кожи все запахи убогости, которые в нее успели впитаться. Мне навязчиво казалось, что я отвратительно воняю каким-то дерьмом.

Поэтому, когда мы с чекистом, прихватив чистые вещи, мыло, простыни вместо полотенца, отправились в баню, морально настроился, сейчас все будет по-другому, не так, как я привык. В конце концов, ничего страшного. Просто это надо пережить. Главное —

результат. Однако... Не угадал, насколько «по-другому».

Выглядело, естественно, все ожидаемо скромно. В бане, куда меня притащил Николай Николаевич, имелся огромный холл, разделённый стойкой билетёрши на мужской зал и женский. То есть там реально сидела тётя, которая выдавала билетки. Причем вид у тёти был совершенно зверский. Она оценивающе, суровым взглядом, осматривала с ног до головы каждого посетителя, словно знала, что с этим билетиком он попадет не в парную, а сразу в ад.

— Два... — Николай Николаевич шлепнул на стол, прямо перед женщиной, несколько монет.

Та молча уставилась на деньги, потом одним решительным жестом сгребла их в ладонь, взамен протянула чекисту две ободранные, маленькие бумажки, окинув его при этом выразительным взглядом, будто подозревала в каких-то непотребствах. Причём, судя по внешнему виду тёти, ей было глубоко и искренне плевать, кто перед ней стоит. Хоть сотрудник НКВД, хоть сам черт. Этакая повелительница горячей воды, которая решает судьбу грязных и немых.

— Идём, Алексей. — Николай Николаевич, проигнорировав тётю с ее взглядами, поманил меня в сторону мужской половины, — Да рот прикрой. Не видал, наверное, приличных мест?

Выглядел он довольным и даже периодически тихо похихатывал себе под нос. Наверное, в его понимании здесь и правда все было на высшем уровне. Впрочем, уверен, настоящий Реутов именно так оценил бы общественную баню Мытищ. Вот только я — ни черта не Реутов...

Однако, решив не расстраивать чекиста по поводу его высказываний насчёт «приличности», молча кивнул. Мол, все нравится, восторг бьет через край. Хотя, на самом деле, в данный момент всячески настраивал себя на то, что необходимость искупаться гораздо важнее, чем окружающая нас общественная «радость».

В мужском зале обнаружили отсек с душевой, комната парикмахера и, собственно, банный зал с парилкой. Еще имелась раздевалка. Тоже максимально простая. Крючки для вещей, лавочки — все.

— Надо тебя подстричь, кстати...

Неожиданно заявил чекист, задумчиво глядя на мою практически лысую голову. В детском доме, так понимаю, столь незатейливым способом пытались обезопаситься от паразитов. Что он стричь собрался, не знаю.

— Эй, Иваныч, пацана мне подстрижешь? — Крикнул вдруг Николай Николаевич куда-то в сторону.

В этот момент мимо проходил крепкий мужик, метра два росту. С плечами, на каждое из

которых можно посадить по одному взрослому человеку. Просто огромных размеров товарищ. К счастью, одетый. Потому что большинство мужиков, снующих вокруг нас, были уже почти голышом. Именно этого великана и окликнул мой спутник.

— Не надо... Без стрижки очень хорошо.— Испуганно ответил я. Если этот Иваныч — парикмахер, то боюсь представить, что и как он «куафёрит». В его ручищах даже ножницы для стрижки овец покажутся маникюрными.

— Как скажешь, Николай Николаевич. — Здоровяк широко улыбнулся чекисту и приветливо кивнул.

Я немного даже удивился, если честно. Так запросто? То есть Иваныча не смущает, что он, на секундочку, с сотрудником НКВД говорит? В отличие от тётки, которая царственной рукой выдаёт билетки, здоровяк вроде казался более адекватным. Взгляд поумнее, лицо поприятнее. Хотя, может, не знает подробностей биографии... На лбу у моего спутника место работы не написано. Да и не думаю, что он тут раньше ходил, корочкой размахивал

— Давненько тебя не видели... Приходите, я на месте. — Добавил здоровяк, прежде, чем исчезнуть из поля зрения.

— Так... Накинь вот это... — Велел Николай Николаевич, протягивая простынь, — В прачечную вещи закинем. Там сегодня Тамара должна быть. Она все быстро организует.

Прачечная оказалась тут же, на месте. Я выдохнул с облегчением. Когда чекист говорил, что вещи стираем в бане, представлял это так, будто придётся самим, своими руками фигачить и штаны, и рубаху, и куртку. Ну, тоже сомнительная радость. Прямо Золушóк какой-то.

Оказалось, при банях имеются прачечные, где можно сдать в стирку вещи. Судя по всему, их здесь не только стирают, но еще и прожаривают, избавляясь от всякой гадости.

Кстати, насчет прачечной... Это была первая ситуация, когда я увидел Николая Николаевича немного в ином свете.

— Тома... Душа моя... — Протянул он мягким басом, когда нам навстречу выплыла высокая, дородная женщина, весьма специфического вида.

Я с удивлением посмотрел на чекиста. С удивлением, потому что не понял, с хрена это он начал басить, да еще столь выразительно.

Тома игриво засмеялась, причём, тоже басом, и все встало на свои места. Это у них, оказывается, типа, флирт...

А вообще, конечно, вкус чекиста, относительно противоположного пола, вызывал вопросы. Просто, Тамара... Она... как бы это помягче сказать... оказалась весьма колоритной особой.

Самым впечатляющим в этой женщине была задница. Неожиданно, но факт. Я даже немного

завис, рассматривая данную часть тела работницы прачечной. Она сильно напоминала дирижабль. Не Тамара, конечно. Ее задница.

А вот хозяйка столь выдающихся во всех смыслах достоинств выглядела самым настоящим гренадером. У нее даже усики имелись над верхней губой.

— Вы ли это, товарищ Клячин?... — Тамара расплылась в улыбке.

Улыбка ее вызвала подозрение, что женщина-дирижабль собирается Николая Николаевича проглотить. Всего. Целиком. Мне кажется, еще чуть-чуть, и я увидел бы ее коренные зубы.

— Конечно, Томочка... Ждала? — Он ухватил ее за локоток и потянул к себе.

Гренадерша тихо захихикала, стреляя глазками из-под кустистых бровей. И, да, я знаю значение слова «кустистые». У Тамары они именно такими и были.

— Твою ж мать... — Пробормотал я себе под нос и отвернулся.

Единственный плюс — теперь знаю фамилию чекиста. Понятия не имею, что мне может дать эта информация, но вдруг пригодится.

А вот романтично-эротическая сцена в исполнении парочки, которая миловалась рядом, вызвала у огромное желание или выmaterиться, или просто свалить куда-нибудь.

— Николай Николаевич, я в сторонке подожду...

Чекист меня даже не услышал. Он что-то втирал Тамаре на ушко, а та, прижимаясь к нему своей весьма объемной грудью, посмеивалась над каждым словом кавалера.

Через пять минут, Клячин, наконец, отцепился от гренадерши, оставив ей для стирки свернутые вещи.

— Все. Теперь можно и делом заняться. — Сообщил он довольным, но, слава богу, нормальным голосом.

Я был готов на все, лишь бы смыться подальше от гренадерши, которая буквально пожирала чекиста глазами. Она меня немного пугала своей «красотой» и пылкостью.

Ну, а потом началось само банное мероприятие...

Искренне по началу даже пытался понять, чего же именно не хватало отцу в нормальной, современной бане. Не понял...

Полы здесь были покрыты плиткой, которая оказалась ужасно скользкой. Каждый шаг — реальная возможность стать хорошим танцором. Чуть не уследишь — сядешь на шпагат.

В душевой висели шесть рожков и ни один из них не имел даже перегородок. Никакой

возможности уединения, как я и думал.

Парная была просторной, но народу туда набивалось столько, что я чувствовал себя максимально некомфортно. Хотя куда уж больше...

То есть, люди не только сидели, но и стояли. Как в общественном транспорте. Не хватало только поручней. А расслабиться, когда ты сидишь, уставившись в пол, достаточно сложно. Просто выбор оказался невелик. Либо рассматривать свои ноги, либо упереться взглядом в постороннего человека. И я сейчас вовсе не о приличном.

Все остальное тоже не радовало. Вокруг сновали голые мужики, которые в этом либо не видели ничего предосудительного, либо абсолютно своей наготы не стеснялись. К процессу купания прилагались металлические тазы, которые парильщики любовно называли «шайками». За этими тазами, кстати, периодически выстраивалась очередь.

Иногда появлялся злой банщик с вениками в руках. Что именно его разозлило не знаю, но догадываюсь. Кто угодно на такой работе осатанеет. А главное, во всех помещениях стоял аромат, который не могу описать... Запах дерева, парилки, веников и мыла... Он не был неприятным. Просто... что-то непередаваемо особое.

Воду в шайки набирали, кстати, из кранов. Трубы были старые, ржавые, а краны хоть и медные, но почему-то очень хлипкие. Впрочем, хлипким здесь было очень до хрена чего. Особенно — психика любого адекватного человека, например — моя.

— Епт... Ааааа! Млять! — Раздалось вдруг откуда-то со стороны.

— Ааааа! Твою мать! Млять! — Гаркнул сразу же второй голос.

— Ох ты мать моя! — Это уже был кто-то третий и он в отличие от первых двух не орал, а как-то жалобно пищал.

Все присутствующие с интересом уставились туда, где развернулась драма. Или трагикомедия. Не знаю, какое больше подходит определение.

Оказалось, один из посетителей, мужик средних лет с объёмным, солидным животом, набирал себе воды. Налил холодной, стал добавлять горячую. Крутанул винт, а кран соскочил к чертям собачьим. Струя горячей воды ударила ему прямо в «директорское» пузо.

Мужик взвыл, отскочил, поскользнулся на мыле, и, падая, въехал стоявшему рядом гражданину головой в живот.

Тот гражданин тоже упал и припечатался лбом о скамью. А напротив крана как раз мылся тихий старичок. И вот этому старичку струя кипятка угодила аккурат в заднее место.

На шум и крик прибежал злой банщик с неизменными вениками в руках. Понял, что от веников точно толку не будет и вызвал сантехника. Или как тут называется столь важная должность. Банщик величал его просто по имени.

— Сейчас придет Федя... — Пообещал он многозначительно и исчез.

Через пару минут явился мрачный тип с молотком и заглушкой. Видать, ему уже было не впервой этим делом заниматься. Прицелился — бац! И заглушка на месте.

— Ну вы чего, товарищи! — Федя с осуждением покачал головой, а потом помахал молотком прямо перед лицом того дедушки, который получил порцию горячей водички в интересное место. Хорошо, кстати, что сзади получил, а не спереди... — Аккуратнее надобно. Чай не по улице ходите. Культурнее, граждане, культурнее...

— Дык скользко, мил человек. — Начал оправдываться дед. Но Федя уже не слушал. Он с гордо поднятой головой удалился в сторону выхода.

А вот я для себя мысленно в который отметил, здесь все надо делать очень осторожно. Не хватало убиться в помывочной. Это уж совсем будет глупо. Очнулся в 1938 году, чтоб разбить там себе башку в общественной бане. Анекдот просто какой-то.

Схватил освободившуюся шайку, а потом занялся делом. Наяривал руки, ноги и все остальное мылом, которое торжественно вручил Николай Николаевич. Тёр таким остервенением, будто хотел снять грязь вместе с кожей.

Но как всегда бывает, в самый неподходящий момент меня приперло «по-маленькому».

Я покрутил головой, соображая, как поступить. Учитывая наглядность процесса омовения, здесь лучше не исполнять ничего такого. Как-то стрёмно. Все же люди мы культурные.

— Николай Николаевич... — Я подошёл к чекисту, который в этот момент обливался водой.

Он такие странные звуки издавал, честно говоря. Фыркал, похрюкивал и периодически выкрикивал:

— Ах, ты ж ё... Ух, ты...

— Мне надо в сортир. — Я постарался говорит тихо, чтоб нас не слышали соседи.

— Чего! Поссать? Или посерьезнее? — Заржал в голос чекист. Его, как обычно, вообще ни черта не смущало.

Стоявший рядом мужик, который тоже плескался из тазика, поддержал смех Клячина. Хотя он, между прочим, не имел к нам совершенно никакого отношения. В общем, у всех здесь с чувством такта серьёзные проблемы, похоже.

— Просто скажите, где сортир. — Терпеливо повторил я, покосившись на соседа Николая Николаевича.

— Выйдешь, и направо сразу. — Чекист махнул рукой в неопределённом направлении.

— Понятно...

Я схватил простынь, обмотался ей и рванул в сторону, где теоретически должен быть туалет. Так торопился, что едва не забыл про обувь. В последний момент сообразил, надо натянуть ботинки. Не босиком же рассекать по коридорам бани.

Но оказалось, либо Николай Николаевич страдает топографическим критенизмом, что мало вероятно, конечно. Либо у нас с ним принципиально разное «право». Потому что сортира там не было, но зато обнаружился следующий поворот. И только после того, как я еще пару раз свернул, перед моим носом обозначилась дверь. Толкнул ее, отчетливо понимая, если сейчас же не попаду в нужное место, просто сдохну.

— Да твою ж... — Я уставился на открывшуюся передо мной картину.

Двор, небольшое здание, похожее на хозяйственную хрень, забор, какой-то сарай и ни малейшего намека на сортир. Однако, возвращаться, а затем снова искать — точно не вариант.

Ещё чуть-чуть и может получиться неудобно. Блин! Не просто неудобно! Я обоссусь, как какой-то малолетний дурачок.

Быстро огляделся по сторонам. Убедившись, что людей в округе не наблюдается, засеменяю к ближайшему углу. Пофиг! Грязнее этот двор от моего маленького хулиганства точно не станет!

Главное сейчас не бежать вприпрыжку, а то не донесу. Еще, будто назло, ботинки жёстко тёрли мокрые распаренные ноги. Сланцы, наверное, в это время отсутствуют, как признак буржуазного пережитка. А может, просто технологии не доросли до нужного уровня. В любом случае, по бане пришлось рассекать босиком.

Оказавшись возле сарая, который находился почти напротив двери, я уже не оглядывался. В конце концов, это — «чёрный» выход, судя по всему. Вряд ли за несколько минут сюда принесёт до хрена людей.

Задрал простынь и приступил к делу, которое сейчас было для меня важнее всего. А потом, закатив глаза, с облегчением выдохнул. Казалось бы, такая мелочь, но как хорошо и прекрасно может быть человеку!

Я уставился на стену сарая, попутно помечая ее, как дворовый пес свою территорию, и думал в этот момент, что для счастья, на самом-то деле, нужно не так уж и много. Помыться, нужду справить... Ещё бы поесть чего-нибудь существенного, и совсем хорошо станет. Вот поди ж ты, какая ирония судьбы. Бабки, шмотки, тачки... Но именно в этот момент я впервые в жизни вдруг почувствовал себя счастливым. Кому скажи, со смеху помрут. Острый приступ вселенского счастья просто от того, что поливаю стену какого-то сраного сарая на заднем дворе общественной бани.

Мысли о счастье автоматом перескочили на жратву. Именно ее мне не хватает для полной картины. В голове сложилось причудливая цепочка ассоциаций. От мяса «по-французски» до увиденной в доме Клячина русской печи и тарелки густого наваристого борща.

Эх... И пивка бы сейчас. Хорошего, густого, с горчинкой... Мечты о пиве вызвали урчание в животе и наплыв слюны во рту. Я улыбнулся своим мыслям, а затем смачно сплюнул на стенку, заканчивая бесконечный процесс облегчения. Он, прямо скажем, затянулся.

— Не, братва, вы гляньте! — неожиданно прозвучал за спиной незнакомый голос. — Этот баклан ещё и харкается!

Глава 7

В которой я понимаю, что конкретно «попал», но совсем в другом смысле

Я поморщившись, обернулся. Хотя, и без того с первых слов говорившего было понятно, меня угораздило наткнуться на местных «крутышей». Впрочем, более правильно сказать, их угораздило наткнуться на меня. Потому что я, вообще-то, справлял нужду, никого не трогал.

Напротив замерли трое. Собственно говоря, предчувствие не обмануло. Именно «крутышами» они себя и мнили.

Один, покрупнее, скорее всего играл роль вожака. Он стоял чуть впереди товарищей, сунув руки в карманы широких брюк. На голове — кепка, на роже — наглая ухмылка, в глазах — три класса церковно-приходской школы. То есть, идиот. Но идиот опасный. Считающий себя хозяином жизни. Не понятно, конечно, с хрена у пацана подобные мысли. Он явно только недавно пришёл к выводу, будто ему можно больше, чем остальным. Однако разбираться в тонкостях его психологических травм точно нет желания. В зубах этот тип держал папиросу, с периодичностью в секунду перекидывая ее из одного уголка рта, в другой. Ужасно пошло и шаблонно, между прочим. Весь его вид говорил — епте мать, кто тут босс? Я тут босс!

Причем этим состоянием пацан явно наслаждался. Навскидку ему было около двадцати лет, может, чуть больше. Короче, предводитель местной шушеры, молодой, но уже охреневший. На меня он смотрел с вызовом. Обычно с таким выражением лица просят «закурить», когда нужен повод доколоться.

За спиной «главаря» переминались двое подпевал. Они тоже старались выглядеть максимально крутыми, но ни в коем случае не круче вожака. Иерархия, мать ее.

У них, в отличие от лидера троицы, в зубах ничего не было, а у того, что справа, и зубов то не имелось в полном объёме. Он криво скалился, демонстрируя отсутствие как минимум парочки коренных.

Я мысленно выругался. Мысленно, дабы не накалять обстановку. Сейчас крайне неуместно будет сказать вслух этим долбоящерам, что о них думаю. Я опустил простынь, прикрыв все

неприличные места, и уставился в наглуую на троицу местных придурков. Главное — они должны видеть, что страха у меня нет. Желания ломать друг другу нос — тоже.

Очень неудачное место, очень неудачный вид и очень неудачный момент. Причём, во всех смыслах. Я прекрасно помню, что было в детском доме, когда приключилась драка. Меня, по большому счету, спас эффект неожиданности. От Реутова не ожидали столь конкретной реакции, которая последовала в итоге. Ну, и тот факт, что в спальне, где наткано мебели, сильно не развернёшься. Крысята просто не имели возможности бросится толпой одновременно.

Здесь же — ни мебели, ни эффекта. Из неожиданностей — только мой вид. Простынь, под которой ни черта нет и ботинки на босую ногу. Скажем прямо, вообще не самый лучший вариант, чтоб устраивать бои без правил.

А, судя по настрою этой компашки, боев, похоже, не избежать. Парни явно имеют желание повысить самооценку за мой счет.

И тут снова встает проблема. Я, пожалуй, мог бы решить данную ситуацию без особых потерь. Даже в простыни. Даже без нее, черт с ним. Но тело Реутова упорно не хочет пользоваться тем багажом знаний, которые имею лично я. Оно абсолютно не приспособлено для драки. Вообще. Даже если у тела возникнет желание прислушаться, наконец, к своему новому сознанию, мне придётся немало времени его тренировать.

— Ну, что, гражданин хороший, стойм, смотрим, зеньками лупаем? Нехорошо гадить в чужих дворах. За это надо бы расплатиться. — Вожак громко «цыкнул», плевком отправив папиросу прямо в меня.

Правда, либо с глазомером у него беда, либо имеется скрытое косоглазие. Цибарка пролетела в нескольких сантиметрах от моей руки, даже волоска не зацепив.

Троица проводила ее взглядом, вплоть до момента, когда папироса плюхнулась в грязь. Видимо, сцена должна была выглядеть пафосно. По итогу, пафос накрылся медным тазом. Да еще заявление это дурацкое, про «расплатиться». Пацан явно недалёкого ума. Я стою перед ними в одной простыни. Где, по его мнению, голый человек может прятать деньги? В заднице! Фу, млять. Не дай бог...

— Парни... Сейчас вернусь обратно, в баню, и, думаю, на этом наше знакомство закончится. А вы пойдете дальше. Сделаем вид, будто я вас не видел, а вы со мной не разговаривали.

Я говорил спокойным тоном, уверенно. Хотя, ясен хрен, никакой уверенности не чувствовал. Ужасно раздражало два момента.

Первый — отсутствие штанов, как бы смешно это не звучало. Чисто теоретически, сейчас меня должны волновать совершенно другие вещи. К примеру, как разойтись с местными мудаками в разные стороны без потерь.

Второе — наличие слабого, мало тренированного тела. Мне даже интересно, как это Реутов девять лет назад решился на драку в детском доме... Хотя, Николай Николаевич утверждает, что в колонии пацан слыл тем еще задирой. Тоже интересно. Значит, до определенного момента он был агрессивным, а потом — раз! И случилось чудо.

Не успел осознать эту мысль до конца, как меня буквально прострелило догадкой.

— Ё-мое... — Я завис, уставившись в одну точку.

Так не бывает. Ему тогда исполнилось всего лишь восемь лет. Что за странные перемены? Ну, ладно, взрослый мужик, к примеру, задолбался бить рожи и стал философски относиться к жизни. Прозрел, типа того. С пацаном ничего подобного произойти не могло. И еще это дебильное «Иванович», когда должен быть «Сергеевич». Блин, идея, конечно, безумная, но как говорил товарищ Горький, да был-то мальчик? Может, мальчика и не было... Вернее, он все-таки был, но тот ли, о котором речь...

— Эй, Косой, гражданин нам попался, наверное, пристукнутый. Вон, глядись-ка... Рот открыл, глаза вылупил. Щас слюна закапает. — Подал голос один из подпевал. Косым, видимо, величали главаря. Удивительно точное погоняла, учитывая, как «метко» он плюется «бычками».

Я встряхнулся, прогоняя крайне неуместные в данную секунду мысли. Подумаю о странностях в далеком прошлом Реутова потом. Если, конечно, будет вообще это «потом»...

Имеется подозрение, придурки, стоящие напротив, вполне способны значительно сократить наш с Реутовым общий срок жизни. Причём, сделают это прикола ради. Исключительно для самоутверждения. Вижу по их глазам, что могут. Там, в глазах, — лютый февраль.

— Ну, мы ему сейчас поможем. — Вожак усмехнулся. — Вылечим, почище дохтура. И башку, заодно, на место поставим. Чтоб научился правильных, порядочных людей уважать.

Похоже, он был однозначно настроен показать товарищам, что не просто так они признали его лидером. Думаю, произошло это совсем недавно, если самому пацану требуются доказательства верности их выбора. Его поведение — это именно самоутверждение. Потому что, к примеру, кражу можно точно не рассматривать. На мне сейчас нет ни одной вещи, которая могла бы их заинтересовать. Есть подозрение, далеко не новая простынь им в хрен не впилась.

— Ну, что, гражданин... — Косой медленно двинулся ко мне. — Портим тут, значит, культуру населению? Ссым посреди белого дня. Некрасиво как-то... не по-советски... А с виду — такой приличный человек, вроде бы...

Я быстро огляделся, пытаясь сообразить, есть ли поблизости хоть что-то, подходящее для защиты. Палка, бревно, доска. Что угодно. Поворачиваться спиной и бежать — точно не вариант. Один хрен не успею. Догонят и нападут со спины. А это — очень плохое развитие событий, опасное. Шакалам нельзя показывать страх или слабость. Они в таком случае сто

процентов нападут, даже если до этого не собирались.

К тому же, я стоял возле сарая, когда «крутыши» появились. Троица подошла сзади. Соответственно, теперь они находятся между мной и дверью, ведущей в баню. То есть, получается, прямой путь перекрыт.

Ну, и само собой, будет полным идиотством, если я начну нарезать круги по двору, чтоб добраться до спасительного входа. Это не «Веселые старты» и у нас не салочки наперегонки.

Дебильная ситуация! Умом понимаю, драки надо избежать. В башке у меня все-таки мозги, а не вата. В отличие от шпаны самоутверждаться я не собираюсь. К тому же, в состоянии оценивать реально ситуацию. Черт... Что же делать...

— Эй, придурки! — Раздалось вдруг со стороны той самой двери, откуда я вышел десять минут назад, наивно собираясь быстренько облегчиться и вернуться назад.

На фоне напряжённой ситуации, ни я, ни тем более «крутыши», стоявшие ко входу в баню спиной, не заметили, как к нашей веселой компании добавился еще один человек — товарищ Клячин собственной персоной.

Он, что вполне объяснимо, из одежды на себе имел только простынь, но в отличие от меня, его это явно не напрягало. Чекист выглядел благостно расслабленным и улыбался шпане, как родным людям.

— Что тут у вас за вопросы, ребятушки? — Поинтересовался он ласковым тоном, при этом медленно двигаясь в нашу сторону. Я бы даже сказал, не двигаясь, а перетекая с места на место еле заметными шажками, словно хищник на охоте.

Кстати, за эти дни Николай Николаевич стал мне чуть более понятен. Я немного научился определять его настрой. Сейчас, могу дать руку на отсечение, (лучше, конечно, не мою руку, а Косого,) что вот эта показная ласковость чекиста говорит об одном, пацанам лучше бы потихому свалить, пока они при памяти. Еще лучше, сделать это максимально быстро, потому как взгляд Клячина стал еще более холодным, чем обычно, а это, между прочим, — хреновый звоночек.

— Дядя, шел бы ты мимо.— С бравадой выдал один из подпевал.

— Вот дура-а-а-ак... — Тихо прокомментировал я, но меня уже никто не слушал.

Внимание «крутышей» переключилось на новоприбывшего участника драмы. Тем более, если мы с Реутовым выглядим как семнадцатилетний парень, очень худой и мелкий, то Клячин точно вызывает опасения своей комплекцией. Пусть он не сильно здоровый, как тот же Иваныч из парикмахерской, но по Николаю Николаевичу видно, человек — в отличной физической форме. Видимо, по этой причине в данный момент шпана оценила его как соперника, который заслуживает бóльшего внимания, чем я.

Подпевала, посоветовавший чекисту «идти мимо», сунул руку в карман и вынул кастет.

Видимо, чтоб придать своим словам и себе самому больше веса.

Я так понимаю, «ребятушки» отталкивались от стандартных правил математики, что три — один черт больше, чем два. Поэтому напряглись из-за появления чекиста, но не сильно. А кастет — на всякий случай, вдруг новый участник беседы сто́ит двух. Тогда в уравнении ставим знак «равно». Это шпану никак не устраивает.

— Ух, ты... — Клячин поднял открытые ладони на уровень плеч.

Данным жестом он словно говорил, что пришел с миром. При этом чекист продолжал все так же осторожно двигаться вперед. До троицы «крутышей» ему оставалось сделать буквально крохотный шаг, когда он, что было неожиданно даже для меня, внезапно метнулся вперед и ударил. Но главное, ударил не того, который с кастетом, что было бы логично, а второго подпевалу. В сторону которого за все время даже глазом не повёл.

Удар у Николая Николаевича вышел не кулаком в лицо, как, например, лупанул бы я, а ребром ладони по горлу. Между прочим, опасный приемчик. Гортань, кадык — они всегда на виду, за мышцами их не спрячешь.

Бедолага даже пискнуть не успел. Он только начал кашлять и задыхаться, пытаясь рукой хвататься за место, куда пришелся удар.

После того, как один из подручных Косого, самый безобидный, кстати, внезапно вышел из строя, Клячин, не дожидаясь реакции остальных, схватил на излом руку второго подпевалы. Как раз ту, в которой был кастет. Пацан настолько обалдел от происходящего, что пребывал в ступоре. Такого подвоха он точно не ожидал. Бедолага смешно вытаращил глаза, охреневшая еще больше, но в следующую секунду они у него просто вылезли на лоб.

Просто Клячин два раза сильно вхерачил ему кулаком в живот. И сделано это было опять же, внезапно. Смотрел чекист пацану в лицо. Двигался так, будто собирается бить в челюсть. А тут — живот. Ясное дело, крутыш забыл как дышать, застонал, согнулся, и тут же в догонку получил коленом в лицо. Это был — финальный аккорд. Пацан громко «хрюкнул», а потом завалился на землю, прямо в грязь.

Первый противник Николая Николаевича продолжал кашлять, но, видя плачевное состояние товарища, попытался что-то предпринять. Честно говоря, думаю — смыться. По крайней мере, развернулся он не к чекисту лицом, а наоборот, в противоположную сторону. Однако в этот момент получил удар кулаком в висок и прилег рядом с товарищем.

— Да ты че... Совсем... Да я тебя! — Вожак, который растерянно тарачился то на Клячина, то на своих подельников, валяющихся рядом, внезапно разучился говорить связно.

А еще, тоже внезапно, ему, видимо, окончательно отказал мозг. Он вдруг достал нож с наборной ручкой и зверски ослабился. Честно говоря, даже не понял, откуда именно достал. Просто я лично в этот момент охеревал ничуть не меньше пацанов, двое из которых красиво лежали на земле, не подавая активных признаков жизни. Соответственно, момент

появления холодного оружия немного упустил из виду. В общем, драма медленно, но верно превращалась в стопроцентный боевик.

Нет, такое положение вещей меня устраивает гораздо больше, чем если бы на месте шпаны оказался я сам. Но...твою мать! Зачем так жёстко! Они, по сути, просто охреневшие мандюки. Ну, дал в рожу. Хорошо. Тут и я подключился бы. Однако чекист вел себя... Даже затрудняюсь подобрать слова... Вел себя так, будто не сомневаясь, прямо сейчас, может свободно наступить на горло каждому, кто подвернётся. Наступить и сломать к чертям собачьим. То есть в нем не было желания слегка наказать зарвавшийся молодняк. Ни хрена. Он смотрел на них, как на клопов, которые мешаются. Создают неудобства.

Вожак тем временем, поняв, что я по-прежнему стою возле сарая с вылупленными глазами и вмешиваться не собираюсь, сделал выпад в сторону Клячина. Чекист совершенно легко избежал удара. Просто отскочил и все. Но красиво отскочил, не вопрос. Я бы сказал, судя по реакции, подобные стычки Николаю Николаевичу привычны.

Но главное, он вообще не нервничал. Улыбка на его лице по-прежнему светилась добром. Вот глянет сейчас кто-то случайный на Клячина со стороны и решит, какой хороший, прекрасный человек этот мужчина в простыни.

— Не надо, — Сказал чекист неизменно ласковым тоном. — Порежешься.

Однако у пацана, похоже, сто процентов поехала крыша. Его будто перемкнуло. Он сделал несколько взмахов перед собой, будто собирался нашинковать Клячина порциями. Николай Николаевич внимательно следил за Косым, взгляд не отрывал, с места не двигался.

От того, что происходило дальше, я просто охренел окончательно.

Крутыш сделал очередной тычок, но Клячин не отскочил, а наоборот, стремительно скользнул навстречу. Со стороны выглядело так, будто он приобнимает парня, глядя его по руке и плечу. Шаг, блок с захватом и рука с ножом сгибается в локте. Лезвие легко, как по маслу, входит в живот парня, заставляя его выпучить глаза от боли и разинуть рот в беззвучном крике.

Я такое до этого только в кино видел и был искренне уверен, в реальной драке подобный прием невозможен. Но вот же! Вот! Только что прямо на моих глазах! Факт остается фактом. Клячин, который не выглядит богатырем, завалил троих, в том числе, вооруженного ножом. Причём, если подпевалы могут прийти в себя, то Косому, боюсь, сильно не повезло.

Он, кстати, в этот момент выглядел очень удивленным. Мне кажется, пацан даже не понял, что произошло.

Я думал, на этом чекист успокоится. Но нет...

Клячин дернул рукой, вгоняя нож ещё глубже, а затем позволил Косому упасть. Придерживал его, как друга. Можно сказать, аккуратно положил парня на землю.

Чекист выпрямился, отряхнул руки, окинул взглядом подпевал, лежащих на земле, и уже после этого повернулся ко мне.

— Ну, чего ты застыл? Идем? Там пиво принесли.

— Так это... Он же умрет сейчас! — Я с ужасом смотрел на дергающееся тело Косого. Пацан готовился отдать концы. Не надо иметь медицинское образование, чтоб это понять.

— И чего? — Клячин небрежно пожал плечами — По-твоему лучше было бы мне сдохнуть? Или тебе? Они сами виноваты. Думать надо было, прежде чем нож доставать. Пойдем, говорю!

— А... Они? — Я кивнул в сторону подпевал. — Их тоже бросим? Они ножа не доставали, если уж на то пошло.

— Эти? — Чекист ленивым взглядом обвел парочку подручных Косого. — Не... В милицию сдадим! Шакалье! Но сначала... Чтоб больше не баловались...

Николай Николаевич хмыкнул. Спокойно так. Без нервов. А затем нагнулся, поднял камень, который валялся рядом, шагнул к пацану, на руке которого оставался кастет, и с силой несколько раз ударил камнем по его пальцам, ломая их

— Зачем? — Я поднял взгляд на чекиста. — Он в отключке уже. Зачем!

— Шакалы не понимают другой язык, кроме грубой силы. — Клячин, усмехнувшись, отбросил камень в сторону. — Идём. Надо закончить с помывкой. Время поджидает, пора возвращаться в дом.

Он развернулся и направился ко входу. Я — тоже двинулся следом. Осторожно обошел три тела, лежавшие на моем пути, приблизился к двери, а потом...

А потом меня жёстко вывернуло. Я просто почувствовал резкий приступ тошноты, которую не мог сдержать, и честно говоря, было искренне плевать, что об этом подумает Клячин. Впервые, вот так запросто, на моих глазах убили человека. А вина его лишь в том, что он оказался не в том месте, не в то время и не перед тем человеком решил выпендриться.

Глава 8

В которой происходит то, о чем я не подумал

— Что-то ты, Алексей, размяк? Не барышня ведь. Давай, собери волю в кулак. Стыдно за тебя, честное слово... — Высказался Клячин, а затем с усмешкой посмотрел в мою сторону.

Твою ж мать... Ненавижу его этот взгляд. Так и кажется, сейчас мне на башку что-то упадёт. Причем, чекист точно знает, что именно. Знает, смотрит и ждёт, когда мои мозги разлетятся в разные стороны. Вот такое ощущение складывается.

Я не стал играть с ним в «глядделки» и просто отвернулся. Честно говоря, очень хотелось послать его к черту. Но... Ясен пень, теперь вообще сто раз подумаю, прежде чем ругаться с этим человеком. Он отмороженный наглухо. Я с первой встречи подозревал, с башкой у него нелады, а теперь уверен в этом на сто процентов.

— Ух... Аромат-то какой... Аромат... — Не дожидаясь моего ответа, Николай Николаевич тоже отвел взгляд. Хотя усмешка на его губах все равно осталась. Веселится он... Весело ему...

Чекист, продолжая довольно «ухать», снял с плиты облезлый, кривобокий котелок и плюхнул его на стол, прямо мне под нос.

Кстати, плита, которая вызвала вопросы из-за отсутствия конфорок, оказалась просто-напросто дровяной. Это и объясняло ее ровную, гладкую поверхность, смутившую меня изначально. Простенько, но достаточно эффективно, между прочим. На ней чекист приготовил незатейливый ужин. Сейчас я был согласен съесть, что угодно, и любая еда казалась мне верхом поварского искусства. От голода сосало под ложечкой.

В котелке лежала картошка, которая невероятно вкусно пахла. Обычная картошка, сваренная прямо в кожуре. Помимо этого на столе были сало, хлеб, нарезанный толстыми ломтями, бочковые огурчики. Дополняла картину железная кружка, такая же кривобокая, как и котелок, в которую Николай Николаевич плеснул водки. Кружка предназначалась мне. Водка — тоже. Ее чекист вынул откуда-то из закромов. Где эти закрома, понятия не имею. Я, честно говоря, не понял, откуда у нас и все остальное появилось. Картошка, хлеб, сало... Было это где-то здесь заныкано, или принес, кто, не могу ответить. Причина неосведомленности — мое состояние. Оно оставляло желать лучшего.

Дорога из бани к дому прошла, будто в тумане. Не помню, как мы вернулись. Реально. И не помню, как оказался в кухне.

Наверное, виной такого беспамятства был полный стакан все той же водки, которую мне в организм залили еще в бане, перед тем, как мы покинули заведение, но после того, как я проблевался. Николай Николаевич, собственно говоря, и залил.

Пока меня тошнило на улице возле двери, он успел кому-то сообщить о случившемся. Как ни крути, но при наличии двух покалеченных хулиганов и, возможно, одного умирающего, уйти по-английски сложно. Даже сотруднику НКВД.

Поэтому, буквально через пять минут после исчезновения, как раз к концу моего «сольного выступления», Клячин снова обозначился на пороге. Одежды теперь на нем стало значительно больше. Простыню заменили штаны, хотя верх еще оставался обнаженным.

К тому же чекист пришел не один. Вместе с ним явился какой-то мужик, судя по приличному виду и сурово сведенным бровям, из администрации заведения. Хотя... Сложно судить. Может, коллега Николая Николаевича. Может, милиционер. Хрен его знает. Я в тот момент вообще об этом не думал. Да и мужик был одет в гражданское. Только вел себя

очень уверенно, по-хозяйски.

— Ну, товарищ старший лейтенант государственной безопасности... Ёк-макарек... — Протянул незнакомец, рассматривая задний двор бани. Вернее, не сам двор, конечно, а то, что там лежало живописной картиной. — Как же ты так...

— Сами напросились. — Коротко бросил в ответ чекист. — Местная шушера.

— Да я вижу... Один — точно знакомец наш. Василий Перфилов, в народе именуемый Вася Косой... Ну, ладно. Что уж... — Мужик махнул рукой, с какой-то обреченностью, и направился к крутышам, которые, надо признать, выглядели очень грустно. Даже бедолага Косой перестал дёргаться.

— Бывает... — Вообще ни к месту протянул Николай Николаевич.

— Да я понимаю. Вряд ли ты специально за ними бегал. — Мужик остановился возле Косого, ногой легонько толкнул его в бок. Косой даже не дернулся. — Сами нарвались, это ясно. В последнее время молодняк вообще зарываться начал. Ваську блатные к серьёзным делам допустили, так пацана понесло. Просто убирать сейчас придется. А у меня дел до хрена и больше... Ладно... То моя забота... Неужели совсем мозгов лишишь, если сразу перо достали?

— Не сразу, — Ответил Клячин. — Они пацана моего прижали, пришлось малину им испортить. Пацан-то всяко нужнее.

Чекист хохотнул и посмотрел на меня. Я уже стоял ровно, а не согнувшись в три погибели. Но из-за слабости, которая имелаась в теле, замер возле стеночки, прислонившись к ней плечом. Николай Николаевич тяжело вздохнул, покачал головой и, ухватив меня за локоть, потащил внутрь. Наверное, я выглядел не особо бодро. Впрочем, не только выглядел. Я и чувствовал себя выжатой половой тряпкой.

В общем-то... Может, это действительно было проявлением слабости с моей стороны, но то, как Клячин спокойно разделался со шпаной, произвело на меня слишком сильное впечатление. Вернее даже не так. То, как он добил их, когда это совсем не требовалось. То, как спокойно с улыбкой на лице, насаживал Косого на его же нож.

— Отмороженный мудака... Сука... маньяк... — Эти эпитеты я вставлял между приступами тошноты, пока рядом никого не было. Выворачивало меня не только физически, но и морально.

Вот в фильмах, к примеру, смерть кажется оправданной. Особенно, если загнулся злодей. А герой рядом с трупом врага выглядит суперменом.

Оказывается, на самом деле есть в этом что-то жуткое. Вот — стоит передо мной здоровый парень, борзый, весь из себя приблатнённый. А потом — раз! И все. Нет парня. Валяется на земле, как кусок говна.

Но все-таки, надо признать, гораздо в большей мере меня впечатлил Клячин. Нет, чисто с человеческой точки зрения, Косой вроде — жертва. Относительно, конечно. Если сравнивать его и Николая Николаевича, он несомненно проигрывает чекисту по всем показателям.

Можно было обойтись без убийства. Судя по тому, как действовал Клячин, уверен, он легко мог сломать придурку руку, не поранившись сам, или отправить его в нокаут. А воткнуть пацану в пузо нож... Ну, не знаю... Мораль вроде должна быть, доброта, все дела. Возлюби ближнего, не обидь дальнего. Неправильно, в общем.

Однако, в глубине души я признавал, не настолько, на самом деле, мне жалко Косого. Да, имел место стресс. Но блин! Впервые нахожусь в такой ситуации. Конечно, стресс.

Однако в гораздо больше мере мне жалко себя. Потому что рядом со мной находится человек, способный на все. Не только способный, но и выдрессированный для этого. А я до сих пор не знаю, что именно хочет от Реутова чекист. Правда... Теперь уже не уверен, что вообще хочу владеть подобной информацией.

И если бы можно было вернуть время, на денёк, больше не надо, где-нибудь в Подмоскowie я сто процентов сбежал бы. Да, сложно. Да, опасно. Но, в конце концов, не дурак вроде бы, башка варит, знания какие-никакие имеются. Неужели не нашёл бы, где пристроиться. В любом случае, такое развитие событий было бы гораздо лучше, чем близость Клячина, который меня теперь настораживает еще сильнее.

Конечно, едва появились Николай Николаевич с незнакомым мужиком, тошнота сразу прошла и матерные слова тоже закончились. Я вообще впредь поостерегусь ругаться с чекистом. А уж обзывать его — тем более. Потому что он — псих!

Пока Клячин волочил меня в сторону банного зала, внутренности мои мелко тряслись, будто я с похмелья. Что он за человек такой? Что, млять, за человек? Как можно настолько невозмутимо, без злости, вообще без эмоций добивать лежащего на спине. Ладно, сказать бы в аффекте. Так ведь ни черта подобного.

Чекист дотащил меня до раздевалки, исчез на пару минут, а вернулся уже со стаканом водки и куском хлеба, сверху которого лежала котлета.

— На! Пей!

— Не хочу. — Мотнул я головой, пытаюсь при этом посильнее закутаться в простынь. Отчего-то было холодно.

— Да кто тебя спрашивает, Алексей! — Клячин шагнул прямо ко мне, ухватил двумя пальцами мой нос, а потом натурально силком влил водку в рот. Естественно он у меня машинально открылся после манипуляций чекиста.

— Сейчас отпустит. Не бзди. — Добавил Николай Николаевич. Смотрел он на меня, кстати,

без осуждения или насмешки. Наоборот. Вроде даже с сочувствием. Хотя, теперь я ему не доверяю еще больше, чем до этого случая.

— Первый раз у многих так бывает. — Добавил Николай Николаевич, дождавшись, пока я откашляюсь и вытру подбородок, по которому, само собой, теперь стекала водка. Я чуть не подавился ею. — Надо закусить.

Он протянул хлеб с котлетой. Тут я сопротивляться не стал. Заглотил в один момент. Думал, снова вывернет, но ни черта подобного. Как говорил кто-то из классиков, человек такая скотина, ко всему привыкает. Вот и у меня, похоже, стресс пошел на убыль, и жратва показала организму весьма даже уместным моментом.

Потом Клячин снова исчез ненадолго. Потом снова появился. Я так понимаю, занимался решением небольшой проблемы, оставленной им на заднем дворе бани.

Хотя, думаю, для него это и не проблема вовсе. Так-то, он вообще помыться пришёл. Оружия при себе не имеет.

Не знаю, как тут, а в современном времени, конечно, любой мент нехило бы вляпался с таким «отдыхом». Впрочем, любой чекист тоже. А вот судя по поведению и спокойствию Клячина, он точно знает, ему ни черта не будет. Да и тот мужик, который с ним явился, пока я карачился у дверей, распугивая местных птиц «зовом оленя», тоже выглядел вполне спокойным.

Может, дело в том, что пострадавшие имеют определённую репутацию, а потому никто за них задницу рвать не будет. Не знаю...

К тому же, чекист, типа, защищался. Действовал по ситуации. Шпана напала, угрожала, ножом размахивала, все дела. И никто не узнает, что Николай Николаевич мог просто выбить нож у Косого, а потом отправить его в нокаут. Никто, кроме меня... Черт. Сложностей становится все больше и больше. И пока ни малейшего намека, ни одной идеи, как вернуть все обратно. Реутова в Реутова. А меня в меня.

— Ну, все...Идём. — Клячин всучил мне чистые вещи и начал одеваться сам. — Опаздываем. Того и гляди, гость раньше нас явится...

У меня, в отличие от Николая Николаевича, который шустро натянул рубаху, привел в порядок обувь, этот процесс шел с трудом. Видимо, сказался тот факт, что водку я выпил на голодный желудок. Да ещё чёртов стресс. В общем, через минут десять, полностью одетый Клячин скептически наблюдал, как то же самое пытаюсь сделать я. Потом плюнул на все и принялся мне помогать.

Именно из-за вязкой каши, появившейся в голове, я с трудом запомнил, как мы добрались до дома. Пришёл в себя — сижу за кухонным столом. Николай Николаевич кашеварит у плиты. В доме тепло, а от вкусных ароматов бежит слюна.

Думаю, как бы меня за этим столом не вырубило, на самом деле. Наверное, Клячин просто не трогал, пока я дремал. Соответственно, где чекист взял еду, сам он ее добыл или принёс кто-то, понятия не имею. Да и какая разница. Главное, наконец можно нормально пожрать.

— Ешь. — Клячин вынул из котелка несколько картофелин, положил их перед собой. Порезал сало. А потом достал вторую кружку и тоже поставил ее возле себя.

Я осторожно ухватил пальцами одну картошку, затем быстренько шлепнул ее на стол.

— Горячо...

— Ясное дело, горячо. — Громко заржал Николай Николаевич. — Только приготовилась.

Он взял бутылку, которая стояла тут же, рядом с котелком, плеснул в свою кружку водки, а затем поднял ее, планируя сказать тост.

— Ну, Алексей, выпьем за то, чтоб...

Договорить Николай Николаевич не успел. Он вдруг замер молча, глядя перед собой стеклянным взглядом. Будто услышал что-то. Такой вид был у чекиста. Причём что-то за пределами дома. У него даже голова немного наклонилась к одному плечу, словно он пытался лучше расслышать происходящее.

— Не успели. — Коротко вдруг констатировал Николай Николаевич. Сказал это даже не мне, а самому себе.

И в ту же секунду хлопнула входная дверь. Я от неожиданности буквально на месте подпрыгнул. Получается, Клячин определил, что к дому подходят, раньше, чем неизвестный гость ступил на порог. Ни хрена б себе...

Второй удивительный момент — чекиста сразу же как подменили. Он одним быстрым движением отодвинул кружку, так и не выпив ее содержимое, картофелины бросил обратно в котелок, а потом вообще вскочил с табуретки, на которой сидел напротив меня, и вытянулся по струнке. У меня даже рот открылся от изумления, честное слово.

Я в тихом офигевании наблюдал за столь внезапными метаморфозами. Это еще что за прикол? Впервые за несколько дней видел Клячина в подобном состоянии. Он был... Нет, не напуган. Это слишком громко сказано. К тому же гостя мы ждали с самого начала. Его приезд не является неожиданностью. Но... Пожалуй, Клячин просто априори побаивался этого человека. Вообще. По жизни. Вот так могу сказать.

— Алексей! Ну, вот и свиделись! Сколько лет прошло! Ох... Возмужал! — Прозвучал радостный голос, мне, что вполне понятно, абсолютно незнакомый.

Я оторвал взгляд от Клячина, который продолжал изображать из себя стойкого оловянного солдатика, а затем медленно повернулся. На пороге стоял мужик. Взрослый. Лет этак за сорок пять. Ближе к пятидесяти даже. Одет «по гражданке». Костюм на нем был приличный.

Пальто солидное. Обувь — очень даже ничего. Короче, дядя явно не из простых граждан.

Смотрел он на меня тепло, с отеческой улыбкой и по-моему, собирался обнять, ко всему прочему. Что-то многовато становится вокруг людей, которые преувеличенно «хорошо» относятся к Реутову. Прямо куда не глянь, одни друзья-товарищи.

Прибывшему гражданину, как и Клячину, я не сильно-то верил. Особенно его добрейшей улыбке и теплому взгляду. Идите на хрен! Один, вон, тоже улыбался. А в итоге оказался чуть ли не Хитменом.

И вообще, конечно, очень странная история. Куда не плюнь, везде у пацана доброжелатели, а провёл он почему-то бóльшую часть жизни в детском доме. Херня какая-то получается. Где же были все эти хорошие люди раньше?

— Да не стесняйся! Не смотри на звания и субординацию! — Мужик развел руки в стороны. Твою мать... Точно обниматься собирается. — Столько лет не виделись!

То есть, предполагается, что я должен сейчас вскочить и броситься ему навстречу. Чужому, непонятному мужику. Но фишка даже не в этом.

Сейчас происходит то, о чем я даже не подумал. Хотя, должен был. Просто как-то изначально в башке ровненько улеглась информация, что Реутов чуть ли не с ранних лет по детским домам шляется, а значит, нет людей, которые его помнят или знают. Ну, не считая воспитателей, наблюдавших сиротку среди остальных воспитанников.

Однако человек, стоявший на пороге кухни, точно не был похож на педагога. Ни хрена подобного.

Если Клячина выдавали какие-то внешние признаки, наподобие манеры говорить, вести себя и так далее. Здесь же... Мужик мог бы просто войти молча и все. Я без слов понял бы, что это за птица. Место обитания — то же самое. Чекистов в моей жизни становится все больше. А вот уровень... Уровень значительно выше будет. От незнакомца фонило властью. Фонило так, что хотелось вслед за Клячиным вскочить, вытянуться, а потом отдать честь.

Но и это — ерунда. Гораздо хуже тот факт, что гость, очевидно, хорошо знал Реутова. И судя по радостному лицу мужика, Реутов тоже должен его хорошо знать.

Приплыли...

Глава 9

В которой я узнаю некоторые подробности

— Алексей... — Мужик смотрел на меня с немым вопросом в глазах.

Вопрос этот имел вполне логичное объяснение. Все упиралось в мою реакцию. А точнее, в ее отсутствие. Пауза, надо признать, затянулась. Я по-прежнему сидел за столом, бестолково

хлопая глазами. Правда, теперь нас было трое, бестолковых.

Клячин тарачился то в мою сторону, то на гостя. Он, судя по всему тоже чего-то ждал. От Реутова, имею в виду. Потому, наверное, о предстоящей встрече говорил пространно, не называя имен. Типа, готовил сюрприз. То есть, это лишнее подтверждение, что мужика я должен знать.

Гость, в свою очередь, был растерян, и могу предположить, для него такое состояние очень непривычно. Он переводил взгляд с Клячина на меня, а затем обратно на Николая Николаевича. Причем, когда смотрел на чекиста, хмурился, когда возвращался ко мне, пытался улыбнуться. В итоге, это выглядело так, будто мужик гримасничает или его плющит от тупости сложившихся обстоятельств. Уставился на Николая Николаевича — свел брови, повернулся ко мне — развёл.

В любом случае, ситуация яснее не становилась, а пауза затягивалась еще больше.

— Ты не узнаешь Игоря Ивановича? — выдал, наконец, напряжённым голосом Клячин.

Но тут же осекся, бросив испуганный взгляд на гостя. Видимо, с субординацией у них жёстко, и только что чекист её вроде как нарушил. Полез вперёд батьки в пекло.

Моя догадка оказалась верна, потому что мужик зыркнул на Николая Николаевича так, что тот даже немного сдулся. Будто стал меньше ростом. Хотя при этом продолжал тянуться затылком к потолку. Держал осанку, что говорится.

Однако меня в данном случае насторожило другое... Клячин и страх не вязались в моем восприятии от слова «совсем». Вернее, тот факт, что этот человек вообще способен что-то или кто-то бояться. А вот замершего на пороге кухни мужика он если не боялся, то опасался точно. И это — хреновый признак. Значит, Игорь Иванович, как его назвал чекист, в разы опаснее самого Клячина.

— погоди, Николай... — Гость решил, видимо, провинившийся чекист никуда не денется, а вот со мной что-то надо делать. Тарачиться друг на друга можно до посинения, но ситуацию это ни черта не изменит.

Он снял пальто, оглянулся, соображая, куда его деть. Хотел шагнуть к пустой табуретке, стоявшей в стороне, однако в ту же секунду рядом оказался Клячин, который бережно подхватил верхнюю одежду Игоря Ивановича.

— Позвольте, товарищ старший май... — Чекист снова замолчал, не договорив. Посмотрел на меня, потом на гостя.

Наверное, засомневался, можно ли вслух произносить звание, если творится какая-то непонятная хрень.

— Да убери ты уже его куда-нибудь, — Резко прикрикнул Игорь Иванович.

Надеюсь, речь шла о пальто, а не обо мне. Я больше ничему не удивлюсь, если честно. Может, не оправдал их ожиданий и теперь всё, пора в утиль.

— Есть! — гаркнул Клячин, а затем метнулся в прихожую, чтоб повесить пальтишко гостя.

Игорь Иванович провел рукой по светлым волосам, кашлянул, а потом, наконец, прошел в кухню и плюхнулся на табурет, который совсем недавно занимал Николай Николаевич.

— Алексей... — Он пожевал губами, будто подбирал нужные выражения, но слова ему на ум приходили только матерные. — Ты меня и правда не узнал? Совсем?

Вообще, если честно, пока длилась эта бестолковщина с нашими совместным переглядами, я соображал, пытаюсь выбрать подходящую манеру поведения. Что делать-то? Мне нечего сказать этому Игорю Ивановичу. Вообще нечего. Я в душе не имею ни малейшего понятия, кто он такой. Кроме того, что явно не простой товарищ и для Клячина он, типа, начальство. Какой бы у нас сейчас разговор не начался, я спалюсь в первые же минуты. Соответственно... Надо врать! Или даже не врать... Пожалуй, самый оптимальный вариант — частично сказать правду.

— Совсем Вас не помню... — Произнёс я несчастным, растерянным голосом. Ясен хрен, ни одной, ни второй эмоции не было. Но решил, надо выглядеть бедным сироткой, чтоб меня сочли безобидным страдальцем.

Мой ответ вызвал у Игоря Ивановича выражение легкого офигевания на лице. Вернее, офигел-то он, похоже, сильно, но старался не показывать этого при посторонних.

Хотя, точно могу сказать, мужик чувствует себя дурак-дураком. Это однозначно. Похоже, предполагалась фееричная встреча. А по факту, вышла полная ерунда. Ну, и снова я подумал о том, что к таким ситуациям он не привык. Приказы отдавать, командовать, на хрен послать — это, да. А выглядеть идиотом — очень вряд ли.

— Подожди... — Гость провел ладонью по лицу, потом покачал головой, недоумевая. — Как не помнишь? Лес. Зима. Озеро. Старый хутор, где мы встретились. Тебя привел Барсуков. Воспитатель ваш. Не помнишь? Наш разговор обо всей ситуации. Договоренность, что делать и как себя вести. Ну! Мое обещание исправить случившееся. Алексей, да как так? Тебе тогда исполнилось, конечно, восемь лет всего. Но ты же разумный, сообразительный был. Мы вместе решили, ты всем будешь говорить, будто ничего не можешь вспомнить о родителях, о семье. Мол, беспризорник, которого подобрали на улице. Мы так решили! Но передо мной зачем сейчас разыгрываешь дурака?

— Нет. — Ответил я коротко. — Не разыгрываю ничего. Честное слово. Озеро, говорите... Лес... Совсем не помню... Тут так вышло... стукнулся просто... Головой.

Я осторожно, издалека, начал готовить почву, чтоб преподнести этому товарищу более-менее подходящий отмаз, который мог бы хоть как-то объяснить мое беспамятство.

— Вот черт! — Игорь Иванович долбанул кулаком по столу, даже не дослушав до конца.

Потом опять провел по лицу ладонью, словно стирая усталость, и вдруг обернувшись к двери, гаркнул:

— Клячин! Клячин, твою ж налево!

Гость не успел ещё договорить, а Николай Николаевич уже стоял рядом с нами. Просто — в один момент, отвечаю. Он, видимо, пальто повесил, но отирался в коридоре, не решаясь войти. А стоило начальству проявить недовольство, сразу нарисовался.

— Слушаю! Товарищ! Майор! Государственной! Безопасности!

Чекист разговаривал восклицательными знаками, будто приколачивал каждое слово гвоздями. И упорно продолжал вытягиваться в струнку. Да кто ж этот Игорь Иванович... Что, блин, за гадство такое? Судя по званию, явно не просто хрен с горы. Но это и без звания было понятно. Какого черта он тут? Как связан с Реутовым? Что, блин, там за лес с озером?

— Ты мне что с парнем сделал, скотины кусок? — Гость уперся руками в колени и начал медленно вставать. — Тебе, бестолочь, доверили привезти его в целости и сохранности. Даже несмотря на те условия, которые требовалось выполнить по дороге...

Я только открыл рот, собираясь высказаться в защиту чекиста, как Игорь Иванович, даже еще не до конца выпрямившись, вдруг резко выкинул руку вперед. Клячин тихо «крякнул», но это, так понимаю, от неожиданности. Просто наш гость со всей дури зарядил чекисту в рожу кулаком. Надо отдать должное, Николай Николаевич даже не покачнулся. Реально. У него и звук-то изо рта вырвался исключительно на выдохе.

— Эй, вы чего! — Я вскочил из-за стола, хотя сам не понимал, на хрена.

Не бить же мне гостю рожу в защиту Клячина. Да и большой вопрос, кто кому чего набьет. Чертов Реутов... Гадом буду, прям с завтрашнего дня займусь его телом. Сколько мне в нем быть — вообще не понятно. С каждым днём история эта становится все интереснее. Но лучше я хоть немного облегчу себе жизнь, подправив физические показатели Реутова, чем вот так каждый раз стрематься в спорных ситуациях.

Игорь Иванович в мою сторону даже не глянул. Хотя, подозреваю, мало кто в этой жизни повышает на него голос.

— Ты что сделал, гад! Ты его трогал? Бил? По голове бил, сволочь! — Выплювывал он слова прямо в лицо Клячину.

Гость выглядел разъяренным. Впрочем, это слово мало передает его настроение. Он буквально впал в бешенство. Лицо у Игоря Николаевича покраснелось, а глаза налились кровью.

— Никак нет, товарищ старший майор государственной безопасности. — Отчеканил Клячин.

— Все мои действия соответствовали поставленным задачам. Создать для кандидата условия, которые позволят раскрыть его потенциал и определить благонадёжность. За рамки дозволенного я не переступал. Воспитанник детского дома, Реутов Алексей, вел себя достойно...

Николай Николаевич замолчал, переводя дух, посмотрел в глаза гостю, хотя до этого просто тарасился в одну точку, куда-то за спину начальству, потрогал челюсть рукой, подвигал ею вправо-влево, а затем добавил совсем другим голосом, более «своим»:

— Товарищ Бекетов, ну, что ж я... идиот, что ли? Зачем мне его бить-то? Никогда же Вас не подводил. Ни разу... С самого первого дня службы.

— Да не трогал он меня, вы чего! — Поддержал я Николая Николаевича.

Просто... Блин, он хоть и псих отмороженный, но уже вроде как привычный. Свой. А этого майора... тьфу, блин... старшего майора государственной безопасности... язык сломаешь, на хер, пока выговоришь... В общем его вижу впервые.

— Я давно ничего не помню. Вернее, не с детства, конечно. Имею в виду, до появления Николая Николаевича это произошло. Ну... то есть... эх... больше недели назад в детском доме случилась драка. Приличная такая драка. Я долбанулся о... об пол. Да! Об деревянный пол. Наверное, где-то что-то переклинило. В башке у меня. И всё! Очнулся когда, в голове — никакой информации. Ноль. Стресс, шок, все дела. Думал, как бы директору сообщить, чтоб в больничку не упекли. Кто ж детдомовскому обрадуется в больничке? А тут Николай Николаевич приехал. Забрал меня. Ну, я не стал афишировать. Зачем? Да и все равно надеялся, что пройдёт, отпустит...

Врал я, конечно, вдохновенно. С огоньком. Сочинял на ходу. Просто такая версия казалась мне самой подходящей. А что? Вполне реально. В любом случае надо найти оправдание своему неведению. И кстати, теперь даже если у меня будет какая-нибудь хрень проскакивать, тоже буду валить на удар по башке. Главное, не переборщить.

— Погоди... — гость покачал головой, словно с трудом мог поверить в то, что слышит. — То есть, на самом деле... вообще ничего не помнишь?

— Нет. Говорю же Вам, — я сел обратно на табуретку, а затем искренним, честным взглядом уставился на Бекетова.

Заодно попытался прислушаться к внутренним ощущениям. Может, сработает что-то. Вдруг, щёлкнет в голове какой-нибудь тумблер. Сам-то я, что вполне понятно, знать не знаю об этом старшем майоре ни хрена... Черт... главное, вслух его майором не назвать. Если мне не изменяет память, моя, родная, их звания идут в комплекте с этой чертовой «государственной безопасностью». Так вот, я, конечно, старшего майора государственной безопасности не знаю. Это понятно. Но Реутов, выходит, знал.

Однако, нигде ничего не щёлкало. Смотрел на этого мужика, с аккуратной стрижкой, с

сытым, откормленным лицом, и никаких эмоций не испытывал. Кроме, конечно, весьма конкретного напряжения. С хрена ли у детдомовца такие люди в знакомцах ходят?

— Вот млядство... — Выругался Бекетов. Потом повернулся к Николаю Николаевичу и сухо велел ему. — Ну-ка, старший лейтенант, иди во двор. Посмотри там... Не знаю, что... Дров наруби. Дорогу почисть. Сам разберёшься.

Клячин молча развернулся и вышел из кухни. Буквально через минуту хлопнула входная дверь.

— Таааак... — Старший майор этой трижды проклятой безопасности повернулся ко мне. — Даже и не знаю, что сказать... А сообщаешь как? Нормально?

— Конечно, нормально. — Я ещё сильнее вылупился на него.

Моей искренностью, которая, надеюсь, имелась во взгляде, можно было сейчас поливать африканскую савану, чтоб превратить в цветущий лес. Просто огромное море искренности. Не хватало, чтоб меня тут в психи определили.

— Все отлично. Башка варит на сто процентов. Только не помню о себе ничего. Ну, и Вас, соответственно, тоже. А так-то я не идиот. Все понимаю. Где нахожусь, что вокруг происходит. Думаю, это скоро пройдёт. Последствия драки и удара. Не более.

— Хм... — Бекетов потер подбородок. — В принципе... не такая уж это большая проблема...

Он выглядел задумчивым. Видимо, соображал, как поступить дальше. А я в этот момент тоже соображал. Только немного в другом ключе. Переваривал кусок информации, который проскочил совершенно случайно в словах Клячина. Действовал, согласно поставленной задаче... Создал условия... Выходит, он специально тащил меня из Свердловска в Москву на этом чертовом паровозе... Проверял, типа... Так получается. Значит, ему велели это сделать. А проверял что? Не сдохну ли? Не попытаюсь ли бежать? Не брошусь ли под колеса поезда? Не придушу ли его по-тихому ночью? Вариантов до хрена, конечно.

В голове прокручивались те четыре дня нашего путешествия. Выдержка? Терпение? Послушание? Что-то из этого репертуара нужно было увидеть Клячину в моем поведении? А главное — зачем?

— Алексей... — Наконец Игорь Иванович, видимо, решил для себя сложную задачу, и теперь выглядел абсолютно спокойным. — Это, конечно, весьма неожиданный поворот... Насчёт твоей памяти. Но... Давай кое-что тогда объясню. Я не просто так отправил товарища Клячина на улицу. Скажем так, он не все о тебе знает. И все ему знать точно не надо. А нам необходимо с тобой побеседовать, выходит, открыто. Как ты уже понял, мы знакомы давно. Но на самом деле, даже не представляешь, насколько давно. Думаю, надо начать с того, что я хорошо дружил с твоими родителями.

Он замолчал, уставившись на меня грустным взглядом.

Зашибись... Я моргнул несколько раз, чтоб достоверно выглядеть удивлённым, а потом спросил:

— Как родителями? А товарищ Клячин говорил, не было их. Мол, на улице нашли.

— На улице... — Старший майор государственной безопасности, усмехнувшись, в очередной раз покачал головой. — Про улицу велел тебе говорить я. Дойдем до этого момента. Улица — легенда, которой нам пришлось придерживаться последние девять лет. Ради твоей же безопасности. Мы были вынуждены так поступить. Ты не помнишь, выходит... Но... В общем, твоим родителям я помочь не смог. Их оговорили... Да... Отец твой был дипломатом. Служил в интересах Советского государства в Германии. Но потом... Его отозвали, арестовали и обвинили в работе на иностранную разведку. Мне очень жаль, Алексей, твоих родителей давно нет в живых. Я в те времена занимал не слишком высокую должность, так что никак не мог помешать трагедии. Да и год выдался... В 1927-м все произошло. Летом товарища Войкова убили враги. Это же ты помнишь? Такое точно нельзя забывать.

Игорь Иванович прервал свой рассказ и уставился на меня настороженным взглядом.

— Конечно! — Пылко ответил я и даже прижал одну руку к груди.

Что, блин, за Войков? Судя по выражению лица Бекетова и по интонации голоса, кто-то из общественных персон. Ну, и черт с ним. Это можно потом осторожно выяснить, если уж так важно.

— Отлично! — Он облегчённо выдохнул. — В общем... В декабре твоих родителей забрали. Но я попытался спасти тебя. Поэтому, в коммуне имени Дзержинского, куда тебя отправили, как сына врага народа, случился несчастный случай. Зимой два воспитанника отправились в лес, дров заготовить. С воспитателем вместе, конечно же. Но так вышло... В общем, утонули они оба. И Алексей Сергеевич Витцке, и Алексей Иванович Реутов. Такова официальная версия. Но... На самом деле, ты остался жив. Воспитатель привел тебя на хутор, где жил сам. Оттуда я и забрал уже Реутова. Хотя, как ты, думаю, понял, фамилия эта тебе не принадлежит. Просто так было надо. Документы справили быстро. Я справил. И забрал тебя с хутора тоже я. Выбрал детский дом подальше от прежнего места...

— Подождите... — Я во все глаза смотрел на мужика, сидевшего напротив. Потому что мне, скажу честно, стало сильно не по себе от его рассказа. — Это что ж... Настоящего Реутова... Утопили?

Вообще, конечно, не нужно было, наверное, говорить это вслух. Потому что весьма велик шанс бедолаге Реутову, уже в моем лице, сдохнуть повторно. Но если догадка верна, и одного пацана угандошили, чтоб вытащить из коммуны другого, то, похоже, личность я весьма ценная. В историю про крепкую дружбу что-то не верится. Стал бы этот Бекетов рисковать собственной шкурой и устраивать сыну предателя, по сути, побег. Да еще какой! Без следов и хвостов. Это пусть он кому-то другому заливают. Я и задал свой скользкий вопрос неспроста. Чтоб совсем уж меня за идиота товарищ старший майор не держал.

Витцке Алексей Сергеевич, значит... Вот теперь всё бьётся. Теперь всё верно. И фамилию эту я во сне слышал. И отца звали Сергеем.

— Ты что! Как утопили! Нет, конечно. Так совпало. Несчастный случай! — Вскинулся товарищ Бекетов, глядя на меня открытым, честным взглядом.

Настолько честным, что я без малейших сомнений понял — настоящего Реутова сто процентов утопили. А это конкретное подтверждение той мысли, что пацан я очень ценный для товарища Бекетова. Вопрос в другом. Чем именно ценный?

Глава 10

В которой мои «подробности» сильно отличаются от услышанного

— Алеша, хочешь мороженое? Или венские вафли с сиропом?

Я поворачиваю голову и смотрю на папу. Он — высокий, красивый и сильный. Мой папа самый сильный. Как герой из сказок. Я люблю сказки. Папа это знает, поэтому читает мне их с чувством, с выражением. Иногда даже изображает различных персонажей. У него это получается забавно.

Но сейчас мы на улице. Солнечно. Тепло. Мне весело и радостно. Мы гуляем. Вернее папа сказал, что у него дела, но взял меня с собой.

Мы сидим за столиком уличного кафе. Мимо снуют официанты. Папа их так называет. Они приносят еду многочисленным посетителям, которых в кафе полным-полно.

— Так что? Закажем вафель? — Папа смотрит на меня с улыбкой.

— Господин Витцке, Ваши часы готовы.

Рядом с нами появляется мужчина. Он говорит на немецком языке, однако я прекрасно понимаю его.

— Отлично, Рихтер. Я сейчас подойду... — Папа смотрит на этого мужчину вежливо, но с легким, практически незаметным, раздражением. — Вы могли не беспокоиться. Я же сказал, вернусь через час. Мне нужно угостить сына мороженым.

— Извините, господин Витцке... Просто управляющий сказал, это важно. Вы для нас — особый человек. Велел разыскать и сообщить... Ваши часы...

— Спасибо, Рихтер, — Чуть настойчивее говорит папа. Он словно хочет уже быстрее проводить этого дяденьку со смешными усами. Его усы напоминают мне крысиный хвост, который прицепили под нос. — Идите. Я сейчас подойду.

— Хорошо... — Рихтер мнетя еще несколько секунд, оставаясь на месте, а потом все же разворачивается и уходит.

Папа слегка морщится и оглядывается по сторонам. Такое чувство, что ему очень не понравилось появление посыльного из банка.

Я тоже оглядываюсь. Мы сидим на Жандармской площади в Берлине. Я точно знаю, что это — Берлин, и что это — Жандармская площадь. Здесь действительно есть банки. В один из них мы заходили с папой совсем недавно. Он о чем-то долго разговаривал с управляющим. А мне выдали лист бумаги и карандаши, чтоб мог рисовать, пока взрослые обсуждают дела.

— Любезный... — Папа подзывает одного из официантов. Подзывает не на немецком языке. Это немного кажется мне странным.

— Чего изволите, Сергей Алексеевич? — Официант моментально возникает рядом с нашим столиком. Он тоже говорит на русском языке. — Рад Вас видеть. Сын?

— Да. — Папа смотрит на меня с гордостью. — Как Ваши дела, Леонид?

Я с интересом слушаю разговор папы и этого официанта, который, кстати, выглядит немного старым. У него седые бакенбарды и такая же седая бородка. Мне кажется, в этом возрасте уже совсем нельзя работать...

— Все хорошо, Сергей Алексеевич. Тоскую иногда. Ну... Вы понимаете. Совсем не просто полностью изменить уклад жизни в сорок лет. Но... — Официант разводит руками. — Чего уж теперь... Так вышло. А вот России-матушки не хватает. Очень не хватает...

— Leonid! — Доносится окрик откуда-то со стороны.

— Управляющий. Не доволен, что я надоедаю гостю пустыми разговорами. — Поясняет папе официант. Он оглядывается на злого мужчину в костюме и кивает ему. — Сергей Алексеевич, извините, что не могу поговорить ещё. А то остануть без работы. Сами знаете, с работой сложно. Чего изволите?

— Будьте любезны, Леонид, две порции венских вафель и... Эх! — Папа делает взмах рукой, а потом хохочет. — И мороженое. Гулять, так гулять!

Он наклоняется ко мне, смотрит смеющимся взглядом, а потом добавляет.

— Только не проговорись маме. Она меня убьет за такое количество сладкого.

Официант перекидывает салфетку, которая висит у него на локте, на другую руку и отходит. Наверное, отправился готовить вафли. Мне почему-то кажется, все происходит именно так. Официантам называют блюдо и они уходят, чтоб его приготовить. Отличная это работа. Они ведь могут съесть сколько угодно вафель с сиропом, пока выпекают их.

— Папа, а кто этот человек? Твой друг?

— Нет-нет, — Папа снова смеётся, но как-то грустно. — Просто знакомый. Его зовут Леонид. Раньше он жил в России, а теперь живёт здесь. Нам приятно иногда поговорить на

русском языке друг с другом. Это создает иллюзию, будто мы дома. Понимаешь меня?

Если честно, я не понимаю. Родители говорят со мной и на русском, и на немецком. Мама считает, я тоже должен знать языки, чтобы они с папой мною гордились. Но зачем нам этот Леонид? Или папе разговаривать с ним так же приятно, как со мной или с мамой?

Я смотрю на папу и ловлю его ответный взгляд.

— Ты такой серьезный сейчас... Аёша, Аёша, а ведь ты уже совсем взрослый...

Папа качает головой, и в этот момент я слышу звон колоколов на кирхе. Они звонят каждый час. Поначалу я всегда замирал, замороженно слушая эти звуки. Сейчас уже привык. Папа ещё раз улыбается, затем наклоняется ко мне и с заговорщицким видом говорит:

— Алеша... подожди меня здесь, буквально пять минут. Я отойду в банк, заберу там кое-что, и снова вернусь. Хорошо? Вот, посмотри...

Он указывает рукой в сторону того самого банка, где мы были совсем недавно.

— Его отсюда видно. Я быстро. Хорошо? Управляющего предупрежу, не беспокойся. И наш сладкий обед как раз принесут.

— Хорошо. — Я киваю папе, щурясь от яркого солнца.

Сегодня — удивительно теплый день. Потом мой взгляд опускается вниз и я вижу маленькую, смятую, бумажку рядом с ножкой нашего стола. Совсем недавно ее не было.

— Папа, посмотри! — Я хочу наклониться, чтоб поднять это. Но папа оказывается быстрее. Он встает со стула, подбирает белый комочек, а потом смотрит на меня с улыбкой.

— Наверное, выронил Леонид. Я передам ему. Не переживай.

А я и не переживаю. Зачем мне переживать? У нас такая веселая получилась прогулка. Даже в банке, пока папа занимался делами, мне совсем не было скучно.

Папа уходит, я смотрю ему вслед. Мне хорошо. Я самый счастливый мальчик на свете. А потом вдруг в моих ушах звучит папин голос.

— Алеша, запомни. Плохое начало не к доброму концу...

Я верчу головой, пытаюсь понять, как такое может быть. Папа ушел. Я сам это видел. Почему мне слышится его голос? Я сижу за столиком один.

— Алеша, запомни... Плохое начало не к доброму концу...

Я чувствую, как внутри меня появляется страх. Мне знакома эта фраза. Она из истории братьев Гримм про Гензель и Гретель. Но я не могу сейчас слышать папин голос, его нет

рядом. Это уже не сказка. Это какой-то кошмар.

— Алеша, запомни...

— Твою мать! — Выругался я вслух, резко открыв глаза.

Провёл ладонью по лбу. Мокрый. Холодный противный пот. Херня какая-то. Сон совсем не страшный. Но я чувствовал в этом сне, как на пацана наваливается панический ужас.

— Такими темпами можно чокнуться реально...

Уставился в потолок. Ничего не изменилось. Все тот же, белёный. Я по-прежнему в доме, где мы остановились с чекистом. И год, судя по всему, все тот же 1938. А вот сон — новый.

Сон... Ни хрена подобного. Это опять похоже на воспоминание. Четко видел место глазами пацана, узнал его тоже пацан. Он же слышал слова отца. Отцовский голос, кстати... Так по-настоящему звучал, будто он реально мне в ухо говорил. Даже официант этот... Интересно... Пацан подумал, что мужик пожилой, а ему лет сорок пять, не больше. Хотя, наверное, ребенку такой возраст кажется дряхлой старостью.

— Что случилось! — На пороге нарисовался заспанный и раздраженный Николай Николаевич. — Пожар! Потоп! Обосрался!

Он таращил на меня глаза, но при этом был максимально собран. Даже несмотря на то, что на нем из одежды присутствовали только подштанники, выглядел чекист готовым сразу же ринуться в бой.

— Ничего не случилось. — Я приподнялся на локтях и удивленно посмотрел в сторону Клячина, искренне не понимая, какого черта ему надо?

— Как ничего, если ты орал, будто скаженный? Папа! Папа! Ты вспомнил отца? — Взгляд чекиста стал цепким, внимательным. Он буквально впился глазами, стараясь рассмотреть что-то в моем лице.

— Ничего я не вспомнил. Откуда? Ерунда, наверное, какая-то снилась. Вот и все. Кошмар.
— Ответил я.

Как бы то ни было, решил ещё вчера вечером, во время разговора с товарищем старшим майором госбезопасности, хрен кому расскажу про сон. А теперь их, выходит, уже два. Сто процентов не расскажу. Не доверяю. Никому не доверяю. Мутные они оба. И Клячин, и Бекетов.

Правда, с Николаем Николаевичем ситуация мне более ясна. Эдакий верный, преданный пес. Между ним и Бекетовым не только служба. Я бы сказал, что Клячин выполняет роль правой руки Игоря Ивановича. Но неофициально. По крайней мере, мне их общение сильно напомнило общение моего настоящего отца с его водителем Никитой. Батя с этим парнем проводил много времени вместе. Никитос видел то, что никто не смог бы увидеть. И

пьяным, и сраным, и хрен еще знает каким он отца забирал из разных мест. Выполнял всякие поручения, с которыми к секретарше не обратишься. Но при этом, никогда, ни при каких условиях не позволял себе лишнего даже в интонациях голоса, когда обращался к отцу. Вот у Бекетова с Клячиным что-то похожее.

— Да точно говорю! — Буркнул я чекисту, который продолжал изучать меня внимательным взглядом.

— Ммм... — Он помычал и демонстративно «хмыкнул». Есть ощущение, Николай Николаевич не очень поверил моим словам. — Ладно. Все равно вставать надо. Собираться. Ты давай, дуй во двор. Вода у входа в ведре. Умывайся. Скоро ехать.

При фразе «скоро ехать» мое лицо вытянулось. Потому что сочетание слов Клячин и «ехать» теперь вызывает весьма неприятные ассоциации.

— Да не бзди! — Хохотнул он, правильно оценив мое резко изменившееся настроение. — Сегодня нормально все будет. Нас заберут. Поедем как культурные люди. А наше путешествие в Москву... Проверял я тебя, сказал же. Проверял. Велено так было. Приказ.

Чекист развернулся и вышел, а я упал обратно на подушку, снова возвращаясь мыслями к странному сну. К чему все это? Вернее, даже не так...

С хрена мне вообще все это снится? Что за выверты подсознания, причем даже не моего. Очевидно, всплыло еще одно воспоминание Реутова. Он, конечно, оказывается, совсем не Реутов, но мне уже привычно думать о пацане именно так. Да и официально фамилия числится эта. Не будем, значит, рисковать, вспоминая того, кто утонул где-то далеко, в заледеневшем озере.

Игорь Иваныч уверял, пока воспитатель отвлекся, оба пацана вместо того, чтоб собирать ветки, поперлись кататься по льду. Не заметили прорубь. И свалились. Оба... Ну, да... Не хреновая, видимо, была прорубь...

Однако, я больше провокационных вопросов не задавал. Чувство самосохранения какое-никакое имеется. Можно пару раз дёрнуть тигра за хвост, но тянуть его за усы — дело очень опасное.

— Ехать, блин... — Протянул я вслух, продолжая изучать потолок.

Это, кстати, еще один неожиданный поворот в нашей с Реутовым удивительной судьбе.

Разговор между мной и Бекетовым на душещипательных воспоминаниях о родителях не закончился. Оказалось, это было лишь начало.

— В общем, вот такие дела, Алексей... — Старший майор госбезопасности развёл руками, словно извиняясь, что ему пришлось сообщить мне все эти удручающие подробности прошлого.

Про дружбу с отцом и матерью. Про их арест. Про их смерть. Про то, что меня назвали другим именем ради пока ещё непонятого спасения. Если вспомнить, где пацан оказался, благодаря этому «спасению», так вопросов гораздо больше, чем ответов.

— Я дал себе обещание, что не брошу. Помогу. — Снова завёл свою шарманку Игорь Иванович. Господи, прям хоть плач. От восторга, конечно же. Широчайшей души человек... — Все эти годы искал возможность. Просто в тот момент важным было сделать так, чтоб Алеша Витцке исчез. Видишь ли, в деле твоей матери всплыли дворянские корни. Да и вообще... сложно все. В общем, поверь, так было лучше.

Я несколько раз кивнул. Мол, конечно, верю. Хотя сам думал иначе.

Я, конечно, не знаток данного времени, но по мне товарищ Бекетов лепит какую-то дичь. Не совсем еще лютую, но уже немного придурковатую. История очень странная.

Значит, родители Алеши — дипломаты. Вернее, отец. Их вызвали в Союз. Потом арестовали и убили. Хорошо. Ок. Пацана определили в эту коммуны. Тоже ок. Затем является товарищ старший майор госбезопасности, который тогда майором еще не был. Организует «смерть» сына друзей и под чужим именем определяет его в детский дом. Ну, ладно. Времена, допустим и правда тяжёлые. Допустим, у матери были дворянские корни. И? Пацан-то при чем? Она же не тайная дочь Романова, чтоб ее род хотели истребить целиком. А в любом другом случае, на хрена козе баян. То есть на хрена чекистам бедолага Алеша, который остался сиротой. Возраст юный. Опасности никакой он не представляет. Единственное... Я немного завис, уставившись в лицо Игорю Ивановичу.

Первый сон... Тот, когда пацан сидел в комодке. Он слышал, как мать упала, ударилась. И непонятно, пришла ли в себя. Ее же вроде выносили. А один из мужиков, за ней явившихся, еще ругался. Мол, нельзя было с матерью так. Она нужна им живая.

— Скажите... — Я решил, догадка, может, и херня, но за спрос денег не берут. — А как именно погибли мои родители? Хотелось бы знать... Ну, и вдруг какая-нибудь информация поможет восстановить память...

— Отца забрали на Лубянку. Но он там... в общем, оказал сопротивление. Так вышло... А мать... Руки наложила, в момент, когда за ней пришли. Собственно говоря, их поведение и подтвердило вину...

— Аааа... — Я продолжал смотреть Бекетову прямо в глаза, ничем не выдавая своего изумления.

Какое, на хрен, руки наложила... Ничего она там не накладывала. Вот и вылез неожиданный хвостик. Если верить сну Алеши, мать его очень даже планировала жить дальше, пока ее не ухандокали товарищи чекисты. А с чего бы мне не верить этому сну, когда все там выглядит мало того достоверно, так еще повторяется один в один.

— Ты нашелся через несколько дней. Соседка привела. Сказала, по двору ходил, как чумной.

Родителей искал. Я так понимаю, до того как их забрали, наверное, гулять убежал. Вернулся, дома никого нет. А в суматохе о тебе не сразу вспомнили.

— Да... — Я, не моргая, таращился на Игоря Ивановича.

Главное, не отводить взгляд. Обычно на таких мелких моментах палят ложь. Если собеседник не смотрит в глаза, значит, врет. Вряд ли старший майор госбезопасности знаком с психологией, но лучше не рисковать.

Интересная херня вырисовывается... Про сидение пацана в комодке никто не знает... И как он оттуда выбрался, интересно?

А про мать вот, что любопытно. Бекетов врет или сам находится в неведении насчёт ее смерти? В принципе, если он был не при высокой должности, может и правда не знает, как все случилось в реальности.

— В общем, Алексей... — Игорь Иванович поднялся, подошел к окну, которое выходило во двор, открыл створку, а потом громко крикнул. — Клячин! Дуй сюда.

Буквально через пару минут Николай Николаевич уже стоял в кухне. Охренительная исполнительность... Вот тут, конечно, снимаю шляпу. Если бы в моем времени хотя бы часть сотрудников органов, любых, имела способность столь же четко выполнять приказы, мы бы, наверное, всю преступность победили. Хотя... Тут у них тоже это не особо получается, как я понял.

— Дальше разговор по делу, так что лучше тебе присутствовать. — Пояснил Игорь Иванович чекисту. Затем снова повернулся ко мне.

— Алексей... Страна сейчас обескровлена большим количеством гнид, которые прижились на теле Советского государства. Прошлые пару лет... — Бекетов замолчал, соображая, как бы поприличнее это сказать. А фишка в том, что прилично не скажешь. Репрессии репрессиями сейчас еще называть нельзя. — В общем... Товарищ Сталин принял решение о подготовке новых кадров для определенной работы. Скажем так... Специальным указом создана Школа Особого Назначения. Место, где займутся подготовкой разведчиков. Понимаешь?

— Нет. — Ответил я совершенно честно. — Про школу понимаю. Не понимаю, при чем тут я.

— Алексей, тыходишь в список тех, кто попадет в первый поток. — Бекетов выглядел до одури довольным. Очевидно, наличие фамилии Реутов в этом списке — его заслуга.

— Так я же... — Чуть не ляпнул, про родителей, которые числятся врагами народа, но вовремя заметил предупреждающий взгляд Игоря Ивановича. — Я же детдомовец.

Интересно девки пляшут... Вот почему он выпроводил Клячина. Родители. Значит, Николай Николаевич в данном вопросе владеет лишь официальной информацией и считает меня

настоящим Реутовым... Не настолько он близок к Бекетову, выходит...

— Да. Но тут есть некоторый нюанс... — Игорь Иванович поднял руку и посмотрел на пустое запястье. — Ах, ты черт! Часы забыл в кабинете... Николай, сколько времени?

— Четверть восьмого, товарищ старший майор государственной безопасности. — Отчеканил Клячин.

— Так... За мной сейчас подъедут. Сказал к этому времени забрать. В общем... Николай, введи Алёшу в курс дела. Объясни, что и как. Завтра вас отвезут на место. И...

Игорь Иванович встал с табуретки, подошел ко мне, а затем положил руку на плечо.

— Теперь мы будем видеться чаще. Я теперь буду рядом. Ты, можно сказать, под моей опекой теперь, Алексей Иванович Реутов.

Ну, вот, собственно говоря, на том удивительный вечер и закончился.

Бекетов уехал. Клячин зявил, он не сказочник и трепать языком не любит. Утром встанем, пока суть да дело, расскажет все, что нужно. А потом отправил меня спать.

И вот теперь — новое утро. Новое утро новой жизни и хренова куча проблем, которая с каждым днём становится все больше.

Глава 11

В которой я более-менее понимаю, на что рассчитывать

— Ну... Чего стоим? Кого ждем? Шея сама себя не помоеет. А с грязной шеей я тебя в приличное место не повезу, Алексей... Надо привыкать к хорошим манерам. Они тебе скоро, ой, как пригодятся...

Николай Николаевич замер рядом, сунув руки в карманы. Он с интересом наблюдал за моими душевными терзаниями, перекатываясь с пятки на носок и обратно.

А я терзался. Сильно. Смотрел на ведро, полное ледяной воды, и очень сильно терзался. Мало того, что она выглядела подозрительно мутной, так ещё ее температура, подозреваю, близится к нулю.

— Обмойся, говорю, — В который раз повторил чекист приказным тоном.

— Да в общем-то мне и без этого очень хорошо. Вчера же в бане были. — Я перевел взгляд на Клячина, а потом снова уставился на ведро. Будто от моих взглядов вода могла нагреться.

— Так то вчера, Алексей. Оно уже не считается. Мы с тобой о сегодня говорим. — С усмешкой сказал Клячин.

— Может, не надо? — Я с надеждой посмотрел на своего опекуна, чтоб ему пусто было. Изверг!

— Надо. Алеша. Надо...

С этими словами Клячин шагнул ко мне и ведру. Ведро он схватил за ручку, а меня — за тыльную сторону шеи, наклоня вперед, и потом плеснул холодной водв, прямо сверху.

Я чуть не взвыл, если честно. Или даже, по-моему, взвыл. Башка в один момент перестала соображать.

— Вот! Хорошо! — Клячин поливал меня холодной водой с каким-то садистским восторгом. — В здоровом теле — здоровый дух, Алексей. А то ты у нас совсем, как барышня. Все тебе не то и не так. Будто не в детском доме вырос, а в Смольном, среди институток. Скоро начнешь реверансы да книксинсы делать.

— Книксены... — Выбил я зубами слово, с трудом ворочая языком.

При этом еще приходилось плескаться под льющейся сверху водой, иначе, боюсь, чисто из принципа, Клячин притащил бы новую порцию. Мы, на секундочку, стоим даже не в доме, а рядом с порогом. На улице. И сейчас по-прежнему октябрь месяц. Хоть и ранний, относительно теплый, но все же, ни черта не Мальдивы.

— Чего! — Он замер на секунду, выровняв ведро так, что вода перестала литься.

— Книксены, млять! Да не останавливайтесь Вы уже! Сейчас сдохну ведь!

— Ох, ты погляди же... Исправляет он меня... В коммуне, что ли, научили словам таким? Ну, книксены. Один черт херня это. Пережитки буржуазного прошлого. — Клячин плеснул остатки воды мне на голову, а затем сунул что-то в руки. — Вытирайся, умник.

Собственно говоря, с этими утренними помывочными мероприятиями, выбор у меня был невелик. Либо драться с Клячиным, отнимая у него ведро. Либо сделать, как он хочет. А хотел Николай Николаевич, чтоб я, стоя на улице раздетым по пояс, принял, так сказать, импровизированный душ.

Я, не глядя, схватил протянутый им предмет и залетел в дом, с остервенением растирая свое тело какой-то тряпкой, врученной чекистом вместо полотенца.

— Ну, вот видишь... Хорошо же. А? Хорошо? — Он топал следом, с довольной улыбкой почёсывая живот.

Сам Николай Николаевич, кстати, тоже был по пояс раздет, но, в отличие от меня, чувствовал себя прекрасно. Судя по ещё не до конца высохшим волосам, он, перед тем как издеваться надо мной, тоже устроил себе купание.

— Охренительно, как хорошо! Чувствую, совсем другим человеком стал! Прямо ощущаю,

наполняет меня просветление! — Рывкнул я Клячину, искренне, от всей души желая ему поймать пневмонию, в идеале сразу двустороннюю.

Мои зубы громко стучали, а внутри все сжалось от холода. И заодно от желания надеть это долбаное ведро чекисту на голову. Воспитатель хренов. Закалять он меня решил.

— Теперь можно одеться и поесть. Скоро ехать нам уже. — Клячин выхватил из моих рук мокрую тряпку и протянул чистые вещи.

Вещей этих, кстати, в шкафу оказалось до хрена. И почти все — моего размера. Такое чувство, будто меня здесь ждали и к моему приезду готовились. Хотя, если дом — служебный, может, просто так совпало. Наверное, сотрудникам часто приходится пользоваться этим местом в своих целях.

— Нормально... — Клячин окинул меня с ног до головы оценивающим взглядом, когда я облачился в штаны, рубаху и джемпер. — Прилично выглядишь. Не стыдно людям показать. Ладно. Идем. Перекусим.

Чекист развернулся и двинулся к кухне. Сам он одеваться не торопился. Я хотел было сделать ему замечание насчёт голого торса, с которым за стол нормальные люди не садятся, но решил, книксенов достаточно. А то нарвусь либо на подозрения с его стороны, с хрена ли бывший беспризорник из себя интеллигента корчит, либо тупо отхвачу мандюлей.

Поэтому просто молча уставился ему в спину злым взглядом, от души желая Николаю Николаевичу провалиться сквозь землю.

На столе уже стояли кружки с крепким чаем, белый хлеб и несколько сваренных вкрутую яиц. Клячин успел сообразить завтрак за то недолгое время, пока я вылез из постели и тупил с этим дебильным ведром. Просто личное участие в утренних процедурах чекист принял, когда понял, что я не сторонник подобных методов закалки. Поначалу он надеялся на мою сознательность. Очень зря.

А вот насчёт жратвы он, конечно, молодец. Просто скатерть-самобранка советского разлива. Раннее утро, а уже откуда-то и хлеба притараканил, и яиц. Куры у нас по двору точно не ходят. Значит, сбегал туда, где ему всю еду отгрузили. В остальном — прибил бы его, честное слово.

Я окинул взглядом скромную снедь. Не густо, прямо скажем... Однако, мой желудок при виде еды мгновенно отреагировал довольным урчанием. Поэтому я тоже выгребываться не стал. Плюхнулся на табуретку, подтянул к себе одну из кружек, ухватил кусок хлеба. Помимо прочего на столе еще обнаружилась открытая банка с вареньем. Я взял ложку, зачерпнул побольше и шмякнул на хлебушек.

— Так... Значится, теперь по делу... — Николай Николаевич сел напротив, подкатил к себе яйцо и принялся методично его очищать. — Школа особого назначения... Скажу сразу, парень, легко тебе не будет.

— Можно подумать, до этого все было очень просто. — Я сунул в рот кусок хлеба и принялся его пережёвывать, едва не жмурясь от удовольствия.

Хлеб, кстати, был по-особому вкусный. Вот прямо вкусный. Совсем непохожий на тот, к которому я привык. Не могу даже понять, почему настолько охренительное есть этот хлеб. Вроде все то же самое, а вроде — другое.

— Ты, смотрю, оттаял уже? Разговорчивым стал... — Руки чекиста замерли, не очистив яйцо до конца. Он смотрел на меня с насмешкой. — Так можем повторить.

— Спасибо. — Я с трудом проглотил кусок, который оказался слишком большим, сделал глоток чая, а затем добавил. — обойдусь одним разом. Вы меня лет на пять вперед закалили. Я теперь мандец насколько закаленный.

— А-а-а-а-а... Ну, хорошо. Уважаю тех, кто быстро соображает. — С довольным лицом кивнул Николай Николаевич. — Так вот... Школа... Вчера товарищ старший майор государственной безопасности уже сказал тебе, что решение это было принято самим Иосифом Виссарионовичем Сталиным. Понимаешь, насколько все серьезно? Подробности про учебу, про то, как и что будет происходить, узнаешь на месте. Что тебе необходимо знать сейчас. Вас, таких, десять человек.

— Каких «таких»? — Снова перебил я Клячина.

— Не пойму... Ты чего смелый стал? Сиди, слушай, что говорят. — Николай Николаевич отодвинул скорлупу в сторону, затем продолжил. — Первый поток решено набрать из Высшей Школы НКВД. Пятьдесят лучших слушателей. Но...

Клячин закинул целое яйцо себе в рот, а потом принялся его активно жевать, уставившись в одну точку.

Я же наоборот, перестал есть и уставился на чекиста, ожидая продолжения. Обычно, если звучит вот такое «но», ничего хорошего ждать не приходится.

Николай Николаевич проглотил остатки яйца, запил чаем. Наверное, специально делал все не торопясь, чтоб заставить меня нервничать.

— Но-о-о-о-о? — Намекнул я на продолжение рассказа.

— Ты мне не «нокай». Я тебе, чай, не лошадь. Ты меня не запрягал. И вообще, учись субординации, сопляк. — Заявил Николай Николаевич. Правда сказано это было без злобы. Больше для порядка. — В общем-то, суть в следующем. Работа разведчика — это тебе не шуточки. Особенно, представь, когда ты находишься за границей, когда на тебя со всех сторон давит их этот тлетворный буржуйский шик. Да и потом, враг тоже не спит. Он пытается всячески насолить нашему государству. Времена нынче совсем сложные. Все эти сволочи так и ждут, когда мы допустим оплошность. Поэтому... было решено в состав первых слушателей, помимо офицеров, включить, так сказать, особую группу.

— Со всех сторон все особое. И школа особая и группа... Молчу! — Я поднял руки вверх, типа, все-все! Заткнулся! Держу ценное мнение при себе.

— Решено взять десять человек, воспитанников детских домов. Возраст около твоего. То есть семнадцать-восемнадцать лет. Чтоб непременно сироты. Чтоб ни матери, ни отца, не дедки, ни бабки. И никаких следов в биографии, наподобие предателей или врагов народа. Сечешь?

— Секу... — Ответил я Клячину и отодвинул кружку в сторону. Что-то пропал аппетит внезапно.

В принципе, логика такого решения мне ясна. Если пацан сирота, вырос в детском доме, то у него кроме советской власти никого и нет. Ему советская власть — единственная семья. То есть из такого кандидата можно воспитать человека, преданного до фанатизма. Особенно, если грамотно воспитывать.

Я могу, конечно, ошибаться, но по-моему 1930-е годы для внешней разведки оказались, мягко говоря, тяжелыми. Это я в каком-то документальном фильме даже видел. Наткнулся совершенно случайно и ради интереса досмотрел до конца. Ясное дело, деталей не вспомню, но вот что запало в память, так это огромное количество разведчиков, которые в эти годы оказались в очень хреновом положении.

Основной проблемой, как говорили в том фильме, стал факт опасности, исходящий от центра. А как работать, если ты не можешь доверять самому дорогому, что должно быть у разведчика в стране, тому ради чего рискуешь жизнью. Если ты не можешь доверять центру, людям, которые тебя должны прикрывать по всем фронтам.

Идее — да, доверять можно. Власти — большой вопрос. И вот это недоверие очень сильно сказалось на самом принципе дружеской, товарищеской атмосферы, которая лежала в основе побед советской разведки до этого. Так, опять же, утверждали создатели фильма. Мол, в прошлом десятилетии ситуация была совсем иной. Внешняя разведка пёрла вперед, улучшая показатели своей работы. А главное, до хренища людей жаждали оказывать помощь нашим разведчикам на добровольных началах. Многим даже платить за сотрудничество не надо было. Они шли за идею

Там, в фильме, даже упоминался какой-то конкретный тип. То ли Орлов, то ли Соколов... Сейчас точно не вспомню. Птичья какая-то фамилия, но гордая. Точно не Воробьев или Синицын.

Он был главой резидентуры советской разведки в революционной Испании. Его вызвали в Москву, кстати, как бы не около года назад. Он сразу понял, сейчас дело закончится плохо. Собрал свои вещички, жену и дочь, которые находились во Франции, и отплыл в Америку. И написал еще письмо, положил его в сейф. Мол, дорогие друзья, да, я покидаю Советский Союз, у меня остаются родственники в СССР, и я обещаю ничего не рассказывать за границей о Советском Союзе, но вы не трогайте мою мать и моих родственников. Кстати, он свое обещание сдержал. До смерти Сталина и своей матери, находясь в Америке, не сдал ни

одного агента.

Насколько это было правдой, я, конечно, утверждать не берусь, но вот такая история приводилась в пример.

И что теперь по факту выходит? То есть руководство страны решило пополнить сильно обедневшие ряды разведчиков и начало готовить кадры. Молодцы, конечно. А вот экспериментальная группа с детдомовцами, получается, должна стать самой рабочей. Это ведь резиденты, на которых можно положиться железобетонно. Они при должном воспитании станут покруче Штирлица, который под боком у фашистов Родине служил...

И дай бы им бог всем счастья. Товарищу Сталину, разведчикам, детдомовцам и даже несуществующему Штирлицу, но я-то, блин, здесь причём? Лично я такого пердимонюкля не планировал и абсолютно ничего подобного не хочу. Мне уже давно не пятнадцать лет, романтика в жопе не играет. Да и видал я в гробу такую «романтику». Вон, того же Зорге вспомнить. Предупреждал ведь человек. Настоячиво предупреждал. А его чуть ли не во враги записали. Не-е-ет. Спасибо. Сейчас, в тех условиях, которые есть и которые скоро будут, разведка — самое последнее место, где я бы хотел оказаться. Мне зачем это, вообще, надо?

— Чего ты с лица сбледнул, Алексей? — Поинтересовался внимательно наблюдавший за мной Николай Николаевич. — Испугался? Не хочешь в школу? Что? Мечтал всю жизнь в тишине и покое отсидеться? Выпустился бы из своего детдома и на завод?

Ну, вообще, конечно, тишина и покой — самое оно. Только не в этой жизни, а в моей настоящей. Там у меня имелась нормальная ванна с горячей водой, а не ведро ледяной воды вместо душа. Там я точно знал, куда лезть не следует, а какие проблемы вполне можно решить связями и деньгами. Там у меня было будущее. А здесь...

Через три года — война. Я не идиот и с башкой у меня все в порядке. Думать, будто есть возможность предотвратить ее, было бы как раз признаком кретинизма. Предупреждать кого-то — бессмысленно. Вообще говорить об этом вслух — опасно. Да и кому? Сталину? Смешно. Начнем с того, что никто подобную информацию не примет на веру. А меня, скорее всего, вообще расстреляют...

Вот так мог бы ответить Клячину. И это было бы правдой. Но...

— Да, Николай Николаевич, испугался, — Сказал я, глядя чекисту в глаза. — Боюсь, что не справлюсь с ответственностью, которую товарищ старший майор государственной безопасности возлагает на мои плечи. А ну как я буду плохо учиться? Отчислят меня, выгонят за профнепригодность!

Естественно, ответ сильно отличался от настоящих мыслей, роившихся в моей голове. Ну, и, конечно, хотелось сказать огромное спасибо этому дебильному Бекетову. У него очень странное понятие помощи. Сначала пацана в детский дом засунул. Теперь в разведшколу. Как говорится, с такими друзьями, врагов не надо. Как бы намекнуть мужику, чтоб он уже

перестал «помогать». Боюсь представить, куда эта помощь может завести.

Клячин несколько секунд смотрел на меня молча. А потом выдал:

— Молодец! Правильно ответил. Не боятся только идиоты, но от таких сразу избавляться нужно. Они опасны для себя и окружающих. Раз ты боишься, значит понимаешь. Значит, думаешь! А тебе без этого сейчас вообще никак нельзя. Не знаю, чему тебя будут учить, Алексей. Но уверен, ты прав, и действительно будет очень трудно. Но такой шанс выпадает раз в жизни. Окажешься последним дураком, если за него не ухватишься.

— Ну, да... — Сказал я, натянуто улыбаясь. Не знаю, что ещё можно было ответить в этой ситуации.

— Ты получил шанс не просто так коптить это небо, а сделать что-то большое и светлое для своей страны. Помочь государству, которое кормило и пило тебя все эти годы! — Снова завелся Клячин.

Я смотрел на его воодушевленное лицо и думал... А чего париться-то? Чего дергаться, переживать? У меня все равно пока нет других вариантов. И в принципе... Я, наверное, неслучайно попал в тело именно этого пацана. Теперь он знает о будущем больше, чем остальные. Может, всё не так уж и страшно, на самом деле... Посмотрим, что там за школа такая — особая... Дальше будет видно

Хлопок ладони по столу выдернул меня из размышлений, в которые я успел погрузиться, пока чекист рассказывал о долге перед Родиной.

— Собирайся, Алексей! — Николай Николаевич резко вскочил на ноги. — Машина приехала, не стоит начинать такое важное дело с опоздания.

Глава 12

В которой я двигаюсь вперед, но пока не знаю, куда именно

Так вот ты какой, северный олень...

Уже почти полчаса в моей башке крутилась эта дебильная, неуместная фраза. Бывает так иногда. То песня какая-нибудь в голову въестся, то слово-паразит выскочит. А мне олень втемяшился. Хотя, само собой, думал я вовсе не про сохатого. Черт... Или сохатыми называют лосей? Вот не охотник я ни разу.

В общем, животные тут ни при чем. На самом деле такую реакцию вызвал пресловутый «Черный воронок», в котором мы дружной компанией мчали в неизвестном пока что направлении. Тот самый, о котором я недавно думал, недоумевая, почему у Кляина его нет. Правда, направление оставалось неизвестным только для меня. Остальные, естественно, в курсе.

Ну, ладно... Компания тоже была не совсем дружная. Водитель периодически поглядывал в

зеркало заднего вида и, мне казалось, смотрел именно на меня. Недовольно так смотрел.

Хотя, там зеркало то... Одно название. Может, меня вообще паранойя накрывает, будто мужику, сидевшему за рулем, есть дело до моей персоны. Тем более, они всю дорогу разговаривали с Клячиным и я бóльшую часть этих разговоров даже не слушал. Но ощущение, будто водиле не нравится один из пассажиров, все равно имелось. Впрочем, я и не картина, чтоб всем нравиться.

Тем более, честно говоря, данному факту был даже рад. Появись еще кто-то, желающий нам с Реутовым добра, я бы просто заржал в голос. Не сдержался бы. Достаточно двух чекистов, всячески проявляющих заботу обо мне. От одного заботливого до сих пор глаз дергается с его методами воспитания подрастающей молодёжи. Про второго вообще молчу. Спаситель Хренов.

Так вот... Воронок... Когда мы с Клячиным вышли из дома, напротив калитки, ведущей со двора, стоял он — тот самый легендарный автомобиль.

— Погоди. Замок закрыть надо. Не скоро тут появлюсь. Наверное... — Тормознул меня Николай Николаевич.

А я как бы и не спешил. Стоял, разглядывал «героя» многочисленных рассказов.

Ну... что сказать. Старая тачка соответствующего вида. Ни больше, ни меньше. Раритет. В принципе, точь в точь, как в кино обычно показывают, если события фильма происходят в довоенное время. Единственное, конечно, при личной «встрече», пугающая репутация этого автомобиля добавляла немного атмосферности.

Когда я увидел машину, даже немного подзавис. Волнение легкое появилось. Все-таки, не обычный «горбатый», а самый настоящий «Воронок». И судя по всему, поедем мы с Клячиным именно на нем.

Круто было бы, конечно, если для полного погружения в эпоху и достоверности сейчас из него вылез бы Лаврентий Павлович собственной персоной, встал рядом, задрал голову вверх, раскинул руки и сделал злодейское: «Бу-га-га!». Хотя я не уверен, что в 1938 году Берия уже имел подходящую репутацию. Не помню, когда он стал наркомом внутренних дел.

Естественно, никакого Лаврентия Павловича в машине не оказалось. Рожей я не вышел для знакомства с такими людьми. И слава Богу... Чего-то пока не готов воочию увидеть исторических персон. Это, будто встретить героя из книги. Занимательно, любопытно, но хрен его знает, надо ли.

За рулем сидел молодой мужик. Ну, как молодой... Лет тридцать, наверное. Лицо у него было открытое, приятное. В отличие от Николая Николаевича, он вырядился в соответствующую форму — гимнастерка цвета хаки и синие штаны. Тóлком не понятно, но похоже на шаровары. На краповых петлицах у него имелся один красный прямоугольник. Сверху был накинута плащ-пальто темно-серого цвета. Еще присутствовала синяя фуражка с

краповым околышем и кантами малинового цвета. На околыше — красная звезда. В общем, образ полностью совпадал с тем, как его показывают в большинстве фильмов.

— Здорова, Николай... — Сказал мужик моему провожатому, когда тот распахнул дверь.

Кстати, двери у «Воронка» открывались совсем не так, как на современных тачках. Ручки находились с противоположной стороны.

— И тебе не болеть, Петró. — Ответил Николай Николаич.

Мужик кивнул и улыбнулся. Когда перевел взгляд на меня, улыбка его моментально сползла с лица, а взгляд стал колючим. Видимо, не по душе ему семнадцатилетние детдомовцы. Потому что другой причины негатива не могу назвать. Он видит меня в первый раз, это понятно. Ну, а я его — тем более.

Клячин уселся впереди, хлопнул дверью. Потом сообразил, что я продолжаю стоять возле машины, снова открыл дверь, высунул голову и спросил:

— Я не понял, ты ждешь кого-то?

— Так приказа не было. Надо субординацию соблюдать. — Заявил я, искренне вылупив глаза на Клячина.

Вообще, конечно, не было необходимости лезть на рожон, однако, пока мы убрали в кухне, он отправил меня драить чашки холодной водой. Хотя, они и без того были вполне чистые. Я так понял, его прикалывает сам факт моей дрессировки.

— Надо по шее тебе дать. Вот это — точно. Но я же терплю. Проявляю, так сказать, человеколюбие. — Ответил Николай Николаевич с усмешкой, а потом со всей дури гаркнул. — Бегом сел, Реутов!

— Ну... как скажете. — Я демонстративно вздохнул и полез все-таки на заднее сиденье.

Не успели мы тронуться, как Николай Николаевич и мужик за рулем начали обсуждать какие-то их общие дела. В основном, это касалось определенных личностей. Звучали совершенно незнакомые фамилии, которые мне не говорили ни о чем. Поэтому, я слушал их в полуха, пытаюсь определить, куда именно мы едем. Ни черта не определялось. Местность выглядела для меня абсолютно незнакомой. И это вполне нормально. До привычного состояния Подмосковью еще больше восьмидесяти лет развиваться.

Но потом разговор перешел в интересное для меня русло и я начал прислушиваться.

— А ты один, смотрю. Твой что? Не дотянул? — Поинтересовался у коллеги с насмешкой Клячин.

Вроде бы интонация у него была дружеская, но я уже Николая Николаевича более-менее знаю. Чекист специально поддел Петró, намекая, что это именно его вина. Типа, не

справился.

— Есть такое... Ключнул на мой уход за жратвой. Пяти минут не прошло, подался в бега... кретин. — Ответил водитель.

— Ага. Кретин и есть. — Поддакнул довольный Николай Николаевич.

— Неплохой был пацан. Но... — Петро пожал плечами, — Наверное, из них это потом хрен выдавишь. Так и тянет, дураков, опять на улицу. Я еще тужурку оставил, а там в кармане — деньги, соответственно. Которые он видел. Не выдержал соблазна... А твой, смотрю, дотянул.

— Есть такое... да. — Голос Клячина стал совсем масляным.

Ему, видимо, до одури было приятно, что я прошёл проверку. И кстати, разговор двух чекистов подтверждал мои вчерашние мысли. Про товарняк, про холод с голодом. Смотрел он на меня. Типа, оценивал. И получается, за едой не просто так уходил на полчаса. Караулил, сбегу или нет.

Но ещё, что интересно... Похоже, Петро тоже вез какого-то пацана. Пацан этот проверку не прошёл. Ок. И где пацан-то? Петро — вот он. Сидит, баранку крутит. А пацана не вижу...

— Их куда? На Горьковское? Смотрю, в ту сторону двигаем. — Снова поинтересовался у товарища Клячин.

— Да. — Коротко ответил водила. Он явно хотел уже перейти на другую тему разговора.

Я же упорно пытался сообразить, что означает этот квадрат на петлицах, какое звание. По сути, все равно. Просто любопытно. Чисто предположительно...

— Видишь, Алексей, — Клячин посмотрел на меня через плечо. — У товарища лейтенанта государственной безопасности поездка была гораздо веселее. С побегом, с кражей. А ты мне даже повода не дал. Все молчал, как пристукнутый.

Николай Николаевич хохотнул, радуясь моей «пристукнутости» и снова принялся трепаться с водилой о своем.

Значит, лейтенант... Ну, хорошо. Будем знать.

Их разговор опять перешёл на какие-то посторонние темы и я уставился в окно, наблюдая, как мимо проносятся осенние пейзажи. Мыслей особо никаких в голове не было. Просто сидел и тупил, пялясь на места, которые мы проезжали.

Невольно снова начали появляться тяжёлые думки. Не иначе, как от скучной картины за окном. Похоже, о своей прошлой жизни надо забывать по-тихоньку. Есть ощущение, задержусь я тут надолго. Хоть бы не навсегда...

Внезапно вспомнилась неделя проведенная в детском доме. В принципе, можно сказать, у меня прямо карьерный рост. Был сирота без роду, без племени, а теперь буду в школе разведки учиться. Радости только от этого нет ни хрена.

Опустил взгляд, рассматривая свои руки. Нет... Первый делом надо что-то с физухой решать. Это — факт. Мне вспомнился тот пацан, которого я увидел в отражении старого шкафа. Худой слишком, слабый. Так дело не пойдёт. И рожа, кстати, у пацана... Как-то упустил этот факт, забыл о нем. Рожа такая знакомая была... Где же мог видеть Реутова? Теоретически — нигде. Я родился, когда он уже, наверное, помер. Но в то же время, у меня с памятью все нормально. Сто процентов знаю, что видел.

— Эй, ты там спишь, что ли? — Клячин снова посмотрел на меня через плечо.

— Ни в коем разе, товарищ старший лейтенант государственной безопасности! Думаю о серьёзных вещах. — Отрапортовал я.

— О, как... И что ж это за вещи такие? — Поинтересовался Николай Николаевич.

— Да всякие. В первую очередь, как я без Вас дальше буду? Без вашей крепкой руки наставника и учителя.

Клячин, прищурившись, уставился мне в лицо, выискивая признаки насмешки. Хрен там. Я выкатил глаза и смотрел на него с выражением щенячьего восторга.

— Ясно... Шутник, значит... Шутить изволите, товарищ Реутов. Это мы понимаем. — Кивнул Николай Николаевич. — Ну-ну... Поглядим, как ты со своими шуточками дальше будешь... Скоро на месте окажемся, там точно уже не до смеха...

Кстати, дорога заняла не очень много времени. Навскидку, минут тридцать, может, сорок. Точнее не определишь. У меня часов не имеется. Тем более, мы вообще в итоге свернули с дороги и въехали в лес. Скакали по ухабистой дороге, пока не оказались перед забором.

Чтоб попасть на огороженную территорию, миновали что-то типа контрольно-пропускного пункта. Сначала был шлагбаум, рядом с которым находилась деревянная будка и трое военных. С оружием, все как положено. Интересно даже, зачем? Кому понадобится лезть в эту чащу, чтоб найти только недавно организованную школу? Хотя, тут я не спец. Судить, конечно, не берусь. Даже в горячечном бреде мне не приходило в голову, что я могу оказаться там, где вполне реально маячит перспектива стать разведчиком. Никогда не интересовался особо этой темой. Имеются лишь крайне отрывочные сведения.

К нашей машине подошли, проверили, кто в салоне, изучили документы, которые показали военным водила и Клячин. Только после этого через ворота, которых находились за шлагбаумом, мы въехали в святая святых.

— Прибыли... — Высказался Клячин, правда непонятно кому. На коллегу он не смотрел, на меня тоже. — Петró останови. Пройдёмся немного.

Товарищ лейтенант госбезопасности молча кивнул и выполнил просьбу Николая Николаевича.

— Идём, Алексей. — Позвал меня Клячин, выбираясь из машины. Можно подумать, я бы сам не понял, что надо выйти.

Вообще, хочу сказать, у чекиста ко мне за наше недолгое время совместного пребывания, сложилось интересное отношение. Он вроде и правда решил, что является опекуном Реутова. По крайней мере, в его голосе теперь появились покровительственные нотки, которых раньше не было. Да и подколы тоже стали какими-то свойскими, что ли. По крайней мере, я больше не видел того сканирующего взгляда, которым он изучал меня в кабинете директора. Да и провокационные вопросы тоже закончились.

— Так, Алексей...

Клячин одернул куртку и двинулся вперёд, к двухэтажному деревянному строению, видневшемуся в конце широкой дорожки. Я, само собой, пошёл следом. Быстро догнал чекиста, поравнявшись с ним.

— Имей в виду... Здесь меня, конечно, не будет. Не положено. Но! — Николай Николаевич поднял вверх указательный палец. — Всегда, по любому вопросу ты сможешь обратиться. Проблемы, недопонимание, сложности. Я всегда выручу. И еще... На выходных вас будут отпускать. Товарищ старший майор государственной безопасности скорее всего велит нам не тратить время впустую. Есть много того, что ты не знаешь. Впрочем...

Клячин покосился на меня и недовольно поморщился.

— Впрочем, ты ни черта не знаешь... Я приеду за тобой в субботу утром. Понял? И это...

Чекист оглянулся по сторонам, будто кто-то мог нас подслушать. Хотя, это маловероятно. Дорога, по которой мы топали к дому была достаточно широкой. До ближайших кустов расстояние немаленькое. Да и вряд ли в кустах сидят желающие вызнать, о чем мы с Клячиным беседуем.

— Смотри, про свое беспамятство никому не растрянди. Понял? — Он сурово свел брови.

— Конечно, Николай Николаевич. Не дурак.

— Ну, это мы ещё посмотрим. Дурак или нет. Время покажет. И ты давай, от Николая Николаевича отвыкай. Товарищ старший лейтенант государственной безопасности. Понял? Николай Николаевич — это когда мы с тобой вдвоём за столом сидим и чаевничаем.

— Принято, товарищ старший лейтенант государственной безопасности. — Отчеканил я.

— Принято...ага...главное, чтоб понято...Жди возле крыльца. Пойду сначала отчитаюсь.

Клячин ускорил шаг, а я наоборот остановился. Покрутил головой, соображая, куда

приткнуться. В итоге, оперся на перила лестницы.

— Кто таков? — Раздался из-за спины мужской голос.

Я обернулся. Возле меня остановился высокий мужчина южных кровей. Или кавказских. В любом случае, точно не из средней полосы России. Под носом у него были маленькие, очень смешные усики. Хотя, если вспомнить, кто почти такие же носит, так и не смешно вовсе. Правда, тот немец с «усиками» нам пока ещё не враг. Официально по крайней мере. Поэтому мужчина с седыми висками, который стоял рядом со мной, просто не в курсе, но лучше бы ему стиль поменять.

— Кто такой, спрашиваю? — Повторил он.

— Алексей.

Собственно говоря, какой вопрос, такой ответ. Кавказец был одет «по гражданке». Вряд ли он тут имеет большой вес. Не показатель, конечно, с другой стороны. Я Николая Николаевича тоже, к примеру, в форме до сих пор не видел. Но мы и не по Мытищам сейчас гуляем. Тут место вроде серьезное.

Даже товарищ Клячина, всего лишь лейтенант госбезопасности, формой щеголяет. Думаю, мой опекун тоже вырядился бы. Но в доме ничего подобного не оказалось.

Так что, подозреваю, кавказец либо какой-нибудь учитель, судя по интонации, либо тоже кого-то привёз. А если каждому левому гражданину подробности объяснять, так у меня язык в итоге отвалится. Да и потом, мы, между прочим, на территории секретного объекта. Иначе, на кой черт тут охрана, шлагбаум, ворота.

— Алексей, значит... — Он сделал шаг ко мне. Опустил взгляд, потом медленно поднял его вверх и снова уставился на мое лицо. — Тебе, Алексей, не рассказывали, как надо отвечать?

— А, может, Вы шпион. — Я пожал плечами. — Пробрались обманом, теперь ходите, вынюхиваете.

Нес, конечно, полную ахинею. Просто, если честно, имелось легкое раздражение. Нет, не легкое. Вру. Чего-то сильно задолбался я за эти дни. Все перипетии, начиная с пробуждения в детском доме и заканчивая дорогой в невероятно крутую по словам Клячина школу разведчиков, сидят у меня уже в печенке.

— Шпион? — Лицо у мужика стало настолько удивлённым, что я невольно хмыкнул.

Вот это, наверное, зря. Он моментально нахмурился, рассматривая меня с таким видом, будто соображал, что лучше сделать. Сразу открутить голову или всё-таки, для начала, выкинуть за пределы территории, отвесив пинка для скорости.

— Ты с кем приехал? Кто пропустил? — Мужик схватил меня за плечо и попытался утянуть в сторону ворот.

А я, как бы, к воротам не хотел. Мне к воротам не надо. Я только что оттуда притопал. Поэтому, чисто на автомате оттолкнул его руку. Несильно между прочим. Вообще еле-еле.

— Да ты... — Он набрал воздуха в грудь, собираясь, наверное сказать что-то очень нехорошее. Но не успел.

— Товарищ капитан государственной безопасности, ищущий Вас! — На крыльце нарисовался Николай Николаевич. Смотрел он прямо на кавказца, и обращался тоже к нему.

Судя по лицу моего опекуна, да и по званию, которое он озвучил, явно это не учитель ни хрена.

Глава 13

В которой я нахожу недостатки в гениальном плане Бекетова

— Ты-ы-ы! Скотина тупоголовая! Ёк-макарёк... — Со свистом выдохнул сквозь сцепленные зубы Клячин и протянул в мою сторону руку, сжав кулак. У него аж костяшки пальцев побелили от того, с какой силой он это сделал.

Здоровый такой, крепкий кулак. Потряс им прямо перед носом. Моим, конечно же, носом. Перед своим-то ему на кой черт трясти. Подозреваю, Николай Николаевич был вообще не против, чтоб в его кулаке оказалась, например, моя шея. Я даже увидел по его взгляду, как в воображении чекиста мелькнула картина, где он избавляется от проблемы в лице наглого детдомовца путем физического устранения этого лица. В общем, скажем честно, чекист был зол.

— Ты... Черт! Кто ж тебя, скотины кусок, учил так вести себя со старшим даже не по званию, а по жизни! Тебя мало помотало, что ли? Ты скажи, не стесняйся. Я домотаю. Так домотаю, что ты у меня за километр от начальства по стойке смирно вставать будешь. Тебе, похоже, не просто башку повредили. Воспоминания — это херня. Тебе ее отбили к чертовой матери. Кретин!

Последнее слово получилось у Николая Николаевича громче и выразительнее остальных. Он в него всю душу вложил.

Чекист снова выдохнул сквозь сжатые зубы, а потом отвернулся и со злостью плюнул в ближайшие кусты. Опять же, есть ощущение, с гораздо большим удовольствием он сделал бы это прямо в мою рожу.

— Да я не знал, что он — директор школы! Почему шляется по территории в гражданской одежде? Не на базарной площади так-то.

— Чего-о-о! В гражданской? В гражданской! — Лицо Клячина налилось краской.

Он начал как-то нервно дышать. А я начал опасаться, как бы сейчас чекиста приступ падуцей не стеганул. Вот это будет, конечно, высший класс. Чем отличился курсант Реутов? Он довёл своего наставника до инсульта. Молодец, Реутов! Хотя... большой вопрос, буду ли я теперь курсантом этой супер секретной школы.

— А ему что, из-за таких идиотов, как ты, при полном параде ходить! Может адъютанта себе завести? А? Тут же у нас есть один дурачок, который на закрытой от посторонних территории директора школы перепутал... С кем? Вот даже интересно. С кем ты мог перепутать товарища Шарманазашвили Владимир Харитоновича? С лесорубом? С охотником? С дачникам? Так у него, вроде, ни ружья, ни топора, ни удочки при себе не было...

— Думал, он просто учитель... — Я недовольно покосился на Клячина и отвернулся в противоположную сторону.

Взрослый человек, коим по сути я и являюсь, несмотря на внешний вид, категорически отказывался принимать тот факт, что на меня орет какой-то левый мужик. Даже если за дело.

— Просто... — Николай Николаевич покачал головой, недоумевая, и развел руками в стороны. — Он просто думал... что это просто учитель... Реутов, у тебя точно башка отбитая. Ты скажи, вас тут кто учить будет? Макаренко твой? Ты чему вообще собрался учиться? Как коровам хвосты крутить? Откуда здесь «просто» учителя возьмутся? У-у-у... Контра...

Чекист согнул руку в локте и замахнулся от плеча, но я сразу понял, он не ударит. Это — так, воспитательный момент. Да и злой он был, конечно. На эмоциях. Я даже испытал легкое чувство неуместной гордости за то, что довёл Клячина до белого каления. Клячина, который с блатной шпаной на раз-два вопрос решил. Но сейчас, благодаря мне, Николай Николаевич явно капитально вышел из себя.

Когда ситуация немного разъяснилась и стало понятно, что товарищ с усиками — директор школы, а я, собственно говоря, сейчас этому директору всякую хрень говорил, да еще и отпихнул, Клячин аж в лице изменился. Хотя, я в корне был не согласен с формулировкой «отпихнул». На ней настаивал товарищ Шар-ма-на-за-шви-ли... Твою ж мать... Что за ужасная фамилия.

— За мной! — Процедил Клячин, развернулся и пошел за директором, который предложил чекисту обсудить сложившуюся ситуацию.

Конечно, Владимир Харитонович использовал совсем другие выражения, в больше мере почти матерные, но мы люди культурные, глупости повторять не будем. Поэтому, да. Обсудить ситуацию.

В итоге, директор шел по коридору здания, за ним топал Клячин. За Клячиным — я. В тишине гулко раздавались наши шаги. Наверное, из-за того, что пол здесь тоже был деревянный, выстланный крашеными досками.

В кабинет меня, естественно, не позвали. Велели ждать возле двери. Клячин велел. Директор школы со мной больше вообще не говорил ни о чем.

Но я человек негордый, с принципами у меня тоже отношения хорошие, я их нагнуть могу в ту сторону, куда мне надо. Поэтому, без малейших сомнений попытался подслушать разговор двух чекистов. Ясное дело, если Николай Николаевич назвал его капитаном госбезопасности, этот товарищ с трудно произносимой фамилией тоже из НКВД будет.

Однако, с подслушкой идея оказалась не очень. Я не смог разобрать ни слова. Дом деревянный, а двери, словно из бетона. Ни черта не слышно. До меня доносился только бубнеж то Клячина, то директора. Причём, я бы не сказал, что последний отчитывает Николая Николаевича или ругает. Их бубнеж становился громче по очереди. Сначала, вроде, Владимир Харитонович наехал на моего опекуна. Потом тот начал в ответ что-то резко и грубо говорить. В общем, несмотря на разные звания, беседовали они, можно сказать, на равных.

Единственное, что я смог четко разобрать, это фамилию Бекетова. И судя по тому, как произнёс ее Николай Николаевич, эта фамилия играла роль весомого аргумента.

Переговоры шли минут десять, а то и пятнадцать. Я задолбался ошиваться под дверью. Наконец, створка распахнулась, и в коридоре появился красный, как рак, Клячин.

— Идём! — Коротко бросил он, а затем отправился на улицу.

Даже не оглянулся. Я, само собой, рванул следом. Но сначала осторожно заглянул в приоткрытую дверь. Директор стоял возле большого окна, заложив руки за спину, и смотрел на улицу.

— Ну, и ладненько... — Тихо прошептал я себе под нос, а вот уже потом побежал догонять Клячина.

Просто он с таким зверским лицом выскочил из кабинета, будто только что собственноручно придушил товарища Шарманазашвили.

Едва мы оказались на улице, Клячин с ходу завел свою шарманку. Про кретина, про дебила, про «скотины кусок».

Я привел в свою защиту единственное оправдание. Что реально принял капитана госбезопасности за учителя. Потому что вот он, в отличие от того же Николая Николаевича, на чекиста совсем не похож. Взгляд поумнее будет.

— Чего-о-о! — Снова взвился Клячин. — Поумнее взгляд, говоришь! Поумнее, чем у кого? А?

— Товарищ старший лейтенант государственной безопасности, Вы повторяетесь... Вопрос «чего?» был задан Вами за последние несколько минут четыре раза.

— Чег... — Начал было Николай Николаевич, но тут же сообразил, что рискует число четыре превратить в пять.

Он замолчал, уставившись на меня гневным взглядом. Минуты две-три мы играли в «гляделки». Не выдержал первым чекист.

— Тьфу ты! — Николай Николаевич снова в сердцах плюнул в кусты. — Подсуропил мне товарищ Бекетов головную боль на старости лет.

— Да хватит Вам, товарищ старший лейтенант государственной... Черт... — Я оглянулся по сторонам, проверяя наличие свидетелей, а затем сделал шаг ближе к чекисту и, понизив голос, спросил. — Вообще не против субординации. Даже, можно сказать, — «за». Но можно я Вас наедине все-таки буду Николаем Николаевичем называть? Не только когда чаевничаем. Честное слово, язык уже в фигурную дую завернулся от всех этих званий.

Клячин помолчал пару секунд, а потом махнул рукой.

— Черт с тобой, Реутов. Наедине — можно. Идем, провожу тебя к бараку. — Николай Николаевич, договорив, направился к углу здания, за который он явно собирался завернуть.

— Барак? — Удивлённо переспросил я его в спину.

Потом повернулся к двухэтажному зданию, возле которого мы стояли, посмотрел на него с тоской. Вполне себе добротный дом. Приличный. Я так понял, на первом этаже — что-то типа учебных классов и служебных помещений, а на втором — спальни. На черта нам в барак? Что за гадство? Хоть когда-нибудь в этой новой жизни мне удастся жить в уюте?

— Ну! Ты идёшь? — Оглянулся Николай Николаевич.

Пришлось топтать следом.

— Почему барак? — Спросил я чекиста, как только догнал его.

— Некоторое время будете жить отдельно. — Очень туманно ответил Клячин.

Почему отдельно? Не понятно. Типа, рылом не вышли, что ли? Чекист высказался во множественном числе — будете. Значит, не я один, а все. Как там он говорил — лучшие слушатели... Еще одно дебильное слово. Слушатели... Мне не нравится. Курсант — вот это, да. Звучит всяко приличнее.

Однако, нарываться еще больше я не стал. Решил не пытаться Николая Николаевича расспросами. Сам все на месте увижу. Он явно не скоро успокоится.

В конце концов, барак, так барак. Хрен редьки не слаще. Хоть не на улице, на том спасибо.

Буквально на расстоянии сотни метров от большого дома, среди деревьев и правда обнаружилось небольшое здание барачного типа. Этаж у него был один, окна — грязные,

вид — грустный.

— Мда, уж... — Тихо высказался я, когда мы подошли ко входу и чекист потянул немного кривую дверь на себя.

В ответ моментально прилетел выразительный взгляд Клячина. Мол, заткнулся бы ты, Алеша, слишком много начал трепать языком.

А я, как бы, не виноват. Просто, наверное, в моей башке окончательно уложилась мысль — всё! Назад дороги нет. Я никогда не вернусь в свою прежнюю жизнь. Почти две недели прошло. Если этому произойти, то оно бы уже произошло. А я продолжаю жить вместо Реутова, который, сука, даже не Реутов! Анекдот просто.

В бараке обнаружился коридор и большая комната. Все. Это была спальня. Туалет, даже не удивительно, отсутствовал. Душевая — тоже.

Зато имелось десять кроватей и столько же тумбочек. Скромное количество мебели в большом помещении смотрелось как-то нелепо. На полу лежал темного цвета ковер. На одной из стен были прибиты вешалки. Наверное, для верхней одежды. Помимо прочего, в комнате присутствовало ровно шесть пацанов приблизительно моего возраста. Вернее, возраста Алеши...

То есть я — седьмой. Может, конечно, у них тут хреново с математикой, но семь — точно не десять. Где еще трое?

— Не прибыли. — Сказал Клячин, который, наверное, сразу понял мой удивлённый взгляд, которым я рассматривал присутствующих.

Вообще, обстановочка сильно напомнила детский дом. С той лишь разницей, что вместо топчанов были настоящие кровати, а само помещение выглядело все-таки попримечнее. Да и кровати оказались застеляны добротного вида шерстяными одеялами.

Парни суетились по комнате, заняты делом. Из одного ведра они таскали тряпками воду, пытаясь отмыть окна. В итоге, конечно, выходила у них полная херня. Стекла покрывались грязными разводами и чище не становились.

При нашем с Клячиным появлении, присутствующие замерли, кто где был, и уставились заинтересованными взглядами.

— Это — Реутов Алексей Иванович, ваш новый товарищ. — Сообщил пацанам чекист.

— Здóрово. — Протянул один из детдомовцев, судя по наглой роже и крепкому сложению, самый старший. Причем, старший не только в плане возраста. Он, типа лидера, наверное. Слишком уверенно себя ведет. — Откуда будешь, Реутов Алексей Иванович?

— Из детского дома, как и все вы. Неожиданно, да? — Усмехнулся Клячин, даже не дав возможности мне вставить свои пять копеек. Хотя разговор шёл, как бы, со мной.

А потом еще взял и добавил название того городка, где находился детдом. С одной стороны, конечно, спасибо. Я это название хрен могу выговорить. А с другой — он мне решил сразу жизнь испортить, что ли? Отомстить за директора? Я, благодаря ему, выгляжу полнейшим лохом и придурком. За меня чекист с пацанами знакомится. Мандец вообще. Точно мстит, злопамятный гад.

— Ну, ясно... — Усмехнулся наглый крепыш. — Меня Ленькой звать. Проходи, Алексей Иванович. Только ты это... имей в виду... койка у нас — на одно рыло. Где твоя нянька спать будет? Или ты ему свое место уступишь? Похоже, без помощи взрослого дяденьки сам слова сказать не можешь.

Клячин широко улыбнулся. По-доброму так, ласково. Я медленно сделал шаг назад. Знакомая улыбочка просто. Прямо, как во дворе бани. Лучше в сторонке постоять, чтоб не зацепило.

Чекист вдруг в одно мгновение оказался рядом с Ленькой, а потом резко ухватил его за тыльную сторону шеи, наклонив так, что башка пацана завернулась ему куда-то под мышку.

— Ай! Вы чего! — Заорал тот, другая ногой и пытаюсь освободиться от захвата. К слову сказать, остальные пацаны даже не пошевелились. Поосто с интересом наблюдали за воспитательной пятиминуткой.

— Слушай сюда, Леонид. Впредь ты ко мне будешь обращаться по специальному званию. Какое звание, уточнишь у своего нового товарища. Еще раз своим поганым языком назовешь меня любым не подходящим словом, я тебе его вырву. Усёк?

— Усёк! Усёк! Всё! Извиняюсь! — Завывал Лёнька.

Судя по тому, как Лёнькин голос менялся, то поднимаясь вверх, то опускаясь вниз, чекист аккуратно выворачивал ему шею, периодически заставляя детдомовца переходить на фальцет. Лицо же самого Николая Николаевича в этот момент не выражало ровным счётом никаких эмоций.

— Вот и молодец. Сообразительный. Глядишь, выйдет из тебя толк.

Клячин выпустил, наконец, шею пацана и спокойно, без суеты, вернулся ко мне.

— Все, Алексей. Давай, обживайся. В субботу приеду, как и договаривались.

— Так... меня оставили? А директор как же? — Я, честно говоря, до последнего думал, что Клячин просто тянет, хочет типа показать, как хорошо я бы мог жить.

— Оставили. Пока. Но... — Он сунул мне под нос кулак. — Только попробуй еще что-то подобное выкинуть. Башку оторву. Все равно она у тебя отбитая.

С этими словами чекист кивнул мне и вышел из комнаты.

— Эй, Алексей Иванович, чего это он такой нервный? — Сразу спросил Ленька, потирая шею.

— Работа у него тяжёлая. Ответственная... — Ответил я, глядя вслед ушедшему чекисту. Даже как-то тоскливо стало, честное слово.

— А-а-а-а... Понятно. Так ты из детского дома? Давно там чалился? — Лёнька, видимо, после поучительной пятиминутки с Клячиным резко поумнел и счел своим долгом подружиться со мной немедленно, прямо сейчас.

— Да не... Сначала в этой был... — Я завис, вспоминая название. — В коммуне имени Феликса Дзержинского.

— Где! — Вскинулся еще один пацан. Он стоял чуть в стороне, прямо рядом с окном.

Пришлось повторить для особо бестолковых.

— А-а-а-а-а... — Пацан кивнул. — Не слыхал про такую. А меня Василием звать. Васька Зайцев я. Для друзей — просто Заяц, но ты с этим пока не торопись.

— Отлично! — Я окинул взглядом своих будущих однокурсников, одноклассников, или хрен его знает, как их назвать.

Отличного, конечно, ничего. Знакомые лица детдомовских беспризорников. Особо друг от друга не отличаются. Каждый сам за себя.

— Ладно. Извините, пацаны, мне надо отдохнуть. — Сообщил я им и направился к кровати, которая судя по всему, была свободной.

Уселся. Попрыгал на ней. Вроде бы ничего. Подбил подушку. Тоже пойдёт. Лег, вытянув ноги и с огромным чувством удовлетворения закрыл глаза.

— Эй, ты че? Окна мыть велели! — Возмутился Зайцев, который мне ещё пока не друг.

— Ну, так мойте. — Я открыл один глаз и покосился на пацанов, которые охренели от моей наглости. — Мне лично никто ничего не говорил.

— Ну, ты... — Еще один детдомовец, имени которого я пока не услышал, сделал шаг в мою сторону.

— Не лезь к нему. — Остановил его Вася Зайцев. — Пусть лежит. Кто-нибудь из чекистов явится, вот он тогда и отхватит. А нам нельзя. Залёт.

— Молодец. — Я поднял руку и показал сознательному Василию большой палец, поднятый вверх.

Мои товарищи что-то еще сказали по поводу всяких охреневших мудаков, представить не могу, о ком речь, а потом занялись окнами.

Я же уставился в потолок. Жизнь у меня такая теперь, только потолки и разглядываю.

Вообще, хотелось подумать. Собрать мысли в кучу. Уже понятно, хрен мне, а не родное будущее. Надо, значит, составить план. Покумекать, что могу полезного вытащить из той ситуации, которая есть.

Но... Наверное, из-за раннего подъёма я, вместо глубокого осмысления ситуации, просто-напросто вырубился. Даже сам не заметил как. Проснулся зато гораздо более эффективно, чем заснул. Весело проснулся.

Мой рот зажимала чья-то ладонь. А в горло упиралось что-то острое.

— Раскрыл zenки, гнида?

Я с искренним удивлением уставился на Васю Зайцева, который склонился надо мной, одним коленом упираясь в кровать. Мало того, эта беспризорная сволочь, держал прямо у моей шеи предмет, сильно напоминающий либо нож, либо что-то другое, не менее опасное. Рассмотреть возможности не было.

— Ты думал, нагребешь нас, крыса? — Вася тихо и зло хохотнул. — Ты кто такой, сучара? Признавайся!

Как назло, сразу же захотелось сглотнуть. Не стал. Боялся, острое, царапающее кожу, воткнется мне в глотку. А такого варианта развития событий сильно не хотелось бы.

— Что ты глазами хлопаешь, как баба? — Пацан криво усмехнулся. — Сдохнуть боишься? Так сдохнешь! Потому что не ты, а я из коммуны имени Дзержинского. И Реутов спал на соседней койке. Лет девять назад, пока не утонул.

Глава 14

В которой я понимаю, что не ту профессию выбрал...

— Че молчишь, крыса? — Василий наклонился ближе.

Я поморщился. От парня слеганца припахивало немывтым телом. И еще — воняло изо рта. Видимо, чекист, который Васю привез, оказался не таким чистоплюем, как Клячин.

— Говорить будешь? — Снова докопался ко мне этот придурок.

Я опустил выразительный взгляд на ладонь, которая закрывала мой рот, намекая дебилу, что не мешало бы ручонку убрать. Иначе ответить на его вопрос я точно не смогу. Даже если у меня будет такое желание.

— Заяц, граблю прими. — Вмешался Ленька, который стоял тут же, рядом.

Он опирался о тумбочку задницей, руки при этом сложил на груди. Поза большого босса,

который здесь рулит всем.

Ой, дебилы... Малолетние придурки. Они до сих пор, похоже, не понимают, куда попали. Ну, вскрыет мне горло Василий. Ок. Хотя, лично я в этом сильно сомневаюсь. Ссыкло он. Напал на спящего. Однако дело даже не в этом. Допустим, решился пацан. Херак! — ножичком по шее. А дальше? За меня, конечно, горевать не сильно будут. Если только товарищ Бекетов с его неумным желанием спасти Реутова. Но и он переживёт. А вот эти придурки что думают? Им это с рук сойдёт? Да черта-с-два! Никто их после такого закидона в школе не оставит. Ибо, какая, на хрен, разведка, если они спокойно друг друга прирезать могут.

— Заяц!—Лёнька чуть повысил голос, потому что Василий притупливал и руку не убирал. Точно идиот...

Похоже, крепыш успел за недолгое время своего пребывания в бараке занять среди детдомовцев пост лидера. Ну, ничего. Это ненадолго. Я не собираюсь ни под кого прогинаться хотя бы здесь. А то задрали, командиры херовы. Только приказывают со всех сторон.

Василий недовольно хмыкнул, однако ладонь сдвинул. Теперь она практически лежала на моей шее, а вот острый предмет по-прежнему оставался на месте. Я чувствовал, как его кончик упирается в горло. Чуть дернусь, и может выйти неприятная ситуация.

— Ну! Говори! — Рывкнул Заяц.

— Че тебе говорить, осел? — Я демонстративно нагло уставился в злую рожу Василия.

Разговаривать с детишками надо на их языке. Иначе не поймут. Бестолковиться и снова ждать по ночам нападения я не хочу. Пошли на хрен, в конце концов!

— Ты в этой коммуне когда последний раз был? Ты Реутова когда в последний раз видел? Девять лет назад, говоришь. Хера себе у тебя память. Или другой вариант. Хера себе у меня рожка. Вообще не меняется. Так, что ли?

— И че? И че? А? — Василий начал злиться. Он явно ожидал от меня немного другой реакции. — Ты че тут лепишь? Вроде я брехло? Пацаны, он крыса! Точно говорю. Его чекисты к нам специально подселили. Будет бегать, им стучать.

— Заяц, ну, по-честному если, мы пока только тебя слышали. Поёшь ты по делу, согласен. Но он еще ничего не сказал. Надо бы и его послушать. — Спокойно ответил за всех присутствующих Лёнька.

Я осторожно повел взглядом по сторонам, еле-еле сдвинув голову. Насколько это, конечно, возможно в моем положении. Хотел оценить обстановку. К счастью, Васина рука уже не была так крепка и острее чуть отдалилась.

Вообще, распределились они по комнате грамотно. Один тусовался у окна, поглядывая на

улицу. Контролировал появление кого-то из местных чекистов. Двое замерли слева. На тот случай, если все же начнется замес. Справа стоял Ленька. Вася — находился рядом со мной. Еще одного вообще в комнате не увидел. Думаю, он стоит на стрёме, с улицы.

— Реутов Лешка, мы с ним дружбу водили. Койки наши стояли рядом. Нормальный пацан был. — Снова завёлся Василий, которому не терпелось доказать свою правоту. — А потом зимой воспитатель потащил их за этими... за дровами. Был там один...урод. Вечно добренького из себя строил, а сам — гнида настоящая. Он Реутова взял и еще...

Зайцев запнулся, вспоминая имя второго участника событий. Потом тряхнул головой и посмотрел на Леньку через плечо.

— Не помню, как звали. Пацан еще такой...придурковатый. Один всегда ходил. Не разговаривал ни с кем. Вечно в каморке под лестницей сидел. Вот его фамилию не помню. Да и не знал особо. Какая-то... Навроде немчуры. Да не в этом суть! Двоих взял воспитатель, вроде в помощь. Лешку и этого, придурковатого. А потом...утопили они оба. Провалились в прорубь. Кипиш еще был. Через неделю после случившегося в коммуны чекисты приехали. Эти...из ОГПУ. Как раз за придурковатым. Мы сначала даже не поверили. На хрен он чекистам? А те всю коммуны на уши поставили. Он им мандец как нужен, оказалось. Крику было...Воспитателя с собой увезли. Так он и сгинул. Ну, этого не жалко. Гнида и есть. Главное, на Реутова вообще всем насрать было. А за придурошного — целая эпопея началась. Дюже он им потребовался.

— Замечательно...— Перебил я Василия. — История очень трогательная. А теперь давай по делу, без твоих загадочных интриг. Прорубь...Чекисты... Говоришь, дружили мы с тобой... Или ты так думал, что дружили? Чет не пойму, как ты запомнил, что было хрен его знает когда? Нам в тот год по семь исполнилось. Ну, восемь, ладно. А сейчас — по семнадцать. Ты как определил, что я —это не я?

Собственно говоря, большого волнения не имелось. Почему? Я просто вспомнил слова Клячина, сказанные мне в кабинете директора. У Реутова, настоящего, имею в виду, была в коммуне репутация задиры и драчуна. Какие, к чертовой матери, друзья? Скорее всего, Вася и правда жил в коммуне. И скорее всего, Реутова он реально видел. Может, даже общался. Но не близко. Это Вася брешет. Единственный его довод — несчастный случай, в котором погибли два пацана. А значит... Значит, попробуй докажи, придурок.

— Ты утоп! — Психанул Зайцев. Причём, он сам не заметил, что начал говорить со мной, как с Реутовым.

— Вот ты debil... Утонул, да не я! Второй, тот самый придурковатый, под лед ушел. Алексеем его тоже звали, кстати. Витцке Алексей Сергеевич. И теперь — главный вопрос. Как бы я мог знать это имя, если бы не был тем, кем являюсь? А?

Василий бестолково хлопал глазами, пытаясь переварить мою умную фразу. Даже интересно, если Реутова в Школу Особого Назначения решили взять за башковитость и знание немецкого, этого придурка по каким критериям отбирали? Он же тупой, как пробка.

— Заяц, фамилия такая была? — Спросил Ленька. Он пока не вмешивался, наблюдая всю нашу психологическую драму со стороны.

— Витцке... Да хрен его знает... Вроде, похоже. Но звали его — Алексей, как и этого. Правильно. Теперь только вспомнил. Точно Алексей. Два Алексея... Мы ещё тогда удивились, какая херня вышла. — Василий задумчиво кивнул.

Он еще сам не понимал, что уже проиграл. Начал говорить обо мне именно как о Реутове.

— Слышь, ну так-то и правда... — Вмешался один из парней, которые стояли слева. — Откуда Алеше знать эту фамилию, если он был бы не он?

Я едва сдержался, чтоб не закатить глаза. С соображалкой у пацанов туговато... Он был бы не он... Глубокая мысль, однако...

— Да ты же утоп! — Снова повторил Вася-дурачок.

Правда, рука его заметно расслабилась. Я больше не чувствовал, как натягивается кожа в том месте, где он держал нож. И вообще... что за на хер? Откуда у пацана эта штука? Их не проверяли, что ли? Не знаю... обыскать там, например, не судьба? Между прочим, серьёзное заведение, а на самом деле бардак какой-то.

— Не утонул я, говорю. Не слышишь? Когда блаженный этот провалился, пытался его спасти даже. Гадом буду, пытался. Сам чуть под лёд не ушел. А вокруг — ни души. Я орал, голос сорвал. Звал воспитателя. Хер там! Он по своим делам смылся. Там же хутор рядом был. Он на этом хуторе и жил. Оставил нас в лесу одних, а сам домой побежал. Заботы у него какие-то. И вот представь, что мне делать? Думаю, ну, сейчас вернётся и все на меня свалит. Не признается же, что сам бросил воспитанников одних. Его за это по головке не погладят. Либо — другой вариант. Зачем ему свидетель? Возьмет, да притопит до кучи вместе с этим Витцке. Я и сбежал. Добрался до ближайшей станции. Там к поезду прибился. Ну, и пошло поехало... Пришлось, конечно, на улице ночевать. Ни пожрать, ни поспать нормально. Все боялся, что найдут. А потом опять захапали меня. Определили в детский дом. Я то уже от коммуны далеко забрался. Ну, вот и вышло так. Когда спросили, откуда сам, по тупости ответил им. Прихворал как раз. Лихорадило сильно. Соображал туго. В общем, так и остался в детском доме. Проверять никто не стал. Кому я нужен...

— Это, да... — Со знанием дела кивнул пацан, который за меня вступился. — На хер мы никому не нужны. Заяц, да слезь ты уже с него. Вцепился в глотку приличному человеку. Видишь, ошибся ты. Ясен пень, столько лет прошло. Кто не ошибается?

Василий отстранился, выпрямился. Правда, смотрел на меня все равно с сомнением.

— А воспитателя нашего как звали? Ну тот, с которым вы за дровами ходили... — Выдал вдруг Заяц. Решил мне еще одну проверку устроить, похоже.

Внутри непроизвольно всё сжалось. Вот и приплыли... Я в душе не имею понятия, как звали

какого-то долбанного воспитателя. И Клячин, будто назло, имени не говорил... Шанс нарваться на неприятности стал более реальным. Но... Блеф — отличная штука...

— Ты че? Издеваешься? Не помню уже, — Пожал я плечами. — Николай Васильевич, вроде бы... А может и нет. Не помню! Времени сколько прошло. Гнида был, это, да. Помню, что жил рядом, на хуторе...

— Ну? И как его звали? — с угрозой в голосе спросил у Зайцева Лёнька.

— Да я и сам не помню, — Махнул рукой Василий. — Столько лет прошло. Как арестовали, от него ни слуху ни духу не было.

Я мысленно себе поаплодировал. Прокатило! Ты посмотри, как отлично играю роли. И не подумал бы никогда. Нет... Прогадал я с профессией. Надо было в актеры идти.

— Ладно, не обессудь. Мы решили, ты — крыса. Думали, тебя специально к нам подселили. Чтоб следил и доносил. Дюже Заяц убедительно языком трепал. — Сказал, наконец, Лёнька. Он подошёл ближе и протянул мне руку.

Я ухватился за его лапищу, поднимаясь с кровати. Здоровый пацан, конечно. Не знаю, как он в разведке собрался служить, если среди толпы людей его сразу заметишь. Хотя, может, это и не играет никакой роли. Мне-то откуда знать...

Пока одергивал одежду, на автомате глянул в окно. На улице еще светло. Даже солнце вроде ярче светит. Обед, наверное. То есть вырубился я на пару часов, не больше.

— А за уборку...это ты неправ. — Лёня кивнул мне в сторону ведра с грязной водой. — Надо вместе со всеми. Мы теперь вроде в одной лодке.

— Да я не против. Думал, прям десять минут полежу, дорога хреновая была. Не сегодня, а вообще. Пока из детского дома доехали, думал придушу своего провожатого...

— Аааа...— Это, да. — Заржал пацан, который активно высказывался в мою защиту. — Поездочка та еще выдалась... Меня товарищ лейтенант государственной безопасности на своих двоих тащил через три области. А потом вроде ногу вывихнул. Споткнулся неудачно. Так через две области еще и мне его тащить пришлось. На себе. Сто раз думал, брошу на хер. Пусть подыхает. Собаке собачья смерть...

— Ты бы полегче, Подкидыш. И слова такие здесь говорить не надо. И насчёт областей не привирай.— Лёнька покосился на вход.

— Ой, не бзди...Никто не слышит. А насчёт областей, это я приукрасил малясь. Было просто сложно. Особенно, когда выяснилось, что с ногой у этого товарища все в порядке. Думал, рожу ему прямо там набью. А насчет того, как нам говорить...— Пацан махнул небрежно рукой. — Там Саня с улицы караулит. Меня Иваном, если че, звать. Но лучше Подкидыш. Привычный я к этому.

Последние его слова предназначались мне. Это он так неожиданно решил представиться.

— Лёнь, Подкидыш у нас рискованный гражданин. Есть в нем что-то северное. Похож на хер моржовый... — Заржал ни к месту Вася. Он уже успокоился и вроде бы даже поглядывал на меня по-доброму. А перед крепышом явно старался выслужиться.

Все детдомовцы дружно засмеялись шутке Зайцева. Кроме меня.

Есть в нем что-то северное... Похож на хер моржовый...

— Твою ж мать... — Высказался я вслух, уставившись в одну точку.

Просто эта фраза... Я вспомнил, что уже слышал ее. Вспомнил даже от кого и в каких обстоятельствах. А еще я понял, почему рожа Реутова кажется мне знакомой.

Глава 15

В которой я вспоминаю детство и этому есть логичное объяснение

— Нужно зеркало... Срочно!

Мое неожиданное заявление вызвало очередной взрыв смеха. Особенно сильно гоготал Василий. Только что слюной не захлебывался. Мне кажется, ему не столько было смешно на самом деле, сколько он старательно показывал остальным, какую чушь я сказал. Есть ощущение, с Василием мы все-таки не подружимся... А еще есть ощущение, очень сильное, что Василий — редкостный мудака.

— На кой черт оно тебе, Алеша? — Спросил Лёнька с усмешкой. — Соскучился по своей роже? Думаешь, она сильно изменилась с тех пор, как ты сюда попал? Мол, стал серьезным человеком? Погодь, еще рано.

— Мне нужно зеркало. — Упрямо повторил я.

Внутри появилось чувство сильной тревоги. Если моя догадка верна, то... то это, наверное, полный мандец. Или не мандец... Или не полный... В любом случае, такой поворот хоть как-то мог бы объяснить, какого черта я здесь нахожусь. А главное, какого черта я — Реутов.

— Вот ты заладил... — Подкидыш покачал головой, недоумевая по поводу странной для детдомовцев просьбы.

Однако ржать мои новые товарищи хотя бы перестали. Наверное, я выглядел не совсем адекватно со своим заскоком про зеркало. А меня и правда словно коротнуло. Я знал наверняка, надо снова посмотреть на Реутова. Внимательно посмотреть.

— Ну, вон, Бернёса попроси. — Пожал плечами Лёнька. — Он на улице, на стрёме стоит. У него точно есть. Вас теперь двое, что ли, таких увлеченных? Он за день двадцать раз красоту наводит, чуб свой чешет. Теперь и ты, похоже.

— Ага... Ага... Двое увлеченных! — Снова загоготал, как полный придурок, Василий. Только на этот раз на него даже детдомовцы посмотрели, словно на идиота. Мол, чего ты ржешь, debil, все уже закончилось.

— Заяц, ты бы делом занялся... — Начал Лёнька.

Я, не дослушав их разговор до конца, выскочил в коридор, а потом на крыльцо барака. Неподалёку и правда ошивался пацан, о котором, наверное, говорил Подкидыш. Почему Бернес, не знаю. Лично я ни черта схожего с упомянутой личностью в нем не увидел. Кроме, пожалуй, выразительного взгляда карих глаз. И уж точно пацан, нарезающий круги возле ближайшей берёзки, совсем не тот, чья фамилия даже мне известна. Тому сейчас не семнадцать, а значительно больше. Думаю, парню дали такое прозвище из-за смазливового лица, которое с точки зрения детдомовских воспитанников могло быть «западло». Ну, и, скажем честно, не знай я, откуда этот Бернес прибыл, даже не подумал бы, что он когда-то был шпаной или беспризорником.

Внешне пацан скорее напоминал хорошего, со всех сторон положительного, мальчика из культурной семьи, который в числе детдомовцев оказался совершенно случайно. Из-под кепки выглядывал темный, кудрявый чуб, черные глаза смотрели на меня с интересом. Короткое пальто было ему немного маловато. Особенно рукава. Поэтому смотрелось оно на Бернесе крайне нелепо. Будто с чужого плеча сняли и на него напялили. А вообще, пацану быстрее подошла бы скрипка в руках и чтоб он где-нибудь на сцене исполнял классическую музыку, а никак не вот это все.

— Выяснили? Разобрались? — Спросил он меня сходу, едва только увидел, как я выскочил из барака.

Разговаривал Бернес очень доброжелательно. Да и вообще производил приятное впечатление. Как-то я его сразу не заметил среди остальных, когда мы с Клячиным пришли.

— А я говорил им, ерунда это. Ну, какая из тебя крыса? Видно же, нормальный парень.

— Ага. Выяснили. Слушай, у тебя, говорят, зеркало есть? — Я сразу перешел к делу. Поговорить о том, какие мы все классные пацаны можно и потом. Один черт времени, похоже, будет много.

— Ну, есть... Подарок. А тебе зачем? — Бернес заметно удивился вопросу. И при этом немного загрустил. Видимо, раздавать всем направо-налево свои вещи ему не очень-то хотелось.

Впрочем, оно и понятно. Вел я себя сейчас, как не вполне адекватный тип. Сам прекрасно понимаю, насколько странно мой заскок выглядит со стороны. Но мне кровь из носу надо было снова посмотреть на свое отражение. Срочно. Тот, первый раз с мутным, грязным стеклом не считается.

— Дай, а? Прямо минут на пять. Сразу отдам. — Я протянул руку, от нетерпения

притопывая ногами.

Пацан с сомнением рассматривал мое лицо, подозревая какой-то подвох. Может, думал, его теперь проверяют. Не на крысятничество, конечно, но, например, на отношение к коллективу.

— Да честное слово! Верну сразу! Две минуты даже. Прямо тут, при тебе. Да что ты жмешься? Что за ценность такая? Зеркало зажал?

— Это подарок. — Повторил Бернес сухо, но потом все-таки сунул руку в карман пальто и вытащил оттуда предмет нашего разговора. Зеркальце было небольшое, круглое, с открывающейся крышечкой и, подозреваю, серебряное.

— Ни хрена себе... — Я поднял удивленный взгляд на Бернеса. — Ты как его вообще умудрился сохранить? Тебя точно из детского дома привезли? Это же... Это дорогая вещь. И судя по вензелям, именная...

— Из детского дома, да. Оттуда я. Как же ещё. — Он пожал плечами. — А это — подарок. Говорю же. На память один человек вручил. Нет уже этого человека. Сохранил... Ты имеешь в виду, почему у меня никто не увел такую дорогую вещицу? Да потому что все знали, убью, если кто-то тронет.

— Здóрово... — Протянул я, с опаской рассматривая пацана. И ведь не преувеличивает скрипач...

Вообще, маньяки всегда выглядят именно так. Тихие, спокойные, приличные. Вот и этот тоже. С виду — добрейшей души парень, а на самом деле — черт его знает. Вещица, конечно, дорогая. Но уж убивать... А он сказал это так спокойно, что я на сто процентов понял, убьёт не задумываясь. Отличная компания у нас тут собирается...

Тем не менее, вопрос с лицом волновал меня сейчас гораздо сильнее. Я схватил зеркальце, открыл его и принялся вертеть башкой во все стороны, пытаюсь максимально хорошо рассмотреть отражение. Потом попробовал представить, как бы наше с Реутовым лицо выглядело, если ему, этому лицу, накинуть лет сорок сверху.

— Да ну на хер... — Моя рука сама опустилась вниз. Ослабела она что-то. И рука ослабела, и ноги тоже.

— Ты чего? — Пацан осторожно забрал свое ненаглядное зеркало и моментально сунул его в карман.

— Ничего. — Я посмотрел на него, а потом развернулся и пошел обратно в барак.

Молча промаршировал к кровати под удивлённые взгляды детдомовцев. Постоял, потупил. Затем плюхнулся на нее. Мне срочно надо было присесть. Секунду просто пялился в пустоту, а потом обхватил руками голову, пытаюсь привести мозги в порядок.

— Эй, ты... — Начал было Василий.

— Погодь, Заяц, не лезь. — Одернул его Подкидыш. — Чёй-то не то у нас с Алексеем. Дай в себя ему прийти. Видишь, пришибленный совсем вернулся.

— Да чё не то? Не дал ему Бернес зеркало разве? — Василий попытался снова пошутить, но в ответ получил звонкого леща от Лёньки.

— Тебе сказали человеческим языком. Не тронь его. Захочет, сам скажет. — Крепыш окинул взглядом остальных. — А вы чего вылупились? Ну-ка быстро драить комнату. До весны не управимся такими темпами.

Я в этот момент уже не вникал в разговор пацанов. Был в ахере. Наверное, так можно наиболее точно передать мое состояние.

Вот это номер! Вот это поворот! Вот так хотелось мне сказать, громко и вслух. А еще хотелось поднять голову вверх и громко спросить: «Вы там совсем офонарели?».

Фраза, которую ляпнул Заяц про Подкидыша... Хрен моржовый...

Именно вот так, слово в слово, эту присказку несколько раз говорил мой отец. Однажды я поинтересовался, что, мол, за тупое выражение. Какое-то слишком жаргонное, что ли. А батя у меня точно не был замечен ни в чем подобном. С законом у него все ровно. Ну, как все...

Про взаимоотношения с налоговой точно не скажу, меня в такие подробности никто не посвящал. Однако со всем остальным, согласно УК РФ, а так же десяти заповедям, не убей, не укради и так далее, — у отца отлично все. И не убил, и не украл.

— Дед твой так говорил. Редко, но метко. — Ответил батя на мой вопрос про необычную фразу, а потом, усмехнувшись, покачал головой. — Если ему не нравился человек, мог прямо в лицо зарядить. Есть в Вас, гражданин, что-то северное. Похожи Вы на хрен моржовый...

— Дед! — У меня оба глаза полезли на лоб.

Просто батиного отца я знал хорошо. Он у нас профессор в каком-то там поколении. При слове «дебил» или «дурак» у него кривится лицо во все стороны, а далее следует лекция на час, что в нашей семье так не выражаются. В нашей семье — только приличные люди. После словосочетания «приличные люди» отец всегда подозрительно быстро отворачивался в сторону. Сдаётся мне, тихо ржал.

В общем, дед и батя особо близкие отношения не поддерживали, потому что первый считал последнего позором семьи, променявшим ученую степень на карьеру торгаша.

— Да не твой... В смысле твой, но не тот, который мой. С материнной стороны.

Вот тут я обалдел повторно. Мать моя, как рассказывал отец, дамой оказалась ветренной и в

возрасте двух лет...моих, естественно, двух лет...пришла к выводу, что совершила крайне необдуманый поступок, выбрав семейную жизнь и рождение ребёнка. А было ей, на минуточку, тридцатник в то время. Варианта два. Либо она отличалась настолько скудным умом и сообразительностью, что даже в эти годы плохо отдавала отчет своим поступкам, либо... Либо тяга к полигамии, которой я всегда отличался, не имея в тридцать пять лет даже жены, не то, чтоб детей, у меня точно не от отца.

И теперь, значит, выясняется, был еще и дед.

— Да он умер. — Отмахнулся батя в ответ на мой офигевший взгляд. А потом подумал несколько секунд и добавил. — Наверное, умер. Там такой человек...особенный. Пожалуй, наверняка и не скажешь. Хотя, чисто по возрасту, точно должен уже. Он родился еще до войны. Войну прошёл. Когда под настроение, такие байки травил, закачаешься. Вроде, в СМЕРШ воевал. Представляешь? А сам с виду, раздолбай раздолбаем. Наташа рассказывала, что его все детство не было рядом. Он вроде даже и на ее матери женат не был. Точно не скажу.

Наташа — это моя мать, которую я никогда не видел. Только на фотках. Отец мне их показывал без особого желания.

— А! Да сейчас... — Выдал он и отправился в свою комнату.

Вернулся буквально через пять минут. В руках держал несколько старых снимков. Реально старых. Их ещё на плёночный фотоаппарат делали.

— Вот. Видишь. Справа, с бантами, это Наташа. Слева — ее отец. Твой дед, то есть.

Умрешь... Будто я мог их перепутать. В общем, тогда и увидел впервые второго деда, с которым никогда не встречался. Помню, меня тогда поразил его взгляд. Он смотрел прямо в объектив, фотку, похоже, делали в специальном салоне. Было что-то в этом взгляде... Не знаю. Так и не объяснишь. Опыт, годы, вызов, насмешка, авантюризм.

— Прощельга какой-то... — Сказал я тогда отцу. Мне было-то, наверное, на момент разговора, лет двадцать. — Вообще не похож на героя войны.

— Не знаю. Не могу сказать наверняка. Правда, я с ним общался достаточно часто, когда мы с Наташей встречаться начали. Ее мать умерла и она с ним как раз жила последние годы перед нашим знакомством. Я был тогда...Ни кола, ни двора. Институт бросил, меня отец из дома попёр. Сказал, пока не одумаешься, не возвращайся. А я назло ему чуть по чуть барыжить начал. Тогда с этим сложно было. Статья только так могла прилететь. Ну, ничего, пронесло. Так вот, мы с Наташей начали встречаться, и она частенько меня звала в гости. Ночевал у них. Нет, не в том смысле...

Отец засмеялся и покачал головой.

— Не как у вас сейчас — все быстро. На самом деле, просто ночевал. Лучше, чем в общежитии. Я

же в училище пошел и на завод в ночные смены, чтоб мне общагу дали. Ну, вот мы с Алексеем Ивановичем тогда и сдружились. Много о чем говорили. Интереснейший человек оказался. А ты представь... Матери твоей двадцать исполнилось. На дворе — 1978 год. Еще такой гласности не было. Ну, я, конечно, фарцой уже занимался, однако, о загранице знали мы понаслышке. По фильмам Бельмондо и по некоторым статьям в журналах. Однако этот загнивающий буржуазный мир казался нам загадочным и чем-то крайне привлекательным. А Иваныч... Он их всех, буржуев, имею в виду, жуть как не любил. И вот иногда на кухне, пока чай пили, про войну рассказывал. Что интересно, только про войну. После войны — ни слова. А Наташа все ему простить не могла, что они с матерью почти десять лет вдвоем жили. Он в ее жизни появился только после смерти твоей бабушки. Ну, с той стороны. Ладно... Это так, к слову вспомнилось. Спросил про фразу... Сам не знаю, почему она мне в голову запала ещё тогда, и до сих пор выскакивает. Звучит, наверное, прикольно.

Отец пожал плечами, забрал фотку и ушел в свою комнату. Мы еще жили в квартире, в центре Москвы. Дом он уже спустя пару лет приобрел.

И вот, что теперь получается...

Я тряхнул головой, посмотрел вокруг. Старая комната барака. Рядом — детдомовцы. Кто-то опять окно натирает. Кто-то со стороны косится, но не подходит. Я, наверное, и правда с таким видом вернулся, что они решили — меня лучше пока не трогать. Сто процентов, выглядел психом.

Бернес, кстати, тоже был в комнате. Он стянул свое нелепое пальто, а затем принялся собирать мусор, который валялся по углам. Вполне себе приличная, прямо таки идеалистическая картина. Нам бы ещё пионерские галстуки и песню политически правильную... Твою ж дивизию!!!

И вдруг так мне стало смешно, что я, не выдержав, заржал прямо в голос. Сидел, как дурак, на кровати, ухахатываясь и хлопая ладонями по коленям.

Алексей Иванович, значит... Мой дед... И ведь сразу подумал, рожа знакомая. Только я ее, эту рожу, видел в гораздо более старшем возрасте один единственный раз. Потому сразу не врубился. Только ощущение возникло, будто черты знакомые.

— Эй, Марк! — Окликнул Бернеса Лёнька. — Ты чего ему там на улице показал? Ты гляди, Алёша что исполняет...

— А я говорил, говорил... — Тут же влез со своим ценным мнением Василий. — Нечисто с ним. Точно, нечисто. С башкой у него чего-то не то.

— Ну, вообще, ты совсем недавно уверял, будто он — крыса. — Резонно возразил Бернес, окинув Василия неприязненным взглядом.

— Да чего вы удивляетесь... — Подкидыш громко втянул носом воздух, набрав попутно слюны в рот.

Он собрался было плюнуть на пол, но вовремя заметил суровый взгляд Лёньки, который медленно покачал головой из стороны в сторону.

— Будешь сам мыть. — Многозначительно сказал Лёня. — И не только в одном месте. Давай уже, завязывай...

Подкидыш скривился, но предупреждению внчл. Метнулся к открытому окну и плевок полетел на улицу.

— Алеша рассказывал, как чуть не утоп. — Иван вытер тыльной стороной ладони рот, — Да еще и при нем этот ваш... Как там его... Другой, в общем, сгинул. Может, у человека теперь приступы случаются.

— Все нормально. — Вмешался я в их разговор, пока меня реально в психи не записали. — Вспомнил кое-что...

— Ни хера се... Веселые, наверное, у тебя воспоминания. — Хохотнул Подкидыш.

Возможно, избежать расспросов со стороны детдомовцев мне бы не удалось. Скорее всего, они бы точно захотели выяснить, что за воспоминания такие смешные. Но в этот момент в комнате появился еще один человек.

— От итить-колотить... Вы чего, черти! До завтрашнего утра собираетесь порядка наводить?

На пороге комнаты стоял мужик, лет пятидесяти. В форме, как положено. Правда форма на нем смотрелась, будто на корове седло, честное слово. У мужика было слишком простое, какое-то деревенское, что ли, лицо. Круглое, похожее на блин, с носом-картошкой посередине этого блина.

— А ну, стройсь! — Рявкнул он вдруг во весь голос. — Сейчас я вам, ироды, настоящую жизнь покажу. А то вы, похоже не поняли, куда попали.

Глава 16

В которой я занимаюсь совсем не тем, чем хотелось бы

«Настоящая жизнь» в понимании сержанта государственной безопасности Шипко выглядела совсем не так, как можно подумать при упоминании супер-пупер секретной школы НКВД.

Я, конечно, не спец в теме внешней разведки, но, мне кажется, нас тут должны учить немного другому. Ну, как немного... Просто охренеть, насколько другому.

К примеру, водить машину, стрелять из пистолета, вскрывать замки дверей и сейфов, воровать и фотографировать секретные документы... Я уж не говорю про навыки, типа умения драться во всех возможных стилях и способности соблазнять любую женщину в диапазоне от пятнадцати до семидесяти лет взглядом. Хрен с ним, на коронную фразу:”

Реутов. Алексей Реутов...” и мартини с оливкой я не рассчитываю. Времена пока еще не те.

А что мы получили в результате? Вряд ли разведчикам пригодится та наука, в которую с ходу начал посвящать детдомовцев горластый чекист.

— Вообще не пойму, куда нас привезли... — Бурчал Подкидыш, ползая рядом со мной по дощатому полу, который он, стоя на коленях, усердно натирал здоровенной щёткой. — Что это за особая Школа? Интересно мне... Поломоев и окнодраев? Вот мляха-муха, как получается... Стоило ради этого тащиться хрен пойми куда... Хотя пацаны мои не видят... Позору было бы... До конца жизни не отмоешься...

Собственно говоря, я целиком и полностью разделял эмоции Подкидыша. Этот круглолицый здоровяк, явившийся в барак, оказался нашим воспитателем. Или куратором. До конца так и не понял, если честно. А он не особо подробно объяснял. Заорал с порога, что мы жопорукие недоделки. Потом чуть ли не пинками раскидал всех по сторонам, каждому определив конкретное дело. Тут же обнаружилось еще одно ведро, куча тряпок и щетки для пола, которые торжественно были вручены мне, Зайцеву и Ваньке. Лёньку определили водоносом. Марк и еще двое парней доводили до ума окна.

Представился круглолицый — сержантом государственной безопасности Шипко Николаем Панасовичем. Система местных обозначений и званий меня нервирует, если честно. Слово через слово надо государственную безопасность вставлять. Вот на хрена? Неужели без этого уточнения непонятно, что в Школе НКВД вряд ли кто-то другой может быть.

— Разин, не отвлекаться, растудить твою туды! — Раздался прямо над нашими головами зычный голос Николая Панасовича. — Реутов, отполз на свой квадрат! Рассредоточиться, черти! Чего ты к нему жмешься, как девка на сеновале!

Имя, кстати, сержанту подходило не очень. А вот с отчеством — точь в точь попадание. Панасович и есть. Он во-первых, постоянно не говорил, а орал, как потерпевший. Будто мы — глухие. А во-вторых, в его речи обычных, нормальных слов было раза в два меньше, чем каких-то дурацких фразочек и присказок.

— Полы моются не руками, а жопой! Прижми тряпку к полу и давай, бедрами, вправо-влево, вправо-влево! Видишь, никаких разводов не остается!!! — Надрывался Шипко, двигаясь след в след за Василием, который свою участок спальни натирал уже в пятый раз.

Причём, этот Панасыч ухитрялся видеть сразу все косяки, будто у него не два глаза, а пять. И три из них — на залнице. Вот — он Зайца дрессирует, а через секунду — уже в другой части комнаты на кого-то другого орет.

— Либерман, едрить твою налево! Кто так выжимает? Девку так будешь тискать, а выжимать надо вот! Аккуратно, но уверенно!

Сержант госбезопасности в два шага оказался рядом с Марком, фамилия которого, как я и думал, оказалась вовсе не Бернес, отнял у него половую тряпку, резко ее крутанул двумя

руками сначала в одну сторону, потом — в другую, и швырнул обратно в ведро.

— А теперь сам! Сам, говорю! Повторять! Я вас научу Родину любить! Вы у меня быстро ума-разума наберетесь!

Шипко обвёл остальных детдомовцев, которые рассредоточились по комнате, суровым взглядом. Судя по выражениям лиц моих товарищей, они бы с гораздо большим удовольствием сержанта государственной безопасности утопили прямо сейчас в одном из ведер.

— Да мы ее уже так любим, что глаз на жопу лезет... — Тихо пробормотал Лёнька. — Скоро со всех щелей эта любовь попрёт...

Он как раз проходил мимо со вторым ведром, наполненным чистой водой, за которой пришлось таскаться на улицу. Там, с торца здания, имелся здоровенный кран, который, по словам все того же Шипко, будет нам служить и умывальником, и душем, и источником воды для хозяйственных нужд.

— Я не понял, Михалёв! У тебя какое-то недовольство прозвучало! — Тут же вскинулся Николай Панасович на Лёнькины слова.

— Ни в коем разе, товарищ сержант государственной безопасности! — Бодро рявкнул в ответ Лёнька. — Ах ты ж, сука!

Он вдруг нелепо взмахнул руками, причем даже той, в которой было полное ведро, подкинул смешно ноги вверх и плюхнулся прямо на зад, опрокинув почти все содержимое ведра на себя.

— Заяц, млять! — Выругался от души Лёнька, распластавшись в луже воды. — Ты на хера тут мыло оставил! Придурок...

— А вот это, Михалев, верное замечание по содержанию. — Шипко подошел ближе, наблюдая с усмешкой за Лёнькой, который начал как раз подниматься. — Но неверное по форме, в рот вам ноги! Нет больше Зайца. Ясно? Есть Зайцев. А ещё вернее слушатель школы особого назначения Василий Зайцев. Понятно?

Сержант госбезопасности ткнул пальцем в Васькину сторону.

Потом развернулся к остальным. Все семь человек корячились по комнате, заканчивая ту работу, которую распределил поимённо этот местный Мойдодыр.

— Вот он — Либерман, а не Бернес. Это — Разин, а не Подкидыш. Тут у нас — Иванов, а не Рысак. Корчагин, а не Склизкий... — Называя каждого детдомовца по фамилии, Шипко подходил ближе к тому, о ком шла речь, и чуть ли не в лицо совал ему свой толстый, похожий на сардельку, палец.

Я оказался последним в списке.

— Ну... тут Реутов. Даже удивительно, чего это он у вас без прозвища... Значится так! Вы эти замашки свои уличные чтоб забыли в момент! Ясно! И прошлую жизнь тоже! Все! Нет больше беспризорной шпаны! Нет воспитанников детского дома! С чистого листа все. С маленького росточка. И чтоб из этого росточка получился крепкий, надежный дуб, необходимо смотреть только вперёд! Ясно!

— Во млять... Теперь мы еще и дубы... — Снова высказался Подкидыш, но само собой, так, чтоб Шипко его не услышал. Есть подозрение, Николай Панасович вполне способен перейти от словесных нравоучений к физическим.

А еще меня удивило вот что. Сержант, между прочим, видит нас первый раз в жизни. Мы час назад вообще не подозревали о его существовании. Однако, он уже не просто различает всех детдомовцев, а наизусть помнит имена, фамилии и даже прозвища. Семь человек, конечно, не семьдесят. Согласен. Но и Панасыча, если судить по внешности, никак не заподозришь в глубочайшем интеллекте и фотографической памяти. Встретишь такого на улице в воскресный день без формы, так и внимания не обратишь. Обычный колхозник, который картошку на рынке продать приехать. Сравнить, к примеру, его с тем же Клячиным. Тот — волчара. Один взгляд чего стоит. Аж пробирает.

— Родина дала вам шанс стать людьми, а вы не хотите им воспользоваться! Босяки с уголовными привычками могут не тратить время и сразу отправляться восвояси! — Продолжал разглагольствовать Шипко, как будто не в бараке стоял перед детдомовцами, а на заводе партийный митинг проводил. Да и к тому же, знаем мы это «восвояси». А то прям с секретного объекта кого-то из нас запросто отпустят. — Здесь же вам придется стать настоящими людьми, ежедневно доказывая себе и своим товарищам, что Родина в вас не ошиблась! Это понятно? И самое главное! Помните, теперь вы — одно целое. Кулак!

Шипко сжал руку, а затем показал нам для наглядности, каким именно кулаком мы должны быть.

— Да поняли, поняли... — Лёнька, которого пацаны называли Старшóй, кряхтя и потирая задницу, встал на ноги. — Просто слушатель Василий Зайцев тут вон мыло в луже бросил. Гнида криворукая...

— Вот и объясни товарищу, что он не прав! В рот-компот! Нормально объясни, по-человечески. — Шипко окинул взглядом спальню, а потом довольно высказался. — Ну, вот. Молодца! Сейчас Разин с Реутовым свои квадраты закончат и все. Помещение готово к заселению. Уборка — дело нужное. До уборки сарай, а теперь — хоромы.

— Мы вообще были не против сарая... — Снова буркнул Подкидыш. Потом отодвинул щетку, вскочил на ноги и громко отрапортовал. — Разин свой квадрат закончил!

— Разин хвосты коровам крутит на Смоленщине, а здесь слушатель Разин! Я что, непонятно объясняю? — нахмурился Шипко.

— Никак нет, — Исправился Подкидыш. — Слушатель Разин уборку своего квадрата

закончил!

— Вот, то-то же, едрёна вошь!!! — одобрительно кивнул сержант и уставился вопросительно на меня.

Я пару раз теранул свой участок, заодно зацепил лужу, которую оставил Лёнька. Мне не жалко, а закончить этот день ПХД хотелось уже очень сильно. Затем отодвинул щетку и поднялся на ноги.

— Товарищ сержант, слушатель Реутов уборку порученного квадрата закончил!

— Кто-о-о-о! Кто я! — Рявкнул Шипко. У него аж глаза кровью налились за одну секунду.

— Товарищ сержант государственной безопасности, слушатель Реутов уборку закончил! — Исправился я, мысленно желая ему провалиться вместе этими «государственными безопасностями» к чертям собачьим.

— Воооот... Теперь — хорошо... Стройся! — Выкрикнул Николай Панасович с каким-то нездоровым восторгом.

— Да ну на хрен... — Застонал Подкидыщ, который стоял ко мне ближе всех. — Что еще?

— Значится так, черти... — Шипко заложил руки за спину, с любопытством наблюдая, как мы становимся в рядок. Рядок этот, правда, вышел в итоге кривоватым, но наш наставник по уборочным делам, решил, видимо, к такой мелочи уже не придирается. — С сегодняшнего дня я стану для вас ближе родного отца и практически родной матерью. Так что радуйтесь, черти. Вы больше не сироты. Как жить дальше — говорить вам буду я. Что о вас думает руководство — доведу вам тоже я. Все вопросы, которые возникнут у вас — ко мне. Если вопросы возникнут у меня — вам это не сильно понравится. Ближайшие два месяца будете жить здесь. В этом корпусе...

— А-а-а-а... Это корпус... — Тихо прокомментировал Лёнька, который стоял по праву руку от меня. По левую — с ноги на ногу переминался Подкидыщ.

— Корпус для особо одаренных, в глаз те дышло! — Шипко, видимо, обладал не только громким голосом, но и отличным слухом. Поэтому, высказывание Старшего услышал. — Сейчас говорю я, Михалёв! Впитываем всеми частями тела и мотаем на ус! Дважды повторять не буду. Понятно?

— Извините, товарищ сержант государственной безопасности... — Марк сделал шаг вперед.

— Не извините, а разрешите обратиться. Запомнить!

— Есть запомнить! — Гаркнул Бернес в тон Панасычу. — Товарищ сержант государственной безопасности, разрешите обратиться?

— Разрешаю, — Одобрительно крикнул Шипко.

— Чисто с научной точки зрения, выпить частями тела мы не можем. Это противоречит строению человеческого организма... — Оттараторил Бернес, вытянувшись в струнку и старательно тараща глаза на Николая Панасовича.

Рядом тихо прыснул кто-то из пацанов. Настолько тихо, что я не понял, кто именно.

— М-м-м, — Протянул Шипко, внимательно разглядывая стоящего перед ним детдомовца.
— Я смотрю, по хорошему вы не понимаете... Шутки шутить вздумали? Ну, да... Ну, да... Смешно...

То есть, все, что было «до» — это по-хорошему... Мандец... Боюсь представить, как будет по-плохому. Вообще, происходящее сильно напоминало мне тот далекий год, который провел в армии. Правда, скажем честно, служил я хорошо. В части у отцовского товарища. Мне не пришлось особо напрягаться. Но вот некоторые моменты на самом деле были один в один. Ну, еще, пожалуй, разница в том, что в армии за самый хреновый косяк можно было максимум нарваться на «дизель». А здесь — на пулю. Это — очень важное отличие.

— Никаких шуток, товарищ сержант государственной безопасности! Просто решил осветить вопрос с научной точки зрения. — Все таким же бодрым голосом ответил Бернес.

Хотя присутствующие, включая самого Панасыча, прекрасно поняли, пацан откровенно глумится.

— С научной... — хмыкнул Шипко. — Ну хорошо... Наука, это, понимаешь, серьезно! Науку мы уважаем... Так вот... По науке, всякое действие рождает противодействие... Слыхали? А ну! Упор лёжа принять! Быстро, быстро! Зайцев, не филонь, команда всех касается! Вы теперь — вот! Одно целое!

Панасыч снова выставил вперед руку, продемонстрировав нам кулак. Правда, мы уже не особо его разглядывали. Принимали упор лёжа. Кто-то просто молча. А кто-то, матерясь.

— Михалёв, задницу прими! Куда выставил! А если враг! Самое ценное отстрелит. Отжимаемся! На счёт раз касаемся грудью пола! На счет два выпрямляем руки! Раз! Два! Раз! Два!

Панасыч расхаживал туда-сюда с довольным лицом. Его физиономия буквально светилась от восторга. Не знаю, чему он больше радовался. Возможности погонять нас еще больше или тому факту, что тяжелее всех было именно Марку. Даже я, в теле Реутова, оказался достаточно выносливым, и это, кстати, не может не радовать. Значит, есть шанс подтянуть свои возможности. Хотя, как свои? Деда...

То, что Реутов — мой ближайший родственник в голове укладывалось с трудом. Возможно, из-за того, что мы в реальной жизни никогда не встречались. Вернее, маленьким он меня, получается, видел, но я его, само собой, не помню.

— Раз-два! Раз-два! — Радостно повторял Шипко, явно не собираясь заканчивать этот

марафон физкультурника.

Бернес не выдержал первым. В какой-то момент силы его оставили, и вместо очередного отжимания он просто уткнулся лицом в пол.

— Я больше не могу! — Простонал Марк.

— Встать! — немедленно среагировал Шипко, с довольной улыбкой наблюдая, как медленно мы принимаем вертикальное положение. Он медленно подошел к Бернесу и ласковым голосом спросил:

— Ну, так что, профессор Либерман? Вы осознали? Ощутили, какие части тела могут впитывать мои слова? Или надо их сделать более чувствительными?

— Почувствовал, товарищ сержант государственной безопасности! — ответил Бернес.

Но при этом лицо у пацана было такое, что я без малейших сомнений понял, ни черта он выводов не сделал. При первой же возможности снова попытается высмеять Панасыча.

— Вот видите... — Шипко окинул детдомовцев торжествующим взглядом.

Рядок наш, кстати, стал еще более кривым, чем изначально. А некоторые части этого рядка, в лице Василия, старались незаметно опереться плечом о стоявшего рядом Старшого.

— Я, может быть, не шибко образованный. Умные слова говорить не всегда умею! Но кое-что объяснить могу вполне доходчиво. Повторяю вопрос ещё раз! Все поняли, что мои слова надо слышать, а затем впитывать частями тела?

— Так точно! — гаркнули мы, и Шипко, наконец, успокоился. Он с довольным видом потер ладони, а потом скомандовал:

— Тогда одеваем верхнюю одежду, строимся и выходим на улицу! Поработали, можно перекусить! Проголодались, наверное?

Отвечать никто не стал. Видимо, на всякий случай. Чтоб нам еще чего-нибудь не прилетело. Мы молча схватили куртки, пальто, тужурки, у кого что было, напялили их и выстроились в колону.

Николай Панасыч повёл нас в сторону двухэтажного здания, где я с утра наткнулся на директора.

— Че-то школа эта сильно напоминает совсем другое место... — Прокомментировал за моей спиной Подкидыш. — Не хватает вышек и собак. Вообще было бы один в один. Ходим строем. Работаем, как проклятые...

— Ты бы не каркал, Ванька... — Тут же отозвался Старшой.

— Не знаю, как вы... А я здесь ненадолго... — Заявил Подкидыш, но сразу замолчал, оглянувшись на Василия. Видимо, не только я считаю Зайца мудаком.

Тем более, мы уже подошли к основному корпусу и Панасыч, который топал впереди, остановился, дожидаясь, когда все соберутся в кучу.

По идее, этот день уже не мог стать хуже, чем был. По идее... Оказалось, нет предела совершенству...

Глава 17

В которой я узнаю, что не все «товарищи» мне — товарищи

Уже пора, наверное, привыкнуть к тому, насколько внезапно и с огоньком в моей новой жизни теперь приключаются различные события. А еще, кажется, я начал понимать, почему лицо материнного родителя показалось мне похожим на лицо афериста со стажем. Просто, если сейчас я в его теле проживаю ту жизнь, которую реально прожил он, то все становится тогда на свои места. Реутов только и успевает, что прыгать из одной задницы в другую, потом выбираться из следующей, и практически сразу вхерачиваться в жир ногами.

Правда, это осознание, ровно как и мысль, что не такое уж плохое было лицо у деда, пришли ко мне чуть позже, после того, как закончился ужин. А пока...

Как говорится, ничто не предвещало беды. Впрочем, в тех условиях, в которых я оказался, сложно понять, что здесь вообще, с бедой. То ли она уже навалилась, то ли вот-вот станет еще бедовее, а все предыдущие проблемы и заботы — цветочки.

Шипко привел нас в столовую, которая располагалась в том самом основном корпусе.

— Везет кому-то... — Подкидыш крутил головой по сторонам и недовольно пыхтел. — Жратва под боком, душевую вон только что прошли. Поди сортиры здесь всяко культурнее, чем наша спальня... Почему нам какой-то обсосанный барак выделили...

— Ну, ты даешь. — Засмеялся Лёнька. — День всего в слушателях ходишь, а уже, ты погляди, сортиры ему подавай особенные...

— Цыц! — Прикрикнул Шипко. Мы как раз колоной вошли в столовую. — Вот сюда, на крючки вешаем свою одежду. Аккуратно вешаем. Суеты не создаем. Что вы... Как бабы на базаре, честное слово...

Однако, детдомовцы, почувствовали запах еды. Им уже было до фонаря, в каком виде на крючках висит их одежда и что по этому поводу думает сержант государственной безопасности. Я, кстати, и сам проголодался так, что живот скрутило в морской узел только при одной мысли об ужине.

И надо отдать должное, ужин был просто королевский. Не сам по себе, конечно. Деликатесами баловать никто не собирался. Но в сравнении с тем, что приходилось есть в

детском доме — настоящий праздник живота.

Когда перед нами появились тарелки с макаронами, сверху которых в каждой порции лежало по здоровенной котлете, салат из свежей капусты, хлеб и компот, впечатлился даже вечно недовольный Подкидыш.

— Вот это да-а-а... — Он наклонился вперед и провел носом сначала в одну сторону, потом в другую, прямо над едой. — Вот такой поворот мне по душе...

Ванька схватил ложку, собравшись накинуться на ужин, однако сразу же едва не тюкнулся лицом в тарелку от смачного леща, прилетевшего ему сзади.

— За что! — Подкидыш оглянулся на Шипко, потирая затылок. — Вы чего деретесь, товарищ сержант государственной безопасности? Ничего же не натворил!

Лицо у него выглядело по-детски обиженным.

— Еще бы натворил... Я сказал, Разин, старые привычки забываем. — Панасыч оперся рукой о стол, справа от Ваньки, и немного подался вперед. Со стороны казалось, он хочет поведать Подкидышу какой-то секрет. — Сегодня вас не стану до конца третировать. Но имейте в виду, одной из дисциплин будет, в том числе, этикет. Для неразумных объясняю, этикет — это культурное поведение. Ясно? Нечего на еду кидаться, будто у вас ее сейчас отнимут. Привыкайте вести себя соответствующим образом.

— Красота-а-а-а... — Заржал Зайцев. — Это вся интеллигентская херня, что ли? Вилки, ложки, ножи, поварешки? Салфетки на рожу научимся вязать? Или куда там их вяжут...

— Жри уже! Молча! — Сорвался Подкидыш на Василия, а потом сам осторожно зацепил ложкой небольшую порцию макарон.

На всякий случай Ванька покосился на Шипко, который, оторвавшись от стола, сделал шаг назад и теперь замер за нашими спинами, наблюдая, как мы ужинаем. Сержант госбезопасности кивнул, мол, все верно делаешь. Только после этого Подкидыш сунул макароны в рот, зажмурился и принялся их тщательно пережёвывать.

— Николай Панасович! — Не выдержал Лёнька через пять минут. — Ну честное слово, так ведь подавиться можно. Кусок в горло не лезет.

— А ты его через «не лезет» запихивай... — Усмехнулся Шипко, однако все-таки отошел дальше от стола.

Кстати, он даже на имя и отчество, которые Лёнька вместо звания ляпнул, никак не отреагировал. Наверное, понял, мы реально уже просто охренели от того, как активно прошла вторая половина дня. Я для себя отметил, не такое уж он говно, получается. С одной стороны строгий, а с другой — хоть что-то, да по-человечески делает.

Следующие двадцать минут в столовой стояла тишина. В том смысле, что никто больше ни о

чем не разговаривал. Только раздавался стук ложек о тарелки. Детдомовцы очень старались есть не торопясь, хотя давалось им это с трудом. Они периодически косились на Панасыча, но тот молчал и вроде бы даже выглядел довольным.

В общем ужин прошёл почти в семейной обстановке. Семья, правда, у нас неблагополучная какая-то. Да и хрен с ним. Всяко лучше, чем в детском доме. Проблемы начались гораздо позже и там, где я их точно не ожидал.

С самого начала, когда только пришли в столовую, заметил, столов и стульев здесь гораздо больше, точно не для семерых. Даже не для десятерых. Трое наших неизвестных товарищей пока неизвестными и оставались. Понятия не имею, какими их тайными тропами везут. А после того, как Клячин обсуждал с водителем «Воронка» отбор и то, что изначально кандидатов было больше, вообще не уверен, довезут ли.

В любом случае, столов в помещении оказалось многовато, но при этом практически все они оставались пустыми, не считая тех, что заняли мы. То есть на ужин нас привели в общую столовую, но, отчего-то кормили отдельно от остальных. Интересный вопрос... Это детдомовцев защищают таким образом от курсантов, или курсантов от детдомовцев? Глупость какая-то — отдельный корпус на два месяца, отдельное время приема пищи. Нас что, нельзя вместе в одном помещении держать?

Мы поужинали и вышли на улицу. Замерли возле крыльца, ожидая, пока товарищ Шипко оторвется, наконец, от дородной тетки в белом колпаке и белом же халате. Она сначала вывозила нам еду на тележке, а потом вышла проводить до самых дверей корпуса. Проводы, конечно, с детдомовцами никак связаны не были. Причиной столь трепетного отношения и пристального внимания оказался Панасыч.

— Товарищ сержант государственной безопасности, завтрак у ваших будет тоже чуть раньше. — Сообщила она томным голосом нашему воспитателю, а потом вдруг залилась краской. Будто речь шла не о еде, а о каких-то непристойностях. Я, конечно, в осадок выпадаю с интимно-романтических игр этого времени.

— Как скажете, Ниночка...

Шипко осторожно прихватил повелительницу кастрюль и сковородок за локоток. Но потом вспомнил о своих прямых обязанностях и с легким раздражением посмотрел на нас, мнующихся возле дверей. А так как команды выходить еще не поступало, мы реально мялись на одном месте. Снова отжиматься никому не хотелось. Панасыч нахмурился, а затем велел своему отряду стройной колонной топтать на улицу.

Вот мы и утопали. Шипко, похоже, хотел пару минут пообщаться с Ниночкой наедине. Ниночка... Я бы скорее назвал ее какой-нибудь Ниной Петровной или Ниной Васильевной. Даже рядом с Панасычем, который сам далеко не мальчик-с-пальчик, повариха казалось необъятной.

Мы столпились у крыльца, каждую минуту поглядывая на вход. После еды всех ужасно

разморило. Хотелось быстрее оказаться в корпусе, чтоб благополучно улечься спать. По крайней мере, за себя точно говорю.

— Ну, скоро он там... — Подкидыш со злостью сплюнул в грязь. — Нашёл время... Главное, как мы — так строим и упор лёжа. А сам стоит с этой тёткой милуется. Устали, как черти...

— Ах ты ж... — Бернес вдруг растерянно оглянулся на вход в корпус. Затем похлопал себя по карманам, нахмурился и снова оглянулся. — Зеркальце, похоже, выпало. Вернись!

— Куда! — Лёнька моментально поймал рванувшего к ступеням Марка за шиворот. — Ты уже отличился с Панасычем. Он тебя сейчас если увидит, даже разбираться не станет. Опять пойдём отжиматься. А я не могу. У меня брюхо набито. Если сделаю хоть одно резкое движение, сдохну.

— Вот и я говорю... — Шмыгнул носом Ванька. — Порядочные люди тут страдают, а Панасыч в гробу эти страдания видел...

— Мне нужно! Я должен найти зеркальце! — Бернес будто оглох и перестал соображать. Он продолжал упорно рваться ко входу, блеском глаз напоминая сумасшедшего, который одержим какой-то маниакальной идеей.

— Стоять, говорю! — Снова скомандовал Лёнька, не выпуская из рук воротник его пальто. — Сейчас решим... Заяц! Нук, сгоняй. Проверь рядом со столами.

— О! А чего это я! Мне не надо. Я не терял ни хрена. — Василий затряс башкой, и даже отошел немного в сторону.

— Вот ты гнида, все-таки... — От души высказался Подкидыш. — Бернес, не бзди, схожу...

— Подожди... — Я тормознул Ваньку, схватив его за руку. — Сам сбегаю. Ко мне у Панасыча меньше всего претензий было. Думаю, сильно орать не станет. Говорят, у меня хорошо получается строить из себя бедного сиротиночку.

Не дожидаясь ответа Подкидыша или реакции остальных пацанов, я шустро рванул к двери, за которой маячил товарищ сержант государственной безопасности. Видимо, разлука с Ниночкой была ему невыносима. Иначе, на хрена тереться рядом с этой тёткой столько времени.

Честно говоря, причин моего энтузиазма было две.

Первая — мне чисто по-человечески нравится Бернес. Сразу видно, нормальный парень. Он, наверное, из хорошей семьи, из интеллигентной. Манера говорить; слишком тонкие кисти рук, которые больше свойственны музыкантам, чем колхозникам; правильная речь — выдают в нем наличие воспитания, интеллекта и культуры.

Если уж я проведу здесь, в долбанной школе, год, а судя по всему, это неизбежно, пора обживаться настоящими друзьями, которые понадобятся в будущем. Шипко, каким бы

придурком он не был, сказал очень правильную вещь. Теперь одному будет тяжело. Нужен кулак.

Вторая причина — Лёнке пост лидера ни к чему. Он, может, и хороший человек, но я совсем не против забрать эту «должность» себе. А для такой смены «власти» надо заручиться поддержкой остальных пацанов. Чтоб все прошло тихо-мирно и мне не пришлось бодаться со Старшим. Ссор точно не надо. Ровно как и противостояния. Поэтому, с меня не убудет, если я по-дружески выручу одного товарища. Помогу другому...

— Реутов, ты куда! — Опешил Шипко, после того, как я проскочил в дверь и вытянулся перед ним по струнке.

— Товарищ сержант государственной безопасности, разрешите обратиться! — Оттарабанил я, на автомате едва не приложив руку к голове. Вот, что значит, армия... Один черт в памяти какие-то моменты прямо намертво въедаются.

— Разрешаю, слушатель Реутов. — Шипко явно понравилось мое поведение.

Он даже как-то приосанился, со значением посмотрев на Ниночку, которая никак не могла оторваться от бравого мужчины. Вид у Панасыча стал настолько довольный, будто это его личная заслуга, что я так быстро запомнил, как именно нужно обращаться к куратору.

— Во время ужина мною была утеряна очень дорогая, памятная вещь. Разрешите вернуться в столовую и посмотреть рядом с тем стулом, где я сидел и возле вешалки, где мы одевались. Не помню, куда именно клал, в карманы брюк или в карманы пальто. — Я тянул башку вверх, всем своим видом показывая, как сильно хочу соответствовать месту, в котором нахожусь.

— Ну... — Шипко пожевал губами, покряхтел, соображая, нет ли подвоха в моей просьбе, а потом махнул рукой. — Разрешаю, Реутов. Одна нога — тут. Вторая — здесь.

Больших усилий мне стоило промолчать про его эти «тут» и «здесь». По крайней мере, вполне понятно, почему он в свои годы — сержант...

— Моргнуть не успеете. — Заверил я Панасыча, а потом бегом помчался в столовую, которая находилась неподалёку.

Зеркало увидел сразу. Оно лежало на полу, рядом с крючками, на которые мы вешали одежду. Я схватил «прелесть» Бернеса и, крутнувшись на месте, рванул обратно. Почти даже успешно рванул...

— Эй! Ты слепой! Аккуратнее! Придурок!

Ясен пень, глаз на жопе у меня нет, поэтому и не заметил, как в дверях появился парень лет двадцати пяти. Следом за ним шли еще трое.

По итогу получилось так. Я, развернувшись, чтоб выскочить из помещения, и попутно

рассматривая зеркало, которое вертел в руках, со всей дури вхерачился башкой незнакомцу прямо в подбородок.

— Извини. — Посмотрел на него, потер место удара, пожал плечами и хотел протиснуться в коридор. Ситуация это совершенно случайная. Вообще не вижу проблемы в том, что произошло.

— Извини! Ты мне чуть челюсть своей башкой не сломал! — Этот идиот схватил меня за плечо, со всей силы сжимая пальцы. — А что у тебя? А?

Он вдруг протянул вторую руку, собираясь вырвать зеркальце Бернеса. Я шустро убрал свою конечность за спину. Если всякие дебилы будут хватать вещь Марка, из-за которой он в Голлума превращается, то мне такими темпами лидерства среди детдомовцев не видать.

Да и вообще... Роба у товарища, с которым столкнулись, была слишком бесячья. Я, конечно, после встречи с директором школы, выводы некоторые сделал. Не дурак. Но именно этот, конкретный тип, с зализанными назад волосами, наверняка из числа тех самых курсантов, которые, по утверждению Клячина, лучшие из лучших. Иначе у него бы не было настолько мудаческого выражения лица.

— Откуда у тебя эта дорогая вещица? — Придурок еще сильнее сжал мое плечо. — Украл, поди?

— Виктор, перестань. — Один из его товарищей, которые, кстати, из-за наших разборок не могли пройти, попытался напомаженного хлыща образумить. — Почему сразу украл? Отпусти ты его.

— Да куда там... — Засмеялся еще один курсант. — Товарищ сержант решил показать свою значимость... Ты его теперь с места не сдвинешь. Слышишь, Цыганков, отпусти пацана.

— Да он же из этих... Из беспризорников. Конечно, своровал. На рожу глянь его. Так и думает, чего бы еще украсть. Вы карманы проверьте, парни. А ну, признавайся! — Придурок с фамилией Цыганков потрянул меня за плечо и попытался вытащить из-за спины мою руку, в которой было зеркальце Бернеса.

— Ну, млять... Не обессудь... — Тихо высказался я, чувствуя, как начинаю звереть.

В конце концов, раскорячившийся передо мной тип — не преподаватель, не директор и даже, наверное, не полноценный чекист, раз его при звании отправили учиться. Лучшие из лучших, говорите...

Цыганков, в силу тупости, которая у него явно имеется, моей злости не заметил. Он как раз снова попытался отобрать зеркало. Я начал приседать, он, что вполне логично, начал машинально наклоняться, продолжая тянуть руку к блестящему футляру.

Это был тот самый, идеально подходящий момент, который мне нужен. Я просто резко встал в полный рост. Ну как просто... Ясное дело, случайности не случайны и в данном случае это

— неплохой стратегический ход, чтоб всякое мудачье немного прижало свою задницу. Естественно, по всем законам логики, после столь неожиданного для соперника пердимонкля, я втемяшился лбом прямо в нос Цыганкова. Ну а что? Это у нас с Реутовым мышцы слабые. Пока слабые... А мозги — очень даже сильные. Уж что-то, а как «невзначай» вывести такого идиота из строя, я прекрасно знаю.

— А-а-а-а! Сука! — Выругался Цыганков.

Ему пришлось отпустить мое плечо, чтоб ухватиться за свой собственный нос, из которого, вот незадача, хлынула кровь.

— Упс... — Я улыбнулся и пожал плечами.

Просто не мог не прокомментировать. А словечко это безопасное. Его в 1938 году не знают, конечно, однако и подозрительным оно не выглядит.

— Твою мать! Что за едрёна-Матрёна у вас тут происходит! — Раздался за спинами товарищей Цыганкова злой голос Шипко. Видимо, его внимание привлекла бестолковщина, которая происходила на пороге столовой. — Реутов! Ты, мляха-муха, чего тут устроил!

Панасыч растолкал парней и замер, переводя ошалевший взгляд с меня на Цыганкова, а потом обратно на меня.

— Это как? Это ты? — Спросил, наконец, Шипко. Он не уточнил, что именно я, но тут, пожалуй, и без подробностей все ясно.

Панасычу, кстати, пришлось значительно повысить голос, потому что «лучший из лучших» продолжал тихо материться и слегка подвывать, при этом пытаюсь зажать нос пальцами. Выходило у него забавно. С французским «пронансом».

— Никак нет, товарищ сержант государственной безопасности! — Я моментально вытянулся в струнку, уставившись на Шипко искренним, честным взглядом. — Вот, человек тут... не удержал равновесие и ударился о мою голову носом. Случайно получилось. Извините, я не специально, честное слово!

Естественно, «извините» предназначалось Панасычу, а никак не Цыганкову.

— Он кинулся в драку... — пробубнил зажимавший нос придурок. — Я требую разобраться с инцидентом.

Однако, его категорическое заявление, высказанное не менее категорическим тоном, вызвало смех парней, которые оказались свидетелями нашей стычки.

— Да ладно тебе, Витя! Чего ты заливаешь! — Вмешался один из них. — Говорили тебе, отстань от парня, а ты все своё хотел доказать. Товарищ сержант государственной безопасности, ваш воспитанник сказал правду. Все вышло случайно.

Шипко молча кивнул моему защитнику. Подозреваю, у Панасыча просто не было цензурных слов. А затем, одним весьма ощутимым тычком сержант госбезопасности выпихнул меня в коридор. Аж между лопаток, куда шмякнулась его ладонь, что-то хрустнуло.

— Ну, Реутов... Ну, едрить твою мать в душу... Из всех самых хреновых вариантов ты умудрился вляпаться в самый хреновый... — Громким шепотом прошипел Панасыч, рождая в моей душе смутное подозрение, что я опять где-то немножко просчитался.

Глава 18

В которой я снова вижу сны, но это путает меня еще больше

Я сижу в темноте и мне страшно. Очень страшно. Умом я понимаю, что темноты на самом деле нет. Она присутствует только здесь, в этом старом комоде.

Сквозь замочную скважину пробивается тусклый свет. Там, за пределами комода, — день. Вечер еще не наступил. Наверное... Но мне не выбраться самому на свободу. Мамы нет. Ее забрали двое мужчин. Ключ остался у мамы в кармане. Я не знаю, что делать. Можно стучать по стенкам комода, звать на помощь. И нужно, наверное... Но мне невероятно страшно.

В голове постоянно повторяется тот самый глухой звук. Словно упало что-то тяжелое. И ругань этих двоих. Ляпина и Разинкова...

— Ляпин и Разинков... — Повторяю вслух шепотом. — Ляпин и Разинков...

Какое-то злое, темное колдовство. Заклятие, которое сковывает меня еще сильнее. Они сделали плохо маме. Я почему-то в этом уверен. Они причинили ей вред.

Я не знаю, сколько прошло времени. Может, полчаса, может, час, может все пять. Мне кажется, будто каждая минута тянется бесконечно долго. Я хочу есть. Я хочу пить. Я умру в этом комоде. Точно умру. Но поднять руку, чтоб постучать, или закричать во весь голос, не могу.

Неожиданно слышу звук открывающейся входной двери. Потом — тихие неторопливые шаги.

Я осторожно прижимаюсь щекой к стенке комода и пытаюсь сквозь замочную скважину рассмотреть, кто это бродит по нашей квартире.

А потом... Вижу сапоги. Те самые. Первые. Грязные. Это Ляпин... Я точно понимаю, это он. Вернулся в квартиру.

От ужаса внутри все заходится в паническом приступе. Я теперь даже оторваться от замочной скважины не могу. Приклеился к ней намертво.

Сапоги медленно двигаются по комнате. Их хозяин, хозяин этих сапог, словно

прогуливается, рассматривая каждую деталь. То вижу грязную обувь рядом с комодом, то она совсем пропадает из поля зрения.

А потом сапоги приближаются к моему укрытию. Останавливаются. Раздаётся тихий шорох. Такое чувство, будто Ляпин гладит крышку комода рукой.

— Пацан... Парень... Я знаю, что ты там. Но ты молчи и слушай. Сделаешь, что скажу. Обязательно. Слышишь!

Я забываю, как дышать. Просто не могу ни вдохнуть, ни выдохнуть.

— Ты сейчас сосчитаешь до двадцати, а потом выберешься и выйдешь на улицу. Так тихо, чтоб никто, вообще никто, из соседей тебя не увидел. Понял? Запомни. Это очень важно. Ни одна живая душа не должна знать, что ты был в квартире. Спустишься вниз по улице до булочной, завернешь за угол, там — тупик. Сядь на старый ящик. Он стоит возле стены в углу. Я оставил тебе булку, завернутую в бумагу. Не бойся, она свежая, ешь спокойно. Это для тебя. Сиди и жди. Я обязательно тебя заберу. Ты можешь мне верить. Сейчас я для тебя добрый дядюшка, который поможет. Мама и папа обязательно присоединятся к нам позже. Главное — дождись меня. Это очень важно. От твоих действий зависит дальнейшая судьба родителей. Ты молодец, я это знаю. Все сделаешь правильно.

Неожиданно замочная скважина пропадает. Через нее больше ничего не видно. Я еле успеваю отодвинуться в сторону. А потом раздается скрежет. Звук ключа, который повернули в замке. В ту же секунду Ляпин отступает от комода и быстро уходит из комнаты. Он словно сбегает, опасаясь чего-то...

Еще почти пять минут сижу не двигаясь и прислушиваясь к звукам. Мне кажется, это — ловушка. Сейчас вылезу и он меня схватит. Потом, наконец, мои мысли начинают приходить в порядок. Я думаю, нет. Глупость какая-то. Зачем ему открывать комод, убегать и прятаться. Он и так мог бы вытащить меня наружу.

Осторожно толкаю дверцу. Она со скрипом распаивается. Я сижу, не двигаюсь. Смотрю на ту часть комнаты, которую теперь видно хорошо.

Возле стола валяется мамино пальто и лежит ее шаль. Это — дорогая вещь. Шаль. Мама ее очень любит и никогда бы не ушла без нее. И пальто... На улице холодно. Как она могла уйти без пальто? Невозможно.

А еще рядом с ножкой стола лежит кусок торта. Он размазался некрасивой блямбой на полу. Словно его уронили, неосторожно смахнув с тарелки.

Я медленно выбираюсь на свободу. Опираюсь сначала на одну ногу, потом на вторую. Тысячи маленьких иголок впиваются в мою кожу. Это больно. Ужасно больно.

Я шиплю сквозь сжатые зубы и начинаю руками растирать те места, где колет сильнее всего. Мне очень хочется расплакаться, но я терплю. Нельзя плакать. Нельзя.

Пытаюсь двинуться с места и едва не валюсь на пол. Наверное, мышцы сводит судорогой. Я помню, у меня так было после гриппа. По ночам ужасно болели ноги.

Несколько минут просто стою, согнув немного колени. Потом осторожно делаю несколько шагов. Вроде бы получается.

Иду в прихожую, хватаю пальто и шапку, натягиваю ботинки, а затем выскакиваю в подъезд.

Этот человек, Ляпин... Он сказал, ни одна живая душа не должна знать, что я был в квартире... Он сказал, я могу ему доверять. А еще, он вернулся за мной. Открыл комод ключом. Значит, ключ дала ему мама. И если мама доверяет Ляпину, то я тоже должен доверять. Надо сделать все так, как он велел.

Прислушиваюсь к звукам в подъезде. Мы живем на втором этаже. Чтоб попасть на улицу, надо пробежать два лестничных пролёта. Вроде бы тихо...

Я несусь вниз, застываю перед дверью, которая ведет во двор, осторожно ее открываю и смотрю, нет ли кого поблизости. Двор пуст. Наверное, все заняты своими делами.

Выскакиваю на улицу и по тропинке, вытоптанной в снегу, бегу вперед, постоянно оглядываясь по сторонам. Уже перед тем, как свернуть на улицу, которая ведёт к булочной, вспоминаю об очень важной вещи. Шаль. Мамина шаль. Надо взять ее с собой. Я должен вернуться. Мама обрадуется, когда увидит любимую вещь.

Разворачиваюсь и бегу обратно. Всего лишь надо зайти в подъезд, подняться на второй этаж и все. А потом проделать тот же путь обратно.

— Алеша! — Буквально из ниоткуда, передо мной вдруг появляется соседка.

Ее, кажется, зовут тётя Нюся. Когда мы приехали с вокзала, она встретила нас во дворе и говорила с мамой о каких-то общих знакомых.

Откуда она взялась? Ее же не было... Я застываю на месте. Снова наваливается страх. Ляпин сказал, никто не должен знать. Никто... от этого зависит судьба мамы и папы.

— Ты же Алеша! Из четвертой квартиры... Правильно?

Тётя Нюся хватает меня за рукав и тянет куда-то в сторону. Я молча пыхчу, пытаюсь вырваться. В голове крутится только одна мысль. Нет, две. Две мысли. Никто не должен знать, что я был в квартире. От моих поступков зависит жизнь мамы и папы... Никто не должен знать... Зависит жизнь... Никто не должен знать...

— Да чтоб вам всем обосраться... — Высказался я с чувством, уставившись в темноту.

Очередное пробуждение в холодном поту. Очередное воспоминание Алешки. Ну, хоть разнообразие появилось какое-никакое. А то первые несколько дней одно и то же кино показывали. На повторе.

Вот честно говоря, бесит уже. Просто бесит! День сурка какой-то. Я скоро вообще спать перестану. Чтоб не переживать эмоции пацана заново.

Как же задолбали эти сны. Как же задолбало это чертово раздвоение личности. Когнитивный диссонанс, твою мать, какой-то. Зачем мне все это снится? На хрена! Все равно ведь ничего, ничегошеньки не понимаю.

Вернее, понимаю, конечно. Я же не идиот. Но исключительно чисто технически — кто куда пошел, кто откуда пришел. А вот смысла во всей истории не вижу вообще. Особенно не вижу смысла, зачем мне, лично мне, это знать? Ну, хрен с ним. Пусть Реутов мой дед. Пусть. Хорошо. И что дальше? Что надо сделать? Изменить какие-то моменты его жизни? Так это точно не ко мне. Я вон за один день ухитрился все только еще больше испортить.

Зато теперь хотя бы ясно, как пацан выбрался из комода. Понятия не имею, для чего мне эта информация, конечно, но слава богу, дедуля не обладал способностями Гудини. А то я после первого сна несколько раз думал, как ему удалось оказаться на улице.

Правда, абсолютно нет версий, на хрена вернулся один из чекистов и освободил его. Черт... Не так... Это тоже понятно. Узнал, что в квартире остался ребенок, запертый в комод, вот и вернулся. Единственное... Если оценивать сон взрослым, адекватным разумом, есть ощущение, насчёт доверия Алёша зря разгубастился. Очень сомневаюсь, будто ключ этому Ляпину дала мать. Вот прямо очень!

Чисто теоретически, думаю, чекист просто узнал, или вспомнил, или почувствовал сердцем, (любой вариант на выбор), что помимо родителей вообще-то еще должен быть сын. Если они арестовали отца и пришли за матерью, соответственно, информация о семье имелась полная. Все-таки контора серьезная.

Учитывая, сколько сыну лет, вряд ли он где-то шарахается по улице в одно лицо. Тем более, раз семейство только что прикатило из Германии. Уж точно пацан не помчался бы гулять с друзьями в свой день рождения, да еще и с поезда. Потом, например, Ляпин сопоставил факты. Достаточно более внимательно отнестись к поведению матери. Она ведь сразу тёрлась возле комода.

Если Ляпин не идиот, он вполне мог догадаться, на кой черт мать прилепилась на несколько минут к комоду, а потом наоборот, старалась держаться от него подальше. И что-то мне подсказывает, товарищ Ляпин точно умнее второго чекиста, который, судя по всему, Алешину родительницу вырубил. И еще...

Я вижу сны глазами пацана, но воспринимаю их при этом своим умом. Так, что ли... Точнее не объяснить. Судя по голосу чекиста, по тому, как удачно он ввернул фразочку насчёт папы и мамы, которые теперь от мальчика зависят, могу дать стопроцентную гарантию, брешет товарищ Ляпин. Причём, брешет, совершенно беспардонным образом. Разводит пацана. Типа, делай, что скажу, и будет тебе счастье. Даже родители вернуться. А как? Если с папой там точно уже какой-то триндец приключился. Разинков часы скомуниздил не просто так. И еще уточнил ведь. Типа, зачем они этому Витцке. Мол, ему уже часы точно не понадобятся.

А если Ляпин соврал пацану, значит, у него свои какие-то цели были. По той же причине смылся из квартиры. Наверное, опасался, что его с Алёшей запалят, если они вместе выйдут.

— Млять...доставали...— Тихо высказался я, потом принял сидячее положение, спустил ноги, сунул их в ботинки и направился к вешалке, на которой висела верхняя одежда.

— Реутов, ты! — Раздался сонный голос со стороны, где спал Корчагин. Он даже голову приподнял, стараясь рассмотреть меня в темноте.

— Нет. Не я. Зубная фея. Сейчас если не уляжешься, пойду зубы пересчитывать.

— Шутник. — С пониманием сказал Корчагин и снова упал башкой на подушку, почти мгновенно захрапел.

Я на ощупь нашёл свою куртку, накинул ее, а затем вышел на крыльцо. Хотелось проветрить голову.

Вообще, конечно, денек выдался, обзавидуешься. После того, что случилось в столовой, Шипко меня буквально взащей вытолкал в коридор. Матерился при этом так, будто я ему особо чувствительное место прищемил. Честное слово.

— Реутов! Скотины кусок! Ты зачем полез именно к этому! Именно к нему! Зачем! — У Панасыча буквально шла пена изо рта. Он с таким остервенением выплёвывал слова, что вместе со словами летели слюни.

— Товарищ сержант государственной безопасности, я его не трогал.

Шипко резко остановился прямо перед выходом из корпуса и посмотрел на меня очень выразительным взглядом, после которого стало понятно, либо говорю правду, либо...Второй вариант может быть каким угодно. Панасыч в бешенстве.

— Ну, хорошо...не трогал его первым. — Я тяжело вздохнул. — Вы поймите, он мне сто лет был не нужен. Вернулся только за вещичкой своей. А этот Цыганков в проходе раскорячился. Хотел отнять зеркало...

— Зеркало? — Голос Панасыча подозрительно быстро охрип и стал ниже. — Зеркало... Млять...То есть ты из-за какого-то всратого зеркала чуть не сломал нос этому всратому Цыганкову? Который, чтоб ты понимал, зять товарища Корнильева. Ты хоть знаешь кто это?

Я отрицательно покачал головой. Если Панасыч спрашивает, знаю ли, соответственно, вполне нормально, что не знаю.

— Начальник УНКВД Рязанской области. И знакомства у него имеются там! — Шипко многозначительно посмотрел куда-то вверх. А потом еще поднял указательный палец. — Цыганков этот никогда не оказался бы здесь, если бы не сильное желание товарища Корнильева.

— Зачем товарищу Корнильеву из затылка делать разведчика?

Честно говоря, судьба этого придурка меня мало интересует. Просто сам факт. Бред какой-то. Что за приколы отправлять мужа дочери в Особую Школу? Чтоб при выполнении героического задания быстрее кони двинул? Да и потом, как он резидентом отправится, если у него в Союзе жена имеется. Типа, как в фильме? Будут встречаться в кафе, сидя за разными столиками, раз в год.

— Реутов... — Панасыч вздохнул еще тяжелее, чем до этого я. — Ты же не думаешь, что все вы, те, кто попал в первый поток слушателей, отправитесь в тыл нашего потенциального врага? Такую честь еще заслужить надо. Большинство останутся здесь. Служба, она ведь разная. Ну, вот Цыганков, уверяю тебя, точно хорошо пристроится. Но дело не в этом...

Шипко взялся за ручку двери, однако открывать ее не торопился. Он помолчал пару секунд, задумчиво глядя вперед, потом снова повернулся ко мне.

— Гнида этот Цыганков. Удивительная гнида, разбери меня коза. Он тебе этой ситуации теперь не простит и не забудет. Уж поверь. Сам из себя ничего не представляет. Ноль. Пустое место. Если бы не товарищ Корнильев, его бы и знать никто не знал. Но зато апломбу... На десятерых хватит. К вашей группе и без того особое внимание. И спрашивать с вас будут поболее, чем с остальных. А теперь вот придется ждать еще и от этого... Ну, в общем... Хрен тебя дернул с ним связаться...

Панасыч толкнул дверь и вышел на крыльцо. Я, естественно, двинулся следом.

В принципе, то, что товарищ сержант государственной безопасности обо мне волнуется, даже приятно. Лишний раз подтверждает мою версию, мужик он на самом деле неплохой. А вот с Цыганковым... Не знаю, время покажет. Вот так я решил для себя. Уж в моей ситуации и так все максимально хреново. Одной головной болью больше, одной — меньше, уже ничего это не решает.

— Чего рты открыли! — Гаркнул Шипко детдомовцам, которые вопросительно пялились на меня. — Стройся!

Пацаны, похоже, догадались по злому лицу куратора и по моему не особо хорошему настроению, операция «спаси зеркальце Бернеса» прошла не очень гладко. Марк даже загрустил. Решил, наверное, что ничего не вышло.

Я не стал торопиться с радостной новостью, дабы не привлекать внимание Шипко. Думаю, если он узнает, что вещь, из-за которой мы сцепились с этим Цыганковым, была вообще не моя, отжиматься нам с Бернесом до утра. А там, глядишь, и всем остальным с нами. Просто для коллективного духа, в плане урока на будущее.

Мы снова построились в колонну и отправились к своему барaku. Панасыч маршировал впереди, назад не оглядываясь. Поэтому я притормозил немного, пропуская вперед остальных. Дождался, когда Марк поравняется со мной и незаметно вложил ему в руку

зеркальце.

— Спасибо. Алеша... Большое спасибо. С меня причитается. Вовек не забуду. — Прошептал Марк.

Я молча кивнул, улыбнулся, а затем снова ускорился, чтоб встать в колонну. Пока Панасыч не заметил эти разброд и шатания.

— Так... — Шипко остановился возле барака и обвел нас суровым взглядом. Мы тоже остановились. — Запомнить всем, едрить-мадридь. Зарубить себе на носу. Никаких стычек с остальными слушателями Школы. Никаких! Твою дивизию! Неважно, что вы услышите или увидите. Неважно, что вам покажется правильным или неправильным. Узнаю про подобную ситуацию...

Панасыч сжал кулак и потряс им в воздухе.

— Тоже палец? — С невозмутимым видом спросил Подкидыш.

— Какой палец, Разин? Совсем офонарел? — Не понял сразу его намека Шипко.

— Ну, как же? — Ванька с серьезным лицом поднял раскрытую ладонь, а потом сжал ее в кулак. — Вот! Мы теперь все вместе. И Вы с нами. Сами только что показали. Значит, Вы — палец.

Ясное дело, Панасычу шутка не зашла. Под матерные крики и обещания показать, где раки зимуют, мы были отправлены в барак для того, чтоб готовиться ко сну.

И вот теперь все нормальные люди спят, а я один, как debil, сижу на пороге. Просто мой дед, о котором я даже не знал, в юности отличался прекрасной памятью. Особенно касательно того, что произошло чертову уйму времени назад. А самое интересное, в моей голове все сильнее становится уверенность, будто эти debильные сны меня куда-то подталкивают. Главное, чтоб не в ещё более глубокую задницу.

Глава 19

В которой веселье продолжается

Очередная хрень, которая сопровождает мою жизнь последнее время, началась прямо с раннего утра. И когда я говорю «с раннего», именно это имею в виду... С настолько раннего, что я, вернувшись после ночного променада, едва успел подремать пару часов.

К сожалению, теперь, похоже, каждый мой день начинается с какой-нибудь особо занимательной ерунды и заканчивается какой-нибудь особо глубокой задницей. Гораздо более удивительно было бы, случись наоборот. Если бы и утро выдалось нормальным, и день хорошим. Хрен там плавал! Стабильность, как говорится, признак мастерства. И я, видимо, просто лучший из лучших в том, как приукрасить свою жизнь проблемами. Впрочем, самое интересное, теперь даже и не свою.

Мысль о том, что Реутов — мой дед, настойчиво зудела где-то в подсознании. Не могу сказать, будто такой поворот добавил мне ответственности за судьбу Алексея Ивановича. Вообще нет. Даже наоборот, стало любопытно, дойдем ли мы с Реутовым до почётного звания разведчика, или нам всё-таки кто-нибудь особо нервный оторвет голову. А еще появилась хитренькая мыслишка.

Раз я в будущем родился, мать моя тоже чувствовала себя неплохо, то, значит, и дед вполне нормально пережил тяжелые времена. Мне бы, конечно, сильно не хотелось проверять степень этой «нормальности», учитывая предстоящие четыре года, которые грядут, но, как минимум, я останусь жив. Даже какой-то авантюризм во мне проснулся. Стало любопытно, что из себя представляет карьера деда в роли резидента. Видимо, раздолбайство — это у нас в крови. И вовсе не по отцовской линии. Вот с такими мыслями я заснул, когда пришёл обратно в спальню, насидевшись вдоволь на крыльце. Проснулся — совсем с другими. С матерными.

— Подъем, черти! Подъем! Чертяки, ну-ка встали!

Голос Шипко сработал хуже самого мерзкого будильника. Меня аж прострелило. Подумал, ну, все. Пожар, потоп, возможно глобальный апокалипсис наступил.

Орал сержант государственной безопасности так, что в ушах звенело. А еще очень сильно хотелось взять подушку и швырнуть ее нашему куратору в рожу. Чтоб заткнулся.

— А! Что! Где! Я не трогал! Я не брал! — Зайцев с перепугу вытаращил глаза, вскочил с кровати и, запутавшись ногами в одеяле, полетел вместе с этим одеялом носом вперед, прямо под ноги Панасыча, который замер посреди спальни с довольной улыбкой на своей круглой физиономии.

— Да ё-моё... — Протянул Подкидыш. — Еще не рассвело даже. Ну, Вы чего...

Кстати, насчёт «не рассвело» — верное замечание. За окном еле-еле начало светлеть. Теоретически, времени сейчас — где-то около пяти, может, шести утра.

Ванька натянул одеяло на самые уши, перевернулся на бок и попытался сделать вид, будто внезапно оглох. По любой другой причине не реагировать на орущего Шипко было невозможно.

— Разин, твою ж налево! А нук! Подъем! Упал! Отжался! — Гаркнул Панасыч.

Воспитатель переступил через барахтающегося на полу Василия и в два шага оказался рядом с кроватью Подкидыша. Василий, кстати, вообще спросонья не мог сообразить, какого черта у него не получается принять вертикальное положение. А потому бестолково брыкался ногами и размахивал руками, отчего запутался в одеяле окончательно.

— Разин! Встать, я сказал! — Проорал Шипко прямо над головой Подкидыша.

Однако, Ваньку это не проняло. Он сунул голову под подушку, наверное, чтоб хоть как-то

сохранить себе слух, и в наглуую отказывался просыпаться, всем своим видом демонстрируя, куда именно может проследовать Панасыч.

Посыл Ивана был понятен без слов, в том числе и самому товарищу сержанту государственной безопасности. Остальные пацаны с любопытством наблюдали за развитием событий. Даже с азартом. Мне кажется, была бы возможность, они бы начали делать ставки, кто кого вздрочнёт, Ванька Панасыча или Панасыч Ваньку.

— А-а-а-а-а... Бунт, значит... Ну, хорошо... — Подозрительно спокойным тоном высказался Шипко.

Он вдруг резко развернулся на месте и вышел из спальни.

— Охренеть... А что, так можно было? — поинтересовался я, сидя на постели и глупо хлопая глазами, словно очумелый филин. — Просто не вставать и все? И никаких карательных мер?

Вообще, конечно, я бы с удовольствием еще поспал. Веки горели огнем и тяжёло поднимались. Упасть обратно на подушку хотелось просто до одури. Ибо нечего сидеть по ночам на крылечке и думать о дебильных снах деда. Может, они мне вообще снятся по старой памяти. Типа, остаточное явление.

— Он ушёл... И как быть? Встаем? — Недоверчиво спросил Бернес, а потом посмотрел на меня.

Именно на меня. Будто я решал, что должен делать каждый из детдомовцев. Отлично. Постепенно набирается электорат.

Ответить я не успел. Дверь в комнату снова распахнулась. Даже не распахнулась, а с грохотом отлетела в стену. Удивительно, как петли остались целы. По спальне, в направлении кровати Подкидыша, промаршировал Шипко. На лице у него была радостная улыбка, в руках — ведро, полное воды. И первое, и второе вызывало смутное сомнение, что Николай Панасыч — человек вовсе не с короткой памятью. Наглость Ивана в свою сторону он не забыл и скорее всего вообще не забудет. Более того, сделает сейчас все, чтоб Подкидыш тоже хорошо запомнил, как нужно и как не нужно вести себя с куратором.

С ходу, оказавшись рядом со своей целью, сержант госбезопасности просто взял и перевернул ведро вверх дном. Это было мощно... Получился самый настоящий Ниагарский водопад.

— Млять!!! — Ванька подскочил на месте. — А-а-а-а-а! Этическая сила!

Реально подскочил. Вот прямо как лежал, так его вверх и подкинуло. Он сел на кровать, оголтело покрутил головой. Потом, наконец, понял, откуда пришла беда, и вылутился на довольного Панасыча, при этом беззвучно открывая рот. Видеть Подкидыша, у которого закончился словарный запас, было непривычно. По Ванькиному лицу стекала вода, которая, судя по его же сильно округлившимся глазам была ледяной.

— Вы чего! Озверели совсем! — Детдомовец отпихнул в сторону мокрое одеяло. А что там пихать, если вся его постель превратилась в одну большую лужу.

— Пока ещё нет. — Все с такой же радостной улыбкой сообщил Шипко. А потом добавил.
— Но вот сейчас, етить твою налево, точно озверев.

С этими словами он шагнул к Подкидышу, а затем резко ухватил пацана за ногу, дернув его конечность вверх. После того, как Ванька совсем утратил связь с реальностью, еще больше охренев от творившегося беспредела, Шипко, как ни в чем не бывало, потащил детдомовца к выходу из спальни. Поямо за ногу и потащил. Картина, конечно, эта выглядела феерично. Не хватало для полноты ощущений, чтоб Панасыч еще насвистывал какую-нибудь мелодию, а второй, свободной рукой, держал на плече бензопилу. Чисто сцена из хоррора. Честное слово.

Надо отдать должное, Ванька мгновенно обрел утерянный дар речи. Он орал и даже пытался сопротивляться. А как тут не заорешь, если тебя с постели, словно кусок говна стягивают. Он еще и долбанулся башкой о пол, когда свалился с кровати.

Однако, Шипко, не останавливаясь, не реагируя на отборный мат, который сыпался из пацана, как горох из дырявого мешка, совершенно спокойно, без лишних эмоций, продолжал тащить воспитанника на улицу. И хочу сказать, силы то у товарища сержанта государственной безопасности оказалось немеряно. Он на трепыхания Подкидыша, который пытался хвататься за все, что попадалось на пути, вообще не обращал внимания.

— Пустите! А-а-а-а! Не имеете права! Я буду писать товарищу Ежову! — Голосил Подкидыш, извиваясь, словно червяк.

— Да хоть товарищу Сталину... — Невозмутимо ответил Шипко, а потом сильнее дернул за ногу Ваньку, который ухитрился в этот момент одной рукой вцепиться в дверной косяк.

Ванька матернулся от боли и выпустил свою последнюю надежду. Через секунду куратор уже тащил Подкидыша по коридору на выход из корпуса.

— Педагог от бога... — Сказал я, глядя вслед Папасычу. — Какой, на хрен, Макаренко, когда вон какие кадры имеются.

— Ты это... — Погрозил пальцем Заяц. Он, наконец выбрался из своего одеяла, вскочил на ноги и теперь натягивал штаны. — Ты про бога осторожнее тут. Нет его! Понял?

— Ребят, айда позырим! — Корчагин уже успел надеть штаны с рубахой, поэтому первым рванул из спальни вслед за Шипко.

Долго упрашивать детдомовцев не пришлось.

Как оказалось, Панасыч за эти несколько минут успел преодолеть порог барака и крыльцо. Когда мы выскочили на улицу, злой Подкидыш уже вставал из слегка подмерзшей за ночь грязи. Шипко замер неподалёку, с радостным лицом и по-отцовски добрым взглядом.

Маньяк чистой воды...

— Что, спрашиваю, надо делать, если прозвучала команда: «Подъем?» — Добрым, ласковым тоном поинтересовался он у Ваньки.

— Встать... — Подкидыш посмотрел вниз, на свои голые ноги, на казённые, темно-синего цвета трусы, и поморщился.

Конечно, если бы не заморозки, ему вообще было бы туго. Извозился бы по самые уши. А так, всего лишь отделался небольшими комками грязи, прилипшими на ткань.

— Громче! Не слышу! — Шипко нарочито приложил ладонь к уху, изобразив локатор.

— Встать!!! Надо встать! — Заорал Подкидыш, а затем двинулся ко входу в корпус, решительно впечатывая босые пятки в холодную землю.

Видимо, в его представлении он сейчас находился где-то между испанскими революционерами и Че Геварой. Правда, последний ещё никому не известен, но не суть. Главное — то настроение, которое демонстрировал Иван. Этаким невинно пострадавший за правду герой.

— Разве было разрешено идти? — Искренне удивился Панасыч. Настолько искренне, что стало понятно — издевается товарищ сержант. — Могу ошибаться, человек я немолодой, иной раз память подводит, но мне кажется, етить-колотить, никто и не спрашивал разрешения...

Ванька замер на месте, выдохнул сквозь сцепленные зубы, а потом развернулся к воспитателю и громко отчеканил.

— Разрешите идти, товарищ сержант государственной безопасности?

— Разрешаю. — Кивнул Шипко с деловым видом.

Подкидыш снова крутанулся на месте и двинулся в корпус. Однако, уже перед самым крыльцом не выдержал. Бегом рванул вперед, поджимая пальцы босых ног. Ясное дело, земля же холодная.

— Не слушатель, а цельное золото. Большим человеком вырастет... — Бросил ему в спину довольный Панасыч. А потом добавил. — Если доживет, конечно... Если вы все доживете. Учитывая, с какой скоростью некоторые из вас успевают находить себе приключения на жопу, так уверенности, как бы, и нет... Твою едрить душу

Шипко оторвал взгляд от входной двери, за которой уже скрылся Подкидыш, и посмотрел на нас. В одну секунду детдомовцев с крыльца, как мужским половым органом сбрило. Никогда не видел, чтоб такое количество людей одновременно ломилось в одну и ту же сторону через один и тот же вход. Чуть не подавились, честное слово.

Особо активно работал локтями Василий. Он же заскочил первым в спальню и бросился заправлять кровать. Надо взять на заметку... Как там говорят? С ним бы я в разведку не пошёл? Так вот с Василием я бы и в кусты посрать — сто раз подумал бы.

А вообще, конечно, Панасыч удивил. Пример с Подкидышем был очень наглядный и педагогический сильный. За какие-то пять минут все семь членов нашей особой группы, включая Ваньку, вполне быстро уяснили, Шипко может со своими этими «етить» и «колотить» строить из себя простого деревенского мужика сколько угодно, но он — чекист. Неважно, что звание не особо большое. В любом случае, НКВД есть НКВД. И глумиться над собой он нам точно не позволит.

Однако, на этом инциденте веселье не закончилось. Не успели мы запопвить кровати и одеться, как нас ждала радостная новость.

— Значится так...— Панасыч расхаживал перед выстроившимися в порядок подопечными, и все с той же радостной улыбкой рассказывал, как распланирован сегодняшний день.

Причем его улыбка настораживала уже не только меня. Все пацаны замерли в тревожном ожидании, заподозрив, что мандец только начался.

А я, к примеру, вообще на улыбающихся чекистов приобрёл с недавних пор устойчивую аллергию. Один вон, так старательно улыбался, что аж человека невзначай убил. Теперь — второй скалится. Может, это у них — профдеформация такая. Если лыбу дают, значит того и гляди грохнут кого-нибудь. Или покалечат.

Подкидыш теперь стоит, то хмурится, то морщится. Ему, видимо, Шипко ногу вывихнул, когда тащил. Или ушиб. Не знаю. По крайней мере Ванька начал, хоть и еле заметно, но прихрамывать. А, может, притворялся. Черт его знает.

Я уже понял, бывшие беспризорники — те еще продуманы. С одной стороны, вроде все из себя простые. Но с другой... С другой — простачком хрен ты выживешь в тех условиях, где все они побывали. Я по своему детскому дому сужу. А он, если верить тому же Бекетову, далеко не самый худший.

— Мне необходимо понять, на что вы, черти жопоногие, способны! — Сообщил Панасыч. — Поэтому сейчас — бег, подтягивания, а потом... Потом посмотрим. Сначала бег и подтягивания надо пережить. Да, Либерман?

Бернес не стал отвечать на вопрос Шипко, потому что этот ответ никому и даром был не нужен, но загрустил весьма заметно. Очевидно, не просто так Панасыч сделал акцент именно на нем. Видимо, бег у нас будет особо долгий, как и память куратора. Который решил отыгаться Марку за вчерашнее, еще раз проучить Подкидыша за сегодняшнее, ну и заодно всем нам показать, кто здесь на самом деле все решает.

— Товарищ сержант государственной безопасности...— Зайцев сделал шаг вперед, преданно заглядывая Панасычу в глаза. — А как же завтрак? Эта тетя вчера... Говорила, что мы раньше

остальных должны явиться. А если бег, то как же тогда раньше? Мы тогда не успеем...

— Это, Зайцев, от вас зависит. — Шипко пожал плечами и направился к выходу. Мы, само собой, потянулись за ним.

Через полчаса я понял, единственное, что лично от меня сейчас зависит, это — хотя бы не свалиться где-нибудь под кустом, выплевывая свои легкие. Реутов, скотина такая, еще и курил, похоже. Потому что дышалка у меня была ни к черту! Просто говно полное, а не дышалка.

Мой организм на бегу издавал такие звуки, что, мне кажется, вся живность, а мы все-таки в лесу, есть же здесь живность, разбежалась в панике и ужасе. Я свистел грудной клеткой, сопел носом, хрипел ртом и был готов уже орать в голос: «Памагите!» Именно так. Через две буквы «а». И никакой ошибки тут нет. Тут есть только точное понимание — сейчас сдохну.

Радовало лишь одно. Точно такие же звуки издавали и все остальные. А некоторые — еще хуже.

Пожалуй, кроме Бернеса. Этот парень, внешне далекий от спорта как я от балета, вполне резво трусил впереди нашего строя. И это удивляло не только нас, его товарищей, но и Шипко. Я вообще заподозрил, если честно, мы так долго бежим лишь потому, что Панасыч хочет добиться от Марка того же страдания, какое ему демонстрируем мы. Ну, или просто добить нас. Всех сразу.

— Подтянись! Не отставать! Шевели поршнями!

Я попытался вздохнуть, катастрофически не хватало воздуха. Однако на бегу это получалось плохо. Впрочем, наверное, сейчас и без бега оно выйдет не очень. Чертов Реутов...

Самое обидное, Шипко вполне себе спокойно бежал рядом с нами и выглядел при этом, будто на прогулку вышел. Так ему все в радость. Лицо его слегка порозовело, глаза блестели, улыбка по-прежнему не сходила с губ.

А ведь и не подумаешь никогда. Выглядит Панасыч полноватым, крепеньким деревенским мужичком.

К сожалению, территория, которую отвели для школы, оказалась огромной. Поэтому мы нарезали не обычные круги, их хотя бы морально воспринимать легче. Мы просто бежали в неизвестность. Ибо ни конца, ни края этому забегу не предвиделось.

— Реутов! Не спать! Зайцев, руками работай! Руками! Тогда и дышать будет легче! — Подбадривал нас Панасыч.

— Я... Готов... Взять... Его... На... Себя... — Прохрипел за моей спиной детдомовец с забавным прозвищем Рысак.

Я так удивился, что даже сбился с бега. Просто этот тихий, спокойный парень, с очень

простой фамилией — Иванов, за сутки не сказал почти ни слова. Я его вообще, можно сказать, не замечал. А тут, сразу такой прорыв.

— Я все слышу, Степан! — Тут же отозвался Шипко. — И поверь мне, в рот те ноги, я с тобой голыми руками легко справлюсь. Стоп!

Детдомовцы замерли. Вернее, не совсем так... Остановились, попутно пытаюсь удержаться на ногах. Зайцев всячески старался прилечь Старшóму на плечо. Подкидыш обнял березку, которая оказалась рядом, и повис на ней. Я просто уперся руками в полусогнутые колени, опустил башку и старательно выравнивал дыхание. Корчагин с Ивановым подпирали друг друга, за счёт этого оставаясь в вертикальном положении. И только Бернес выглядел отвратительно бодрым.

— Молодца... — Шипко обвел нас довольным взглядом. Видимо, он предполагал, что на данном этапе пробежки в наличие будут иметься только трупы. — Это была разминка. А теперь, двигаем в сторону снарядов. Нас ждут подтягивания.

Глава 20

В которой я удивляю всех и даже себя

Полчаса позора, которые сержант государственной безопасности Шипко назвал гордым словом «подтягивание», хотелось забыть. Вычеркнуть их навсегда из своей памяти. И желательно, из памяти моих новых товарищей тоже. Просто я, в отличие от остальных детдомовцев, точно знал, как это должно выглядеть, и прекрасно понимал, сейчас оно выглядит точно не так.

Нервные подергивания на перекладине, красные от натуги лица, перекошенные рты, вытаращенные глаза... В нашем исполнении этот не особо сложный процесс больше напоминал какой-то цирк уродцев.

— Я сейчас сдохну... — Сообщил Подкидыш несчастным голосом.

Ванька сел на низкое бревно, вытянул ноги и каждые две-три минуты косился в сторону Панасыча с таким выражением лица, словно мысленно представлял, как сдыхает он.

— Если этот изверг еще что-то придумает, я его ночью подкараулю и грохну... — К нашей компании присоединился Лёнька.

Выглядел Старшóй таким же умотанным, как и все остальные. Даже удивительно, при его то физических данных.

Зато Панасыч откровенно наслаждался всем, что происходило. Ему явно бальзамом на сердце был тот факт, что все мы — «никчёмные дармоеды и слабакí». Это он нас так назвал.

— А, ну... давай! Еще! Ну! Три раза, Корчагин? Всего три раза! — Орал Шипко на Матвея, который беспомощной соплей повис на перекладине турника, пытаюсь хоть немного

подтянуться вверх. — Вы кто есть, не пойму! Девки колхозные и то покрепче будут. Давай! Тянись подбородком!

Самое обидное, в своей прошлой жизни, в своём родном теле я имел отличную физическую форму и мог бы заткнуть за пояс не только детдомовцев. Этих и затыкать нечего. Слабоваты они. А вот с Шипко мы бы точно пободались.

Но Реутов... Дедуля, чтоб его... Он к нагрузкам был не готов вообще. Вместе с ним теперь и я выгляжу каким-то сраным лохом. Нет, с этим гадством надо что-то делать...

Как назло, возле площадки, на которой в нашем исполнении творилось форменное непотребство, нарисовался ещё один чекист лет тридцати пяти. Выглядел он, надо признать, весьма колоритно. Невысокого роста, поджарый, со свёрнутым набок носом. Боюсь представить, сколько раз этот нос ломали. Весь внешний вид незнакомца говорил о том, что он точно не этикет преподаёт.

Явно мужик припёрся не просто так. Он наблюдал за нами оценивающим взглядом, при этом морщась, словно от зубной боли. Так выглядит тренер, которому предстоит набрать команду для олимпийских игр из местных недоделков. В роли недоделков, само собой, выступали детдомовцы. И я в их числе.

— Товарищ сержант государственной безопасности Молодечный Митрофан Леонидович. — Объявил вдруг Шипко, а потом широким жестом указал нам в сторону этого товарища, стоявшего на самой кромке спортивной площадки. — Он будет преподавать вам советскую борьбу вольного стиля. Если, конечно, среди вас, чертей, найдётся хоть один, кто покажет подходящий для серьёзных занятий результат. Остальные обойдутся набором приемов, которые помогут уберечь ваши никчёмные жизни в критической ситуации.

Мы коллективно уставились на кривоносого. Чекист ошивался рядом уже минут десять-пятнадцать, с интересом наблюдая, как усердно корячились сначала Зайцев, потом — я, после меня — Подкидыщ, а Панасыч только соизволил озвучить, кто это такой. Ну не сволочь тебе?

— И что скажете, товарищ Молодечный? — Крикнул Шипко своему «коллеге», — Поле непаханое, да?

— Не то слово, Николай Панасыч. Честно говоря, не вижу даже смысла пахать. Тут бурьян рвать будем год. А столько времени у нас нет. Сами знаете.— С усмешкой ответил кривоносый.

Он поднёс к губам бутылку, которую держал в руках, и сделал несколько глотков. Так понимаю, судя по форме бутылки и по цвету содержимого, это было что-то молочное. Скорее всего — кефир. Этикетку на расстоянии хрен рассмотришь.

Выражение лица Молодечного однозначно говорило о том, что всех нас он счел если не инвалидами, то где-то около того. А это, между прочим, хреново.

Я, как человек, более-менее разбирающийся в теме, пусть на данный момент только мозгами, точно могу сказать одно. Вот что-то, а самбо, думаю, речь идёт именно о нем, мне очень даже не повредит. Нам с Реутовым не повредит. Мало того, пригодится в будущей службе, так еще и физуху можно набрать именно ту, которая нужна.

Соответственно, если бы Шипко сразу сказал, кто конкретно и с какой целью за нами наблюдает, я жопу порвал бы на британский флаг, но постарался подтянуться нормально. Даже если это стоило бы мне последующих дней адской боли в мышцах. Но теперь, когда я уже, грубо говоря, обосрался, можно даже не рассчитывать на то, что Молодечный возьмётся учить меня самбо.

— Вот сука...— Тихо пробормотал я и покосился на кривоносого.

Этот товарищ выглядит как человек, который редко меняет свое мнение. Если решил, будто все мы — дерьмо на постном масле, то хрен ты его переубедишь.

В этот момент на турник запрыгнул Бернес. Оставались только он и Степан Иванов. Марк выдохнул, потянулся вверх и мы просто охренели. Снова.

— Три, четыре, пять, шесть...— Считал Шипко вслух.

Голос его при этом становился все более задумчивым, а выражение лица — все менее радостным. Чертов Бернес вполне легко подтягивал свое худое тело до нужного уровня.

Я опять посмотрел на кривоносого. Он наблюдал за Марком с интересом. Его взгляд больше не выражал страдание или разочарование. Товарищ чекист был явно доволен тем, как Бернес выполнял норматив.

— Ну, вот...— Недовольно высказался стоявший рядом со мной Лёнька. — Похоже, только нашего скрипача и будут учить борьбе... Эх, а я бы хотел...

Крепыщ, кстати, не особо блеснул исполнением. Да и количеством тоже. Он осилил всего лишь восемь раз, но с трудом.

— Так Бернес на самом деле скрипач? Тогда откуда у него такие неподходящие для музыканта способности? — Спросил я Старшого.

— Вроде, да. Отсюда прозвище. Он же — Марк. А еще и на скрипке пилит. Натуральный Бернес. — Пожал Лёнька плечами и с завистью уставился на Марка.

Впрочем, не он один. У Зайца даже уши шевелились в такт тому, как Панасыч считал подтягивания Бернеса. Подкидыш просто смотрел на все происходящее, открыв рот. Ну, и я, само собой. Скрывать не буду, меня давила огромная, нечеловеческая жаба.

— Одиннадцать, двенадцать...Все? — Шипко подошел к Марку, который уже спрыгнул с перекладины. — Ну, Либерман...Удивил, удивил...Самый лучший показатель, в рот компот...

— Николай Панасыч, ты все понял, да? — Крикнул нашему воспитателю Кривоносый.—
Пойду тогда. У меня занятие с первой группой.

— Не обессудь, Митрофан Леонидович, я должен был попробовать... — Развёл в стороны
руками Шипко.

Молодечный громко хмыкнул, допил одним глотком кефир, оставив совсем немного на
доньшке, и, видимо, действительно собрался уходить.

В этот момент я отчетливо осознал одну простую вещь. Если он реально уйдет, не видать
мне самбо, как своих ушей. Самостоятельно улучшать физподготовку Реутова — затея
хорошая, в некотором роде даже похвальная, но она займёт много времени. А этого добра
как раз и не хватает.

Мне кровь из носа нужен Молодечный. Вернее то, чему он может научить. Соответственно,
у меня есть несколько минут, дабы что-то предпринять. Потом — все. Потом он назовет
Панасычу имя Бернеса, а я буду в одно лицо усираться, чтоб подтянуть Реутова до мало-
мальски приличного уровня. Обычный набор приёмов, как сказал Шипко, меня не
интересует. Я хочу полноценно заниматься борьбой.

В общем, это была та самая ситуация, про которую говорят — пан или пропал.

— Товарищ сержант государственной безопасности! — Я сорвался с места и двумя
прыжками оказался рядом с кривоносым.

— Реутов, я не понял! — Тут же заорал мне вслед Шипко.

Но я даже не оглянулся. В данный момент имелась конкретная цель, которой надо добиться
любой ценой. А потом — хоть не расцветай.

— Вы хотели выяснить, если среди нас те, кто может заниматься борьбой? Верно? Для этого
пришли посмотреть? Специально?— Спросил я Молодечного прямо в лоб. А чего ходить
вокруг да около? Хуже не будет.

— С какой целью интересуешься? — Вопросом на вопрос ответил чекист. Смотрел он на
меня равнодушно, без эмоций. Просто — как на помеху, из-за которой приходится
задержаться.

Очевидно, Митрофан Леонидович и правда никого из нас не планирует основательно учить
самбо. Мы в его глазах — жопорукие, жопоногие, бездарные беспризорники, в которых надо
вложить слишком много сил. А Клячин сразу говорил, на обучение отводят год. Ну, покажут
нам несколько приёмов. Хорошо. Однако, нас с Реутовым так не устраивает.

— Возьмите меня в свою группу. Или в команду. Как правильнее сказать? Я очень хочу
научиться борьбе.

Во взгляде Молодечного появился далёкий, очень слабенький интерес. Даже, скорее намек

на любопытство. Но не более. Он просто слегка охренел от категоричности заявления и от наглости. Не более

— Послушай...— Чекист похлопал меня свободной рукой по плечу. — Вас будут учить много чему. Огромное количество предметов. Ты пока даже не представляешь, насколько огромное. Только иностранных языков пять штук. Поэтому мы не можем тратить время на то, чтоб воспитывать в слушателе боевой дух. Пономаешь, о чем я? В вас этого духа нет. Вот в нем...

Кривоносый повернулся к детдомовцам, которые со стороны наблюдали за нашим с ним разговором, и кивнул в сторону Марка.

— В нем — есть. А в вас — нет. Не расстраивайся. У каждого своя задача. Кому-то предстоит работать мозгами. Это тоже вполне нужное дело.

— Реутов, растудыть твою туды! — Снова заорал Шипко. — Нук бегом сюда!

— Вот мне есть боевой дух. — Я упрямо стоял на своем. Решил, либо этот чекист уйдет отсюда, дав слово, что возьмет меня в обучение вместе с Бернесом, либо... Нет. Второй вариант не рассматриваю. Нет второго варианта.

— Дайте бутылку...— Я протянул руку и посмотрел на пустую тару из-под кефира.

Хоть бы все получилось... Если стекло в 1938 году более прочное, чем спустя восемьдесят лет, то я буду выглядеть не только слабаком, но и придурком. А Шипко меня после этого просто вздернет. И я даже знаю, за какое именно место.

— Бутылку? — Молодечный удивлённо уставился на предмет, о котором шла речь.

— Да. Просто дайте ее мне.

— Ну...на...— Митрофан Леонидович с улыбкой протянул стеклянную тару. Он сто процентов даже не догадывался, какой сюрприз его ждёт.

Ну, дед...Надеюсь, башка у тебя крепкая...Подумал я, прежде, чем осуществить задуманное.

Вообще, план мой был достаточно прост. Молодечный уже сделал выбор. Изменить его мнение можно, только если он сильно охренеет. А я знаю, как конкретно в этой ситуации добиться, чтоб он охренел.

Моя служба прошла не в ВДВ. Однако, как только попал в армию, решил воплотить детскую мечту. Имелась у меня одна навязчивая идея. Манечка просто. С юных лет причём имелась.

Нам было по двенадцать, когда это произошло. Я ещё жил в городе и дружил с пацанами из соседнего района. Обычные пацаны, без загонов и богатых родителей. Мы вместе ходили на бокс.

После уроков, днём, наша компания собиралась за гаражами, а вечером мы крутились на турниках.

Однажды к нам на турники пришёл десантник! Парень был в отпуске и решил позаниматься вечером. Для нас он выглядел как настоящий герой. Да еще одет в тельник и берет. Вообще пазл сложился.

А что интересно в десантнике двенадцатилетним пацанам? Нам, само собой, было интересно, как сломать кирпич. Это же — мощная фишка десантуры!

Кирпича не нашлось поблизости, но рядом валялась пустая бутылка. Десантник легко разбил её о голову и даже попытался объяснить принцип. При этом предупредил идиотов, чтоб ни в коем случае не повторяли. Настойчиво предупредил.

Так вот... Мой друг Валерка Селиванов пришёл домой, взял пустую бутылку и с криком, — «Мама смотри», — вырубил себя этой бутылкой.

Естественно, он оказался не один такой сообразительный. Каждый из нас попытался удивить родных. Итог был приблизительно одинаковый у всех. Удивились не только родные, но и врачи травматологии.

Соответственно, как любой подросток, заполучивший себе гештальт в виде этого «фокуса» с бутылкой, в армии я несколько раз вспоминал тот случай.

— Ой, что там твой десант! — Заявил однажды один из «дедов», которому, видимо, мои воспоминания о бравом вдвешнике встали поперек горла. — У меня брательник только так бомбил. И бутылки, и кирпичи. Там есть просто определенная техника. Удар должен прийтись на лобную кость. Она наиболее толстая в черепе. В идеале на лобный бугор.

«Дед» постучал сначала по своей башке. Потом, для верности, по моей.

— Вот. Видишь? Это уплотнение над бровными дугами, ты их можешь нащупать рукой. Голова так же должна двигаться на встречу руке с бутылкой, чтобы увеличить скорость столкновения. И самое главное — метить бутылкой нужно в воображаемую точку за головой. Тогда ты не попытаешься остановить руку сразу после удара и это уменьшит вероятность порезаться осколками или горлышком, зажатым в руке. Понял? Это — основа основ и ее, в принципе, достаточно. Но есть некоторые хитрости, к которым можно прибегнуть, чтобы уменьшить шанс травмировать себя и увеличить вероятность нормального результата. На всех стеклянных бутылках имеется шов. Это наиболее слабое место. Если удар придется на сторону со швом, то вероятность разбить бутылку выше...

В общем, как оказалось, и правда, быть десантником необязательно. Мы потом всей ротой проверяли. Реально сработало.

И вот сейчас, стоя с пустой бутылкой из-под кефира, в 1938 году, я собрался повторить тот самый «фокус». Получится или нет? Да хрен его знает. Чисто теоретически — да. Я ведь

понимаю, как именно нужно бить. В любом случае, мне нужен этот, пусть даже крохотный, но шанс.

— Ну? — Нетерпеливо спросил Молодечный. Он, видимо, действительно торопился.

— Ха!!!— Выдохнул я и со всей дури долбанул себя по башке. Без предупреждения. Без подготовки. Но все, как положено, по технологии.

Собственно говоря, Молодечный на самом деле охренел. И от неожиданности, и от того, что бутылка со звоном разлетелась осколками стекла в стороны. А я стоял напротив него, как ни в чем не бывало. Спокойный, довольный, уверенный в своей правоте.

— Ты млять! Ты! Твою бога душу! — Заорал Шипко и сорвался с места, бросившись в нашу сторону. Следом за ним побежали детдомовцы.

— Во мне есть боевой дух. — Сказал я Молодечному и улыбнулся. Смотрел чекисту прямо в глаза.

— Ты кто такой? Откуда? — Спросил меня Митрофан Леонидович.

Он, конечно, старался не показывать виду, насколько его удивил мой поступок. Но я точно знал, что удивил. На самом деле чекист своим вопросом имел в виду — у тебя с башкой все в порядке, пацан? Или ты шизанутый?

— Курсант школы особого назначения Реутов Алексей Иванович. — Я пожал плечами. Мол, очевидно же. Нахожусь там, где должен быть. В той роли, которую реально заслуживаю.

— Здесь нет курсантов. Здесь есть слушатели. — Усмехнулся чекист.

— А я — Курсант.

— Хер ты с горы! — Гаркнул Шипко, подскочив ко мне. Видимо, последнюю фразу он услышал. — Что с башкой? С башкой что!

Панасыч схватил меня за голову и начал вертеть в разные стороны, желая убедиться, что она цела. Пацаны просто бестолково топтались рядом, отпихивая друг друга локтями.

— Да все хорошо! Все нормально! — Я вывернулся из рук воспитателя и снова уставился на Молодечного. — Возьмете меня?

— Да как после такого не взять. — Засмеялся он.

А потом развернулся и утопал в сторону корпуса. Вот и поди разберись, что это? Полноценное обещание или Митрофан Леонидыч побежал рассказывать директору про ненормального беспризорника, который сегодня себе о башку бутылки бьет, а завтра другим начнёт по голове лупцевать.

— Быстро построились и в барак! — Рывкнул Шипко. — А ты...Смотри у меня!

Он погрозил пальцем, не уточнив, куда именно я должен смотреть.

— Слышь, Реутов... — Подкидыш покачал головой. — Я тебя боюсь. Ты — точно псих...

Я молча улыбнулся. Не знаю, псих или нет, но детдомовцы смотрели на меня с настоящим восхищением. А это вполне соответствовало моим планам на ближайшее будущее.

Глава 21

В которой крайне неожиданно фигурирует Фрейд

— Что за очередной аттракцион? Каруселя с лошадьми... — Подкидыш покрутил головой по сторонам, а потом, для более точного выражения своего недовольства, сделал замысловатый жест рукой, указав сначала направо, потом налево. — Какого черта мы сидим в этой комнате? Уже минут десять, наверное. Я бы сейчас не против повалиться, задрав ноги. Все утро гоняли, как ненормальные. А теперь опять херня...

В принципе, я был с ним согласен. И про «повалиться», и про «гоняли», и про «херню». По моему мы за несколько часов перевыполнили план по физическим нагрузкам на пару недель вперед. Не мешало бы на самом деле дать организму отдохнуть. Однако, нас за какими-то лядом привели в учебный класс. Спасибо, что не сразу со спортивной площадки, а после завтрака. Хоть пожрать дали спокойно.

Вообще, если по порядку, после утреннего моциона в виде бега и подтягиваний, мы очень быстро, с ходу, обмылись на улице из крана. И скажем прямо, это не было нашим желанием.

— Куда! — Рывкнул Шипко, когда мы наострили лыжи ко входу в барак. — Сначала — водные процедуры, черти!

— Да на улице так-то не май месяц, товарищ сержант государственной безопасности... — Начал было возмущаться Корчагин.

Но договорить ему никто не дал. Панасыч просто без разговоров шагнул к ведру, стоявшему рядом с краном, и Матвей моментально утратил боевой настрой.

— В здоровом теле здоровый дух. — Радостно сообщил Шипко.

— Сговорились, сволочи... — Тихо буркнул я, вспомнив Клячина с его такими же высказываниями.

Детдомовцы грустной вереницей потянулись к воспитателю. Он набирал воду в ведро, а потом каждому помогал обмыть верхнюю часть тела и умыть лицо. Только после этого мы смогли пойти в барак, чтоб переодеться. Ну, как пойти... Побежали, подпрыгивая на ходу и активно растирая ладонями плечи. Грязные майки, пропитавшиеся потом, и верхнюю одежду Панасыч велел оставить на улице.

В бараке нас ждал сюрприз. Особая группа или не особая, но каждому детдомовцу выдали комплект одежды. Даже несколько комплектов. Начиная от нижнего белья, заканчивая брюками, рубашками, костюмами и вполне приличными пальто. Уж не знаю, куда мы будем в этих пальто ходить? Для прогулки по лесу — мало подходящий наряд. Правда, имелись еще куртки на овчине, и что-то наподобие спортивных ветровок. Это, видимо, для физподготовки.

— Ничего себе... — Восхищённо пощелкнул языком Бернес. Он в этот момент крутил в руках пиджак, сняв его с вешалки. — Ты глянь, что творится... Отличный фасон. Мой дядя Йося шьёт, конечно, лучше, но все равно — прилично состряпали...

Самое интересное, одежда появилась в бараке вместе с тремя здоровенными, просто необъятными шкафами. Когда мы забежали в спальню, сначала даже оторопели.

— Это что за чудеса... Неужто дверью ошиблись... — Лёнька, который топал первым, замер посреди комнаты, с удивлением рассматривая новые предметы мебели.

Просто их здесь всего лишь пару часов назад не было. То есть, пока мы бегали и корячились на турниках, шкафы реально притащили сюда вручную.

— Слышь, пацаны... — Подкидыш обошел Старшого и приблизился к шкафу. Осторожно приоткрыл створку, а затем сунул голову прямо внутрь этого деревянного монстра. — Такого я еще не видал. Чтоб вещи воровали — знаю. Сам делал. Но чтоб наоборот, приносили, да еще и с мебелью... Это у меня, можно сказать, впервые...

Детдомовцы тут же, как по команде кинулись к шкафам и начали разбирать шмотки, по запискам определяя, что кому полагается. На каждой вещи, будь то брюки или рубаха, имелась бумажка с фамилией, приколотая французской булавкой.

Кроме того, появились и другие «блага». Мыло, зубной порошок, зубная щетка, маленькое полотенце для лица и большое, типа банного. Все это, видимо, вместе со шкафами набитыми одеждой, принёс какой-то загадочный волшебник, пока мы нарезали круги по территории школы.

— Ох, ниче себе... — Протянул Лёнька, который первым обнаружил «богатство», лежащее в тумбочке. — Это все нам? Парни, проверьте у себя... Всем, что ли, добра перепало...

— Ох, не к добру это, братцы... — Причитал Зайцев, натягивая через голову добротный, шерстяной свитер. — Точно вам говорю, не к добру. Подкупить нас, наверное, хотят, чекисты хитрож...

Василий замолчал, не договорив свою мысль. Он высунул башку через горловину свитера и с опаской посмотрел на входную дверь. Видимо, опасался Шипко, который мог услышать не самое приятное высказывание о себе и коллегах.

— Ой, на хер ты им всрался, подкупать тебя, — Раздраженно фыркнул Подкидыш, при этом

демонстративно одарив Василия выразительным взглядом. Мол, глянь на себя, придурок. — Если это — твоя цена, Заяц, то чекисты сильно обсчитались. Я бы и три копейки не дал.

— Иди ты... — Василий надулся обиженно, но потом посмотрел на себя в зеркало, имевшееся с внутренней стороны дверцы, и сразу же успокоился. Наверное, так сильно пришёлся ему по душе этот свитер.

Потом опять появился Шипко, который уже привычным строем отвел нашу группу на завтрак. И тут, кстати, тоже нет вопросов. Кормили в Школе хорошо. Особенно, учитывая в каком году мы находимся. Не то, чтоб прям голодные времена. Тяжелый период с дефицитом еды закончился давно. Но все же — какао, бутерброды с маслом и сыром, приличная порция каши на молоке, булочки — это явно не совсем привычный рацион для детдомовцев. Очевидно, на подготовке будущих разведчиков власть решила не экономить.

Несомненным плюсом оказался и тот факт, что мы снова находились в столовой одни, в скромной компании из семи человек. Всё-таки надо признать, я ухитрюсь вляпываться в настолько хреновые ситуации, что мою тягу ко всякому дерьму лучше не провоцировать. Мало того, отличился перед директором школы, так теперь ещё этот Цыганков наверняка не успокоится, пока не устроит мне какую-нибудь гадость. Достаточно его рожу вспомнить, чтобы сразу понять, злопамятная сволочь!

А вот уже после завтрака, мы оказались в учебном классе. Причем, Панасыч ни черта не объяснял, что именно предстоит делать. Нет, так-то понятно, если помещение предназначено для учёбы, вряд ли мы там будем кадрили танцевать. Или что сейчас танцуют... Но всё-таки хотелось бы понимания.

— Уроки, что ль... — Зайцев выбрался из-за стола и подошел к школьной доске. Взял мел, а потом нарисовал здоровый такой писюн. В подробностях.

— Итить-колотить... — Заржал Корчагин. — Да ты просто этот... Винчи.

— Да Винчи. — Исправил Матвея Бернес. — Его звали Леонардо да Винчи.

— Хоть как обзови, марáтель он и есть марáтель. Херню всякую калякал... — Заявил Заяц с любовью рассматривая свое творение.

— Ну, что сказать, господа... Выглядит не очень достоверно. Форма — вполне натуральная. А вот с размером... Сдается мне, Вы сильно себе польстили, голубчик. Если это в жанре реализма, конечно...

Женский голос прозвучал настолько неожиданно, что все детдомовцы одновременно, будто сговорившись, повернулись ко входу в класс. Просто услышать, а тем более увидеть, в этом месте представительниц противоположного пола не рассчитывал никто из нас. Это же, блин, школа НКВД, которая готовит разведчиков. Откуда бабы? Вот такое было выражение лиц у пацанов и у меня в том числе.

На пороге, стояла... черт... я даже затрудняюсь подобрать соответствующее определение.

Для начала, конечно, это была женщина. Невысокого роста, миниатюрная, похожая на статуэтку. Вот только возраст у этой статуэткой, похоже, более, чем приличный. Я бы сходу дал ей лет семьдесят. Однако, удивляло не это. Мало ли, кому сколько лет. Выглядела она... Чисто героиня романа Бунина, сошедшая с иллюстрации книги.

На старушке было надето платье темного цвета, в пол. То есть не просто длинное, а вот прямо едва ли не из начала века дамочка пожаловала. Юбку дополняли рюши, волной спускавшиеся от талии до самого низа. На шее у бабули висели бусы, подозрительно похожие на жемчуг. Мочки ушей украшали точно такие же серьги-капельки. Ее совершенно седые волосы были собраны в высокую, замысловатую прическу.

С одной стороны — по возрасту она была несомненно старухой, но с другой... В ней чувствовалось что-то особое, необъяснимое. Мне кажется, именно это называют породой. Спина прямая, плечи идеально ровные, шея... как в книжках пишут... лебединая. И взгляд... Взгляд пронзал насквозь, пробирался до самого нутра. Словно эта особа знает о каждом из нас какие-то отвратительные секретки.

А самое интересное, она смотрела сверху вниз. Реально. На всех нас. Хотя, ростом уступала прилично. Не знаю, как у нее это получалось.

В руке незнакомка держала длинный мундштук, в который была вставлена папироса. Цигарка эта совершенно беспардонно дымилась и дамочка, по-моему, вообще плевать хотела, что находимся мы в учебном классе. Она разглядывала всех нас насмешливым взглядом удивительно темных, почти черных, глаз, и при этом не стесняясь, выпускала в потолок колечки сизого дыма.

Под нашими удивлёнными взглядами старуха медленно прошла к доске и остановилась. Буквально секунду изучала художественное творение Зайцева. Потом затянулась и, выпустив очередную порцию дыма, постучала кончиком мундштука по доске.

— Это — проявление обычного набора детских травм и глубоких комплексов, которые Вас, голубчик, преследуют. Хотя, странно... — Дамочка скептически посмотрела на Василия. — Для фаллической стадии развития Вы уже слишком стары. Но другой причины быть не может. Иначе зачем Вы изобразили данный, с позволения сказать, орган в столь гипертрофированной манере. По Фрейду, знаете ли, подобная зарисовка — весьма плохой признак. Что со снами, голубчик? Там тоже, поди, снится всякая дрянь.

— Чего это она? Бранится матерными словами... — Растерянно оглянулся на нас Василий в поисках поддержки. — А еще это... Женщина, называется...

На старуху он старался не смотреть. Дамочка очевидно его сильно настораживала своим поведением.

Мы сидели за столами, которые располагались рядами, как в самой настоящей школе. Вася

один стоял возле доски. Судя по выражению лица Зайцева, из сказанного старухой он не понял ни черта. Поэтому заподозрил, что его сейчас скорее всего знатно обгадили. И кстати, Василий был весьма близок к истине.

А вот я на старушку уставился с еще большим интересом. Помимо ее странного вида меня теперь занимало и не менее странное поведение. Все-таки, не самое лучшее время так запросто говорить о Фрейде.

Насколько я помню, старика Зигмунда сильно любил Троцкий. И это сыграло с психоаналитиком злую шутку. После того, как Лев Давидович стал нежелательной персоной, обожаемый им Фрейд превратился для советской психологи в «преступника №1». Теории Фрейда виделись в СССР грязными словами, ассоциирующимися с сексуальной развращенностью. Официальная же идеология гласила, что фрейдизм с его психоанализом рассматривает индивида изолированно от связи с обществом, что для советской науки неприемлемо.

— Вы можете присесть, голубчик. — Старуха мундштуком указала Василию на один из столов. — Ээээ, нет... Сначала, будьте так добры... Избавьте нас от ваших не вполне здоровых фантазий. Я, знаете ли, уже не молода. А Вы такими зарисовками волнуете мой больной организм. Ему сразу хочется пуститься во все тяжкие... Или это был намёк?

Заяц покраснел, как рак. Реально. Просто в секунду залился краской. Схватил тряпку, лежавшую тут же, рядом с доской, и принялся стирать рисунок.

— Доброго дня, господа... — Старуха, наконец, повернулась к нам лицом.

— Вообще-то, господа в 17-м году закончились... — С вызовом бросил ей Лёнька.

Остальные детдомовцы продолжали молча таращиться на бабулю. Наверное, сегодня у пацанов крайне насыщенный событиями день. Сначала — я с бутылкой, теперь вот — старуха с мундштуком и откровенно поганым характером.

— Это, да... Господа закончились... К сожалению... — Невозмутимо ответила дамочка. — Но до товарищей вы пока не дотягиваете. Посмотреть надо сначала, кто из вас заслуживает такого обращения. Чтоб не вводить ваши юные умы в блуд, давайте так... Господа беспризорники и голодранцы, позвольте представиться — Эмма Самуиловна. Фамилию, уж не обессудьте, говорить не буду. Она вам ни к чему. Ни о чем не скажет. И это, кстати, к лучшему.

— Сама голодранка... — Тихо пробурчал Зайцев, который как раз активно стирал оставшуюся часть рисунка. Однако, старуха его услышала.

— Сейчас — да. Не буду спорить. Но разговор, милый мой, совсем не об этом. Будьте любезны, возьмите бумагу. — Эмма Самуиловна указала в сторону стопку листов, которые лежали на одном единственном столе, расположенном отдельно от остальных. — Перед вами — чернильницы. Вы ответите на вопросы, которые я вам задам.

— Эээ... Нет... Что за дела? — Подкидыш откинулся на спинку стула, с наглой рожей рассматривая дамочку.— Я ничего писать не буду.

— О, Господи... Прямо революционеров набрали, бунтарей...— Эмма Самуиловна медленно подошла к Ваньке, остановилась, рассматривая его физиономию.

Иван от такого пристального внимания слегка стушевался. Старуха с улыбкой затянулась своей папиросой, и, выпустив струю дыма прямо ему в лицо, продолжила:

— Мне, голубчик, мало радости от эпистолярного жанра в вашем исполнении. Вопросы касаются исключительно тех предметов, которые я у вас буду преподавать. А это — словесность, в первую очередь изящная, мировая культура, и, конечно, великий могучий русский язык. Нужно понять уровень ваших знаний.

— Я все стёр... — Выглянул из-за плеча старухи Василий.

— Зачем же Вы, сударь, так неосторожно? Все не надо было. Обо что тёрли? Ах, нет... Лучше не говорите. Боюсь, моя фантазия слишком разгуляется. Я просила только привести доску в порядок. Но... Что ж поделать... Говорят, в некоторых странах и без этого живут. Присаживайтесь на свободное место.

Зайцев несколько секунд тупо пялился на Эмму Самуиловну, пытаясь сообразить, его сейчас снова обгадили или ему показалось. Однако, сарказм старухи оказался слишком сложен для не очень острого ума Василия.

— Да сядьте уже, голубчик! Маячите за моей спиной, как тень отца Гамлета, право слово...
— Старуха обернулась и раздражённо махнула прямо перед рожей Василия мундштуком.

Зайцев пулей метнулся к свободному месту, плюхнулся на стул и схватил перьевую ручку, приготовившись писать.

Вообще, конечно, удивительная хрень. Какая-то бабка в жемчугах и с папироской, без крика, как это, например, делает Шипко, без пугающих замашек, свойственных, к примеру, Клячину, за пять минут своего присутствия превратила детдомовцев в того, кем они являются на самом деле. В растерянных и ни черта не понимающих детей.

— Значит так, дорогие мои... — Эмма Самуиловна выставила вперед руку с мундштуком и обвела внимательным взглядом детдомовцев, будто размышляла, а не ткнуть ли этой длинной хреновиной кому-то в глаз. — Предупреждаю сразу... Вчера у меня уже был тяжёлый день в другой группе. Там, например, от одного милого молодого человека я узнала, что Анна Каренина жила в 18 веке и под поезд она, конечно, попала, но не вся. Частично. А вообще, ее поступок можно рассмотреть, как попытку саботажа... Да... Это он меня пытался убедить в таком развитии сюжета. С другим, не менее милым молодым человеком мы пытались обсудить великого Мопассана и его Пышку. И спросила я всего лишь, какая была профессия у Пышки. Почти пять минут он трепетно блял, перебирая варианты синонимов. Не смог, сердешный, сказать вслух.

— А кем была эта Пышка? — Тихо поинтересовался Подкидыш. Он сидел прямо за мной и вопрос, наверное, предназначался тоже мне.

— Ну, вот видите... А Вам даже не знаком Мопассан... — С горечью констатировала Эмма Самуиловна.

— Так кем, слышь, Реутов? — Продолжал бубнить настойчивый Иван.

— Да проституткой она была! Черт подери! Лучше бы Вас волновало, кем был Мопассан...

— Взмахнула мундштуком Эмма Самуиловна.

Она не успела договорить, а все детдомовцы уже схватили перьевые ручки и уставились на старуху. Надо признать, эта особа почти ухитрилась переплюнуть мой фокус с бутылкой.

Глава 22

В которой я испытываю волнение

Утро началось ожидаемо. С матерного ора Шипко, пробежки и водных процедур на улице. Единственный радостный момент — мне ничего не снилось. Я открыл глаза с чувством огромного облегчения. Даже покрутил головой по сторонам, убеждаясь, что действительно проснулся.

— Ничего себе... — Провел ладонью по лицу и принял сидячее положение.

Судя по всему, за окном, как и вчера, только начало светать.

— Подъем, черти! Утро красит нежным светом стены древнего Кремля! — Весело покрикивал Шипко, прохаживаясь между нашими кроватями.

— Просыпается с рассветом вся Советская земля... — На автомате продолжил я. Даже не сообразил сначала, откуда в моей голове появились эти строчки. Может, слышал когда-то в детстве. Не знаю.

— Вот! Молодец, Реутов! Молодец, в рот компот! Отличная песня. Правильная! — Панасыч прижал руки к груди, уставившись на меня, словно мамочка, довольная успехами своего чада. Потом повернулся к остальным детдомовцам и совсем другим голосом гаркнул. — Чего лежим, черти! Встаем, одеваемся и на пробежку! Разин!

— Я! Тут! Встал! — Подкидыш подскочил на месте и уселся на кровати, вытаращив сонные глаза.

После вчерашнего противостояния с сержантом госбезопасности, которое закончилось безусловной победой первого, Ванька, похоже, решил больше не проверять границы дозволенного. Потому как теперь очевидно, границ нет. У Шипко, я имею в виду. Он не менее отмороженный, чем тот же Клячин. И лучше Николая Панасыча не доводить до состояния, когда он эту свою отмороженность демонстрирует во всей красе.

Остальные члены нашей команды тоже начали выбираться из постелей. С неохотой. Никто не горел желанием в такую рань снова переться на улицу. Как говорил один комик из моей обычной жизни, если я куда-то бегу дольше пяти минут, мозг говорит, эй, ты куда? Зачем бежим? Нам туда не надо. Вот сейчас было именно такое состояние.

Но товарищ сержант государственной безопасности, а вернее его непосредственное участие в пробуждении, сильно стимулирует переступить через «не хочу». Потому что повторить вчерашнюю историю Подкидыша никому не хотелось.

— Ой... А нас все еще семеро... — Выдал вдруг Бернес, натягивая штаны. — Что-то долго трое едут. Вы их с северного полюса везете?

— Во-первых, Либерман, лично я никого не везу. А во-вторых... Уже не доедут. — Сообщил с улыбкой Шипко.

Прозвучало это, несмотря на его улыбочку, очень даже трагично. Да и сама улыбочка у товарища сержанта в этот момент была гораздо больше похожа на оскал.

— Вы их что... того? — Корчагин провел большим пальцем себе по шее.

— Ну ты говори, да не заговаривайся. — Нахмурился Николай Панасыч. — Они не дотянули до уровня, который нужен для поступления в Школу Особого Назначения. Не прошли проверку. А нам такое нельзя. Слабаки нам не нужны.

— А как же слова Феликса Эдмундовича? — Бернес надел штаны, сунул ноги в ботинки, и теперь сидел на кровати, с интересом разглядывая Шипко — Когда у тебя будет дилемма, кого брать — идеологически нашего человека, но слабенького, или хорошего специалиста, но идеологически неверного нам, возьми слабенького и воспитай из него сильного.

— Слушатель Либерман... — Панасыч остановился напротив Марка. — Ты у нас, конечно, парень шибко умный. Много чего знаешь. Но хочу напомнить тебе, что именно от большого ума отец твой оказался, там, где очень быстро помер. А ты — на улице, где черт тебя дёрнул связаться с бандюками. И еще, хочу напомнить, что грозило тебе весьма печальное будущее. Если бы не один из моих товарищей, служивших в Одессе, который в самом обычном, чумазом ворье смог разглядеть что-то хорошее, ты бы сейчас, Марк Аронович Либерман, занимался общественно полезным делом. Валил бы лес. К тому же, несколько месяцев назад тебе как раз восемнадцать исполнилось. Мужик, можно сказать, итить-колотить. Так вот к чему я это... Ты бы, Либерман, поменьше языком трепал, где тебя не просят. А еще лучше, выкинул бы из головы все, что когда-либо слышал от отца. Даже про Феликса Эдмундовича. Особенно про него. Опасное это дело, хранить подобные рассказы в памяти...

Шипко отвернулся от притихшего Бернеса, окинул нас всех внимательным взглядом, а потом скомандовал:

— Одеваемся и на улицу строиться. Жду пять минут.

Едва сержант госбезопасности вышел из спальни, все детдомовцы сразу повернулись к Марку.

— Так ты чего? С ворами крутился? Не из детского дома тебя привезли? Да и годов тебе поболее, выходит. А так-то и не выглядишь. — Высказал общую мысль Лёнька.

Остальные, видимо, постеснялись комментировать услышанное. Хотя, нет, не постеснялись. Неверное определение. Скорее, настороженно отнеслись к тому, что сказал Шипко.

— Нет, не из детского дома. — Коротко бросил Марк. Он явно не горел желанием откровенничать. Однако потом добавил. — Отца арестовали в 1934 после убийства товарища Кирова. Мы тогда жили в Ленинграде. А я сбежал. Хотел добраться до тетки. Она у меня в Одессе. Добрался, но ее уже нет. Вот и пришлось выживать, как мог. Сначала на улице на скрипке играл. Спал там же. Жрать было нечего. А потом на меня внимание обратили местные. Ну... я и занялся немного другим. Руки мои оказались весьма ценным инструментом. Три года как с куста. Пока не попался одному товарищу лейтенанту... Вон...—Марк кивнул головой в сторону двери. — Другом Николая Панасыча оказался. Он меня сюда и отправил. Сказал, мои таланты нужно применять там, где они государству пользу принесут.

— Ясно...— Лёнька помолчал пару минут, а потом добавил. — У всех у нас несладко было...

На этом тема прошлой жизни Бернеса закрылась сама собой. Тем более, народ вставал с кроватей, но тут же с воем падал обратно. Естественно, вчерашний день ни для кого не пошёл бесследно.

Более-менее нормальным настроением было только, наверное, у меня. А я просто радовался тому, что ночь прошла спокойно и снова никакая херня не привиделась.

Сны эти дебилские... Они сбивают меня с толку. Остается после них ощущение, будто я должен что-то увидеть, разглядеть и запомнить. А сейчас точно не до игры в детективы. Сейчас надо как-то наладить свою новую жизнь. Хотя бы в тех обстоятельствах, которые меня окружают. Все. О прошлом, точнее о будущем, надо забыть. Не будет его. Я уже в этом уверен. Значит, надо брать, что есть, и с этим работать.

— Убейте меня...— Простонал Корчагин.

Естественно, хреново было всем. Мышцы болели так, что хотелось просто лечь и не двигаться. После той физической нагрузки, которая у нас была вчера, вполне ожидаемые последствия. Странно, как мы вообще умудрились сползти с кроватей под жизнерадостные крики бодрого Шипко.

— Ох ты ж мать моя... — Старшой встал, потянулся, потом снова сел. — Ох ты ж сука...

— Да хватит! Что вы как девки, честное слово. Болит, потому что вчера жопу рвали. Еще пару дней и тело привыкнет. — Рывкнул я на Лёньку. — Ты вообще вон, конь! Здоровый и

крепкий. На тебе пахать надо. А ноешь, будто гимназистка. Фу! Стрёмно!

Вообще, срываться на Старшого не собирался. Просто несмотря на спокойную ночь и относительно хорошее настроение, все равно имелось у меня какое-то странное раздражение. Вроде бы видимой причины нет. Ну, не считая, конечно, того факта, что я в 1938 году проживаю судьбу своего деда. В остальном же все нормально. Жрать дают, одевают, обувают. Глядишь, правда чему путному научат.

Однако внутри все равно свербило. Возился там какой-то поганый червячок, отдаленно напоминающий предчувствие очередной херни.

Пацаны, естественно, мою отповедь, предназначавшуюся Лёньке, услышали. Замерли с одеялами в руках, прекратив заправлять постели, и настороженно уставившись на меня со Старшим. По сути, непроизвольно, я, можно сказать, бросил вызов его лидерству.

— Да че ты, Реутов... — Ответил неожиданно виноватым голосом Лёнька. — Я ж просто... ну, так, для острастки...

Детдомовцы переглянулись. По всем правилам их жизни Лёнька должен был сейчас поставить меня на место. Если он, конечно, хочет оставаться вожаком нашей небольшой стаи. А он своим ответом дал понять, что не собирается этого делать.

— Ну, вот и хорошо... — Ответил я, натягивая треники, мастерку и кеды.

Это добро нам тоже подкинул вчерашний волшебник.

Соответственно, когда мы вышли на улицу, где в ожидании своих подопечных, расхаживал туда-сюда Панасыч, и отправились на пробежку, пацаны постоянно косились на меня. Но уже не ныли. Потому что молчал и не ныл я. Типа, подавал пример своим поведением.

А я, если честно, вовсе не силу характера показывал. Мне просто снова вздумалось анализировать дедову жизнь. Плюс, знаю на личном опыте, когда нужно делать что-то неприятное, напряжное и физически тяжёлое, нужно на этом просто не сосредотачиваться. Поэтому вместо мыслей о беге и о том, как хреново переносило очередную нагрузку тело, я принялся крутить в башке все известные о Реутове факты.

И вот такое дело... Крутились то они хорошо. Эти факты. И с одной стороны поворачивались, и с другой. Особенно благодаря снам. Но в какую-то логическую картину не складывались.

Родители умерли, пацан попал в детский дом. В принципе, вполне обычная история для данного времени.

Если бы не одно «но». Присутствие чекистов в различных вариантах. Вот что меня смущает. Очень уж их до хрена в этом жизненном сюжете.

Именно сейчас, во время бега, мне вдруг вспомнились слова Зайцева. Он сказал, когда двое

воспитанников коммуны погибли, через неделю явились сотрудники ОГПУ. Явились за сыном дипломата Витцке. На хрена? Пацану семь лет. Что он им мог рассказать? Как мать случайно тупой Разинков убил? А что-то мне подсказывает, из квартиры ее уже вынесли далеко не в здравии.

Так срать всем на это. Вернее, не срать, конечно. И, наверное, Разинкова наказали бы. Но он — слишком мелкая сошка, чтоб ради доказательства его вины чекисты помчали в коммуны за Алешей. Да и потом, судя по тому, что о пацане особо никто ничего не знал, исходя из рассказа того же Зайцева, Алеша внял совету Ляпина и никому не признался, где его носило в момент ареста матери. Либо, опять же, поверил, будто его действия и молчание спасут родителей. В любом случае, я не вижу причины, по которой сотрудники ОГПУ могли бы рвануть в Коммуну ради Алеши, спустя почти год.

Это — первый факт. Второй — Бекетов.

Странное какое выходит совпадение. Перед тем, как объявились в коммуне чекисты, ровно за неделю, вдруг произошёл «несчастный» случай. Именно в этот момент, не позже, не раньше, Бекетов решил, что Алеше будет лучше оказаться в другом месте и под другой фамилией. Я, конечно, не законченный циник... Хотя, нет. Зачем врать? Я — законченный циник и в человеческую доброту не верю. А вот в выгоду, в собственный интерес — очень даже. Значит, следующий пункт нашей крайне запутанной истории — Бекетов вытащил из коммуны пацана, чтоб его спрятать. То есть, у товарища старшего майора государственной безопасности есть своя цель. Причем, цель — долгоиграющая. Годы идут, а он от Реутова ни на шаг не отходит. Условно выражаясь, конечно. Особо свое участие не выпячивает, но и в покое пацана не оставляет. Просто так? Ради странного желания помочь? Очень сомневаюсь.

Третий факт — Клячин. Вот хоть убей, я уверен, в первый день Николай Николаевич всячески пытался раскрутить меня на откровенный разговоры. Все выпрашивал, признавал, тему подводил. Особенно интересовало его детство пацана. Но при этом, Клячин не знает о том, что Реутов вовсе не Реутов. Значит, получается, у Николая Николаевича — своя какая-то игра. И скорее всего, любопытство Клячина не совсем понравилось бы Бекетову. Потому что старший майор госбезопасности — это типа хозяин чекиста. Если в данном времени можно так выразиться. Его босс. Клячин меня пробивал осторожно. Ненавязчиво. Потом вообще притих. Наверное, чтоб я не заострил внимание на его интересе.

И вот что выходит по итогу... Целых три пункта, на которые я пока не могу дать точного ответа. Но при этом, знаю на сто процентов, ответ нужен. Очень. А то как бы мне не прилетело дерьма, к примеру, через годик или два. Это будет очень обидно. Сейчас налажу тут все, обустроюсь на новом месте, а потом — на-ка, Алеша, тебе по хлебалу каким-нибудь хреновым фактом из детства.

— Слышь, Реутов...

Я отвлекся от размышлений и с удивлением посмотрел на Зайцева, бегущего ровнёхонько рядом со мной. Даже не заметил, в какой момент он пристроился.

— Чего тебе, Вася...

Заяц категорически вызывал у меня отторжение, и моральное, и физическое. В том плане, что я даже лишний раз старался с ним не разговаривать. Бывает такое. Когда человек вызывает настолько сильную брезгливость, что ты даже слышать его голос не хочешь. Вот такая история сложилась у меня с Василием. Я упорно считал его гнидой, причем гнидой скрытой, которая обычно гадит исподтишка, и никто не смог бы убедить меня в обратном.

— Я тут вспомнил...у тебя на спине было родимое пятно. Смешное такое пятно...Вернее, чуть пониже спины. На заднице почти...

— Вася...— Я остановился, переводя дыхание. При этом смотрел на Зайцева с достаточно откровенной неприязнью. — Даже не хочу знать, где и при каких обстоятельствах ты умудрился рассмотреть на моей заднице родимое пятно. А еще больше не хочу знать, на хрена ты ее вообще рассматривал. Мою задницу.

— Дык в бане были. — Ответил Заяц, искренне не понимая моего возмущения. Ну, с этим непониманием ясно, конечно. Они тут еще толерантностью не испорчены. — Нас в баню водили в коммуне. Пацаны смеялись, что ты вроде такой весь драчливый. Слова не скажи. А на жопе родимое пятно в виде цветочка. Прямо как у девки. Первый раз когда шутковать начали, ты шайкой двоих оприходовал. Психованный же был. Прямо схватил шайку и по башке им обоим.

— Занимательная история. Все? — Мне хотелось как можно быстрее закончить этот разговор с Василием. Тем более, наш отряд уже удалился на приличное расстояние.

— Покажи. — Заяцев вдруг наклонился ко мне совсем близко и прошептал чуть ли не в лицо. — Пятно покажи.

— Да пошёл ты! — Я с силой оттолкнул придурка. — Еще голой жопой не светил посреди нквдэшной школы. Если так сложится, увидишь, а вообще, ты ко мне с подобной херней больше не подходи. Понял? Извращенец, млять...

Я сорвался с места, устремившись вслед за детдомовцами. Тем более, Шипко, который заметил нашу задержку, уже приотстал от воспитанников, глядя в сторону, где стояли я и Василий, с откровенным недовольством.

— Не понял...Какой извращенец! Слово то какое... Непонятное... Ты о чем, Реутов! Просто убедиться хочу, что ты — это ты. — Крикнул Заяц мне в спину, а потом рванул следом.

— Голову лечи, придурок. — Бросил я ему в ответ через плечо. — Разобрались уже, а тебе все неймётся. Хочешь доказать что-то, не вопрос. Давай вечером за барак выйдем, когда Панасыча рядом не будет. Выясним все недоговорённости.

— Да я че? Я ниче! — Сразу пошел на попятную Вася. Получать в морду ему точно не хотелось. — Просто вспомнилось. А так, нет вопросов.

Он обогнал меня и побежал вперед.

— Вот сука... — Прошептал я, глядя как удаляется спина этого мудака.

Похоже, Василий до конца не поверил в мою историю насчёт чудесного воскрешения. Все эти дни упорно думал, на чем бы меня подловить. Да ещё, ко всему прочему, я вдруг начал расти в глазах пацанов. И Васе это явно поперек горла встало.

Значит, у меня возникла очередная проблема. Ясен хер, я понятия не имею, как выглядит дедова задница, но уж точно на ней вряд ли имеется точно такое же пятно, как у настоящего Реутова. И это — вопрос времени, насколько быстро Заяц убедится в своей правоте. Мы же в любом случае рано или поздно отправимся либо все в ту же баню, либо в душевую. Шипко, сказал, в бараке придётся кантоваться не больше пары месяцев. Бесконечно плескаться на улице мы не будем. А Василий явно вознамерился доказать, что изначально был прав, назвав меня крысой.

— Реутов! Ты чего там плетешься! — Крикнул Панасыч недовольным голосом.

Пришлось ускориться и догонять остальных.

Глава 23

В которой я понимаю, что такое настоящий залет, но не понимаю, почему там оказался я

— Товарищ сержант государственной безопасности, а когда снег ляжет, мы прямо в нем будем мыться? — Поинтересовался на свою голову у Панасыча Подкидыш.

Впрочем, не только на свою, но и на нашу. Юморист хренов. Потому что в течение следующих пятнадцати минут, подпрыгивая на месте и делая активные физические упражнения, типа приседания, дабы не околеть от весьма уже ощутимого холода, мы слушали лекцию о том, что Родина дала нам такой чудесный шанс сослужить ей службу. Что Родина увидела в нас достойных доверия элементов, хотя мы и доверие — очень сомнительное сочетание. И если Родина захочет, чтоб мы купались в снегу, значит, необходимо делать это с энтузиазмом и счастливой улыбкой. Даже если Родина захочет, чтоб мы купались в дерьме, глотая его по самые гланды, мы без малейших сомнений выполним ее желание. Потому что Родина — это наше все!

А ведь процесс утреннего туалета мог закончиться гораздо быстрее. Просто обмылись бы по-пустрому и все. Так нет. Тянет вечно Подкидыша высказать свое остроумное, но очень неуместное мнение.

— Одеваться, строиться и на завтрак! — Скомандовал Шипко под конец свой крайне пафосной речи.

— Ничего не хочу... Даже жрать не хочу... — Простонал Зайцев.

Я покосился в его сторону, но тут же отвернулся, пока Василий не заметил моего взгляда.

О Зайцеве теперь думал постоянно. Ибо настойчивость этой гниды — реальная проблема. Конечно, слова детдомовца — воздух. Их к делу не пришьёшь, как говорится. Мало ли у кого, что есть на заднице. Сказать до хрена всякого можно. Это совсем не означает, будто Вася, к примеру, не сочинил историю про родимое пятно, желая подосрать. Но мне точно сейчас не нужно, чтоб Зайцев своими тупыми разговорами и подозрениями создавал лишнюю суету вокруг Реутова. Тем более, пацаны уже начали воспринимать меня как главного в нашей группе.

— Не бзди, Заяц! — Засмеялся Корчагин. — Раньше смерти не помрёшь. Да, Алёша?

Матвей заискивающе заглянул мне в глаза. Я молча усмехнулся и кивнул в ответ. Дабы не привлечь внимание изменившимся из-за разговора с Васей настроением, внешне приходилось вести себя как обычно.

Хорошо, что после завтрака нас снова отвели в учебный класс на растерзание Эммы Самуиловны. Правда, пока мы ждали появления старухи, я один черт ощущал на себе взгляд Зайцева. Однако стоило мне повернуться, он моментально отводил глаза в сторону.

Эмма Самуиловна, кстати, вчерашней встречей и опросом, который она устроила для понимания картины, была сильно впечатлена. Вовсе не в хорошем смысле.

Два часа старуха гоняла нас по классическим произведениям отечественной и мировой литературы. Причём второй час, как мне показалось, уже чисто развлечения ради. Из принципа. Думаю, ей просто было интересно, есть ли предел тупости и необразованности детдомовцев.

Я, кстати, ее понимаю. О классиках в нашей группе, исключая меня и Бернеса, не знал никто и ничего. Нет, ну на уровне Пушкина Александра Сергеевича худо-бедно что-то блеяли. Про Лукоморье и учёного кота. С остальными — беда.

— Кто! Кто такой Квазимодо! — Тихим злым шёпотом спрашивала Эмма Самуиловна Подкидыша, при этом размахивая перед его носом мундштуком, отчего Подкидыш сильно нервничал и умнее точно не становился.

Он нервно теребил свой листок, на который мы записывали ответы, глядя куда угодно, только не в лицо преподавательнице.

Дело в том, что по началу Эмма Самуиловна задавала вопросы, но практически сразу поняла, ни черта ей никто не расскажет. Поэтому попутно начала сама же отвечать. Надеюсь, это немного взбодрит бестолковых учеников. Не взбодрило...

— Ну...он...ээээ...— Мычал Иван, не спуская глаз с опасного предмета в руках старухи.

— Я ведь только что вам рассказала сюжетную линию великого произведения Виктора Гюго! «Собор Парижской Богоматери»! Жемчужина мировой литературы! Ровно пять минут назад речь шла о Квазимодо. Кто он? Просто скажи, кто он такой! Неужели не в состоянии

запомнить столь простую вещь? Кто такой Квазимодо!

— Эм...уродец? — Робко поинтересовался Подкидыш. Было очень заметно, что его, прожженного беспризорника, старуха пугает похлеще чекистов.

— Уродец — это ты... — Эмма Самуиловна оперлась руками о стол и наклонилась совсем близко к Ивану. Их носы почти соприкасались. — А Квазимодо...

Старуха, резко выпрямившись, со всей дури шлепнула ладонью по столешнице.

— А Квазимодо — это урод! Горбун из Нотр-Дам! Господи, вы вообще не учились ничему!
— Эмма Самуиловна обвела нас грозным взглядом. — Вас же не с улицы притащили! Три класса церковно-приходской школы за плечами?

Пацаны скромно молчали. Никто даже не пытался отшутиться или еще что-то. Я, кстати, во время опроса сильно выгребываться не стал. Хотя мог, конечно, рассказать старухе и про Мопассана, и про Гюго, и про тех, о ком она ещё не имеет ни малейшего понятия. Но решил, пока рано доставать все карты.

Если эта дамочка задавала вопрос конкретно мне, отвечал сдержанно. Все-таки у Реутова репутация сообразительного малого, который учебу хорошо волокёт. Но в большинстве случаев старался отмалчиваться. И при этом тихо охеревал.

С оценкой, которую Эмма Самуиловна дала детдомовцам я был исключительно согласен. Они не знали элементарных вещей. По крайней мере, относительно словесности. По каким критериям их внесли в список группы! Как самых тупых, что ли? Ведь была же причина, которая сыграла роль в выборе именно этих пацанов среди прочих.

Ладно, насчет Бернеса теперь понятно. Видимо, его криминальное прошлое является неким бонусом. Может он виртуозно вскрывает замки. Может, великолепно ворует драгоценности. Не знаю. Может, у него фотографическая память и он лучше всякого навигатора запоминает дорогу. Но хоть что-то. Да и так, Марк достаточно умен. С остальными пока вообще ни черта не понятно.

— Как тут мои оглоеды! — По окончании двух часов мучительного страдания детдомовцев от старухи и старухи от детдомовцев, дверь в кабинет открылась, явив нам довольную рожу Шипко.

— Где вы их нашли? — Эмма повернулась к Панасычу. — Откуда вообще эти дарования?

— Слушайте... — Шипко просочился в учебный класс и бочком приблизился к злой преподавательнице. — Возможно, задача не слишком простая...

— Не слишком простая! — Старуха начала медленно наступать на сержанта госбезопасности. — Да они не знают ни-че-го! Для них фамилии Достоевский и Уайльд — это набор непонятных букв!

— Эмма Самуиловна, позвольте уточнить. Как Вы здесь оказались? — Вопрос Шипко прозвучал неожиданно и вроде бы не в тему.

— Как! Я оказалась здесь, потому что у меня не было выбора! Уж Вам ли не знать!

— Вот видите. Сами все прекрасно понимаете. У Вас нет выбора. Но зато есть чуть больше месяца, чтоб сделать из этих бестолковых чурок сведущих в литературе и родном языке людей. — В отличие от преподавательницы Шипко оставался совершенно спокойным. — Мы ведь не просто так пригласили именно Вас. Потому что только Вы справитесь с этой сложной задачей. Я прекрасно помню Ваши лекции...

Детдомовцы с офигевшими лицами смотрели то на воспитателя, то на старуху, пытаясь понять, с какого перепуга Панасыч начал говорить красивым, правильным языком. Куда внезапно подевались его «едрить твою в душу»? Почему перед нами больше нет того деревенского простачка, которого мы наблюдали несколько дней.

— Je me souviens de toi aussi, Nicolas. Vous aviez un nom de famille différent, mais cela ne résout rien. Je ne pensais pas que nous nous reverrions dans de telles circonstances. — Выдала вдруг Эмма Самуиловна на французском языке.

Я, если честно прихерел с двух вещей в этот момент. Во-первых, в моей башке сработала какая-то непонятная фигня. Я понял, что именно она сказала. Хотя знанием французского точно раньше не блистал. Пусть, не дословно, но общий смысл точно понял.

” Я вас тоже помню Николая. У вас была другая фамилия, но это ничего не решает. Не думала, что мы снова встретимся при таких обстоятельствах...”

Вот приблизительный текст высказывания старухи. То есть, она знала Панасыча прежде. И явно не в роли чекиста. И явно не в роли Шипко...

А вот от второй вещи прихерели мы все. Потому что Николай Панасыч ответил ей.

— C’est ainsi que s’est déroulée la vie. J’ai fait un choix et je ne le regrette pas. La patrie passe en premier.

«Так сложилась жизнь. Я сделал выбор и не жалею. Родина превыше всего...»

Моментально, каким-то удивительным образом, перевелись в моей голове слова товарища сержанта государственной безопасности.

— Чтоб я сдох... — Еле слышно выдохнул Подкидыш, но сразу же заткнулся от греха подальше. Просто, наверное, степень его изумления была слишком велика.

— Если с ними возможно что-то сделать, то только с Вашей помощью. — Шипко снова перешёл на родную речь, не обращая внимания на воспитанников. Сержант госбезопасности смотрел только на старуху.

Думаю, французский они использовали, дабы определённую часть их беседы не поняли детдомовцы. Со мной пока история мутная. Скорее всего, Алёша знал не только немецкий. Другого объяснения не имеется. В принципе, немецкий и французский — из одной языковой группы. Вроде бы так. И есть осознание, что разговор старухи с Панасычем я понял очень приблизительно. Но ведь понял! Неожиданно...

— Я не волшебница! — Категорично заявила старуха. — Вот эти...

Она указала мундштуком в мою сторону и на Бернеса.

— С ними можно работать. Остальные — лучше пристрелите меня.

— Ну, что ж... Значит, пристрелим... — Так же спокойно ответил Панасыч и развернулся, собирать выйти из класса. Но в последнюю минуту остановился, а затем снова посмотрел на старуху, которая замерла каменным изваянием. — И кстати... не только Вас, если Вы вдруг запомнили... Группа! Построиться, на выход!

Детдомовцы вскочили из-за столов и шустро встали в колонну, пока Шипко не передумал. Остаться и дальше наедине с преподавательницей не хотелось никому. Однако, когда уже почти вышли в коридор, Эмма Самуиловна крикнула нам вслед.

— С завтрашнего дня ежедневно по шесть часов с перерывом на обед. Через месяц они смогут поддержать любую беседу на темы, которые я вобью им в головы.

Шипко ничего не сказал Эмме Самуиловне в ответ. Только молча кивнул и все. Он вывел нас из учебного класса и отправил в столовую.

Обед, надо отметить, был ничуть не хуже завтрака. Он прямо порадовал изобилием блюд. Первое, второе, компот и сладкие булочки.

— Черт... Я готов терпеть все. Даже эту ненормальную старуху с ее Квазимодой... Ради такой жратвы, на самом деле готов... — Высказал общую мысль Корчагин.

Он откинулся на спинку стула и сидел с довольным видом, поглаживая себя по животу. Остальные детдомовцы выглядели не менее счастливыми.

Более того, после обеда нам даже дали час личного времени. Потом в бараке появился Шипко с большой стопкой книг в руках.

— Таааак... — Он обвёл взглядом всех нас. — Приступим, ёк-макарёк...

Панасыч начал по очереди подходить к каждому, скидывая на кровать определённую книгу из той стопки, которую держал в руках.

— Михалёв — «Детство. Отрочество. Юность» Льва Николаевича Толстого. Разин — «Бесы» Федора Михайловича Достоевского. Зайцев — «Человек, который смеётся» Виктора Гюго, Либерман...

Шипко поморщился. Посмотрел на оставшиеся в его руках книги.

— Тебе «Портрет Дориана Грея». — Выплюнул он название. Очевидно, Оскар Уайльд не самый любимый писатель чекиста.

Следом была моя очередь, и очередь Корчагина с Ивановым. Мне достался «Оливер Твист». Пацанам — «Анна Каренина» и «Что делать?» Чернышевского соответственно.

Судя по недовольному лицу Шипко, список литературы составила лично Эмма Самуиловна. Думаю, он бы с гораздо большим удовольствием подсунил нам труды Карла Маркса и Фридриха Энгельса.

— Значит так... сегодня больше никуда не идете, в рот вам ноги... Сидите и читайте. Ясно? Чтоб к завтрашнему занятию каждый мог ответить на вопросы по своей книге. — Панасыч снова окинул нас недовольным взглядом, потом, для верности, показал кулак и вышел из спальни.

— Какие странные с ним происходят метаморфозы... — Задумчиво протянул Бернес, глядя на закрывшуюся за воспитателем дверь. — Мне одному это показалось или всего лишь пару часов назад товарищ сержант государственной безопасности вел себя как человек, имеющий и воспитание, и образование, и немного другую биографию...

— Ты вон лучше читай! — Подкидыш взял свою книгу, с тоской рассматривая количество страниц. — Чтоб завтра эта сумасшедшая старуха не вела себя как черт знает кто... Панасыч его интересуется... У Панасыча уже все хорошо, он в НКВД служит... А мы, похоже, такими темпами до конца года не доживем... Не, ты погляди, какая здоровая! Погляди!

Иван потряс бессмертным произведением Федора Михайловича в воздухе.

— Единственное, что полезного вижу в этой книге, ей хорошо, наверное, по башке лупить. И все... — Сделал вывод Подкидыш.

Как бы то ни было, до самого вечера мы сидели в спальне, читая книги. Никого это не радовало, конечно, но каждый час в комнату заглядывал Шипко, обводил детдомовцев суровым взглядом и снова исчезал за дверью. Поэтому возможности соскочить с нашего внезапного домашнего задания не было.

Кстати, может, я потому и спал отлично, без всяких сновидений. Мозг подзагрузился Диккенсом и решил просто отдохнуть. Надо попробовать читать по вечерам. Хуже не будет, а так, глядишь, совсем от Алешиных воспоминаний избавлюсь. Они все равно больше вносят сумбура, чем понимания.

В любом случае, то, что сегодня, после пробежки и завтрака, Панасыч отправил нас снова к Эмме Самуиловне, мне только на руку. Во-первых, мы будем заняты до вечера. Во-вторых, можно подумать о разговоре с Зайцевым. Хотя, чего о нем думать? Мне просто надо обсудить это с Бекетовым. Точно!

В конце концов он заварил кашу с обменом фамилиями и жизнями. Спаситель херов. Вот пусть ломает голову, как решить вопрос с Василием. Может, его вообще переведут куда-нибудь. Или отчислят из Школы. Кстати, хороший вариант... Отчисление ненужной помехи в лице Зайцева можно обсудить с товарищем старшим майором госбезопасности...

Дверь скрипнула. Все присутствующие испуганно подняли головы, оторвавшись от своих книг. Мы ожидали появления старухи. Однако, на пороге нарисовался Шипко.

— Товарищ сержант государственной безопасности, только же расстались, и десяти минут не прошло. Мы не успели еще соскучиться. — Подкидыш, как всегда, был в своём репертуаре.

У него, как у собаки Павлова, реакция на Панасыча. Едва его видит, сразу открывается рот, откуда вылетают ироничные высказывания.

— Тебя, Разин, я, возможно, вообще предпочел бы не лицезреть, но, к сожалению, вынужден любоваться на твою рожу. Реутов, за мной!

Скомандовал Панасыч и снова исчез за дверью.

— Везёт... — Ванька проводил меня звистливым взглядом, пока я шел на выход. — Алёша, ты там спроси, может и меня куда-то надо? Я на все согласен. Бегать, прыгать, полы мыть. Лишь бы подальше отсюда.

Пацаны заржали, но тут же одновременно заткнулись. В дверях появилась Эмма Самуиловна. Старуха выглядела все так же странно. Платье в пол, высокая прическа, неизменный мундшук с дымящейся папиросой.

— Реутов, да, я в курсе. Тебя вызвали к директору. — С ходу заявила она, хотя, я вроде ничего ей не говорил. — Как освободишься, возвращайся сразу.

Молча кивнул и вышел в коридор. Утреннее ощущение приближающейся херни стало сильнее. Что за новости? На кой черт мне надо к директору? Вернее даже не так. Я точно не хочу к директору и мне туда не надо. На кой черт ему понадобилось мое присутствие?

Шипко стоял неподалёку. Увидев меня он махнул рукой в сторону, где находился кабинет человека с трудно произносимой фамилией.

— Дуй к товарищу Шармазанашвили. Тут тебя подожду.

— Что-то случилось? — Осторожно поинтересовался я у Панасыча. Просто не надо быть гением, чтоб предположить, вряд ли этот Шармазанашвили сильно по мне соскучился.

— Откуда ж знать... — Шипко показушно пожал плечами. — Мы люди маленькие...

— Да конечно... Это я уже понял...

— Чего ты там бормочешь, Реутов? К директору, говорю, бегом! Его товарищ капитан государственной безопасности ждет, а он тут лясы точит.

Я сорвался с места и быстрым шагом направился к кабинету директора. В любом случае, зачем гадать, если сейчас все узнаю. Единственное, лучше, конечно, быть готовым к какой-нибудь хрене, чем столкнуться с ней лоб в лоб. А я вот прямо задницей чувствую, сто процентов какая-то хрень.

Остановился возле двери нужного мне помещения, постоял, потупил, соображая, надо ли спрашивать разрешения, как в армии. Или можно просто войти, типа, слушатель такой-то по вашему распоряжению прибыл... Потом махнул рукой, один черт Реутов — детдомовец и беспризорник. Откуда ему знать такие тонкости. Это я совсем чего-то загоняюсь.

Несколько раз стукнул костяшками пальцев по створке, приоткрыл ее и, просунув голову внутрь, спросил.

— Товарищ капитан государственной безопасности, разрешите войти?

— Входи, Реутов. — Раздался откуда-то со стороны знакомый голос.

Я так офигел, услышав его, что на автомате заперся в кабинет, промаршировал до самого его конца и замер рядом с Клячиным, который сидел на стуле в самом углу. Поэтому и не увидел его сначала.

— Николай Николаевич! Не ожидал! Вот это, да. Вы же говорили в субботу приедете. А суббота, это — завтра...

— Тоже рад тебя видеть, Алексей... — Клячин широко улыбнулся, потом вообще поднялся со стула, подошел ко мне и обнял. Будто мы с ним хорошие друзья. Или даже родственники.

— Не поверишь, Алексей... Соскучился по тебе. Прямо не хватало твоей постной рожи... — Чекист со смехом легонько ударил меня кулаком в плечо. — И завтра действительно приеду. Вот только сейчас... Мимо проезжал. Думаю, дай-ка проведу своего, можно сказать, подопечного. Идём, прогуляемся.

Клячин подтолкнул меня в спину, намекая, мол, не мешало бы нам покинуть помещение. Я, как бы, совсем был не против. Тем более, самого директора к комнате не наблюдалось. Но такая странная, внезапно проснувшаяся приязнь Клячина, сильно настораживала.

Мимо он проезжал... Ага... Как же! Мы ведь не в лесу, где-то в районе Балашихи, а в самом центре Москвы. Тут только что «мимо проезжать» и остается.

— Как дела, Алексей? — Начал расспрашивать отцовским, заботливым тоном Клячин, едва мы вышли на улицу и направились к выезду с территории. Вернее, направился туда чекист, а я просто послушно топал за ним.

Кстати, Шипко в коридоре уже не было. Он куда-то испарился.

— Да все хорошо. Привыкаю по-тихоньку... — Ответил я.

— Вот и отлично! Рассказывай! — Клячин хлопнул меня по плечу всем своим видом демонстрируя интерес.

Я с таким же вдохновением начал в красках описывать чекисту первые дни своего пребывания в школе. Говорил много, ярко но... ни о чем. Это, как раз, я очень хорошо умею делать. Пять лет меня в университете учили красиво трюндеть. Клячин внимательно слушать мой рассказ. О новых товарищах. О том, как живется нам в школе. При этом целенаправленно продолжал струячить к выезду.

— Николай Николаевич, — Наконец, не выдержал я, когда мы уже вышли через контрольно-пропускной пункт. — Нам куда-то надо?

— Нет. С чего ты взял? — Чекист улыбнулся. — Просто ты меня вроде как провожаешь. О, кстати. Познакомлю тебя с одним человеком. Мы по его делу и ехали, собственно говоря.

Клячин указал в сторону машины, которая стояла неподалёку. Я чуть не сбился с шага. Честно. От неожиданности. Просто неподалёку стоял не только «Воронок», но и мужчина достаточно преклонных лет. За пятьдесят ему точно. И я этого мужчину узнал сразу. Тот самый Леонид, официант из кафешки в Берлине.

— Идем поздороваемся. — Клячин смотрел на меня внимательно. Наверное, даже, мандец как внимательно. Ловил каждый мой жест, каждую реакцию.

— Конечно! — Я восторженно замотылял головой, соглашаясь.

Типа, в жизни нет большей радости, как со всякими левыми мужиками здороваться. Я же идиот. Чего от меня еще ждать.

Хотя, конечно, восторга точно не испытывал. Клячин не в курсе, кто я есть на самом деле. А вот Леонид — очень даже наоборот. Узнает или нет, не могу точно сказать. Однако, я уверен, в том и есть цель Николая Николаевича. Он притащил этого мужика, дабы тот посмотрел на меня. Ну, и я на него заодно. Совпадения исключаются. Не верю в совпадения.

— Познакомься, Леонид. — Клячин с ходу, только успели подойти, обратился к бывшему официанту, который сейчас мало был похож на приятного, улыбчивого человека из моего сна.

Нет, лицо его осталось тем же. Постарел еще, это да. Но главное — Леонид точно не получал удовольствия от происходящего. Более того, он явно нервничал, хотя изо всех сил старался это скрыть.

Мужик шагнул мне навстречу и по его глазам я сразу понял — узнал. Он меня узнал, даже несмотря на прошедшие десять лет.